

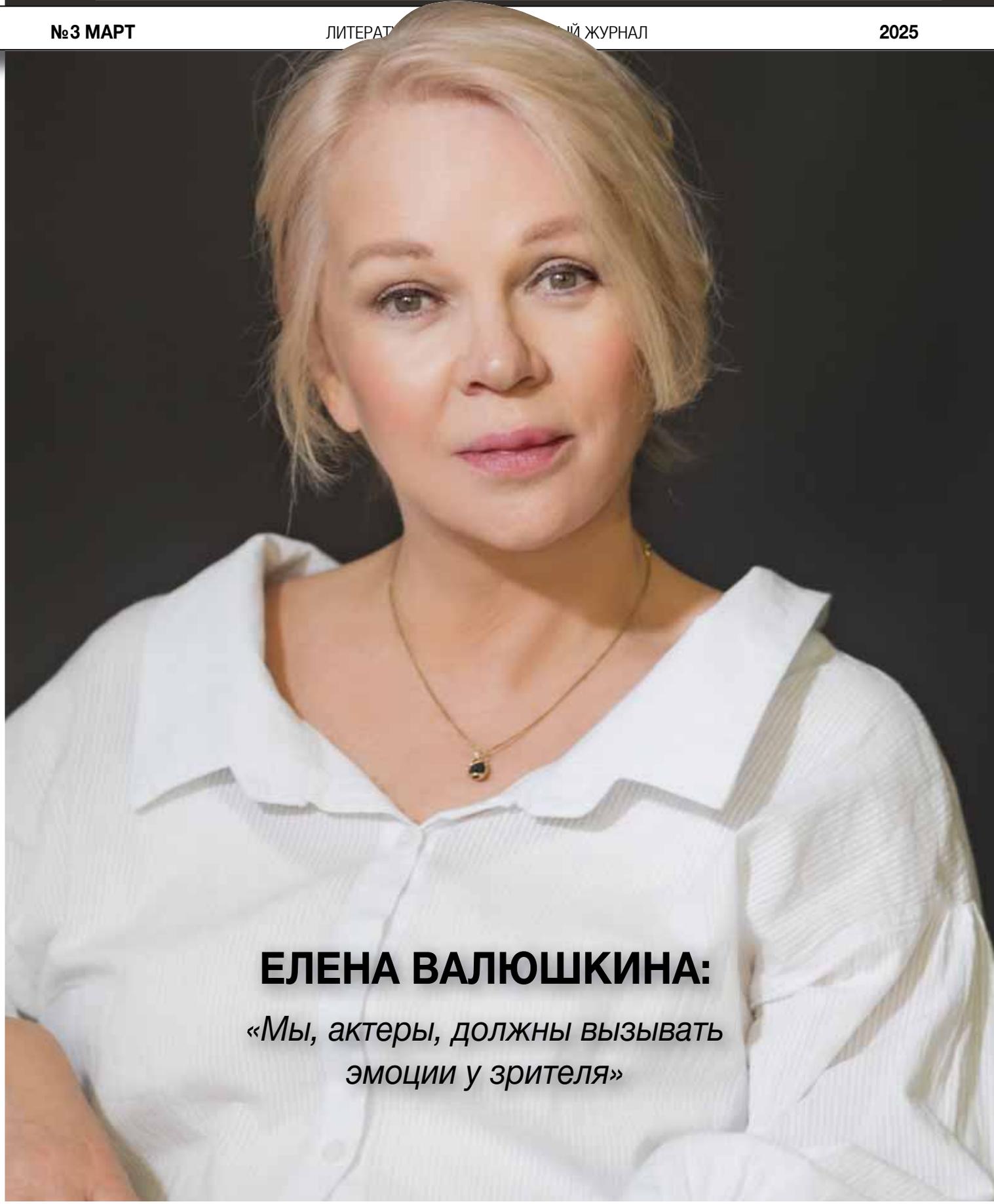
ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№3 МАРТ

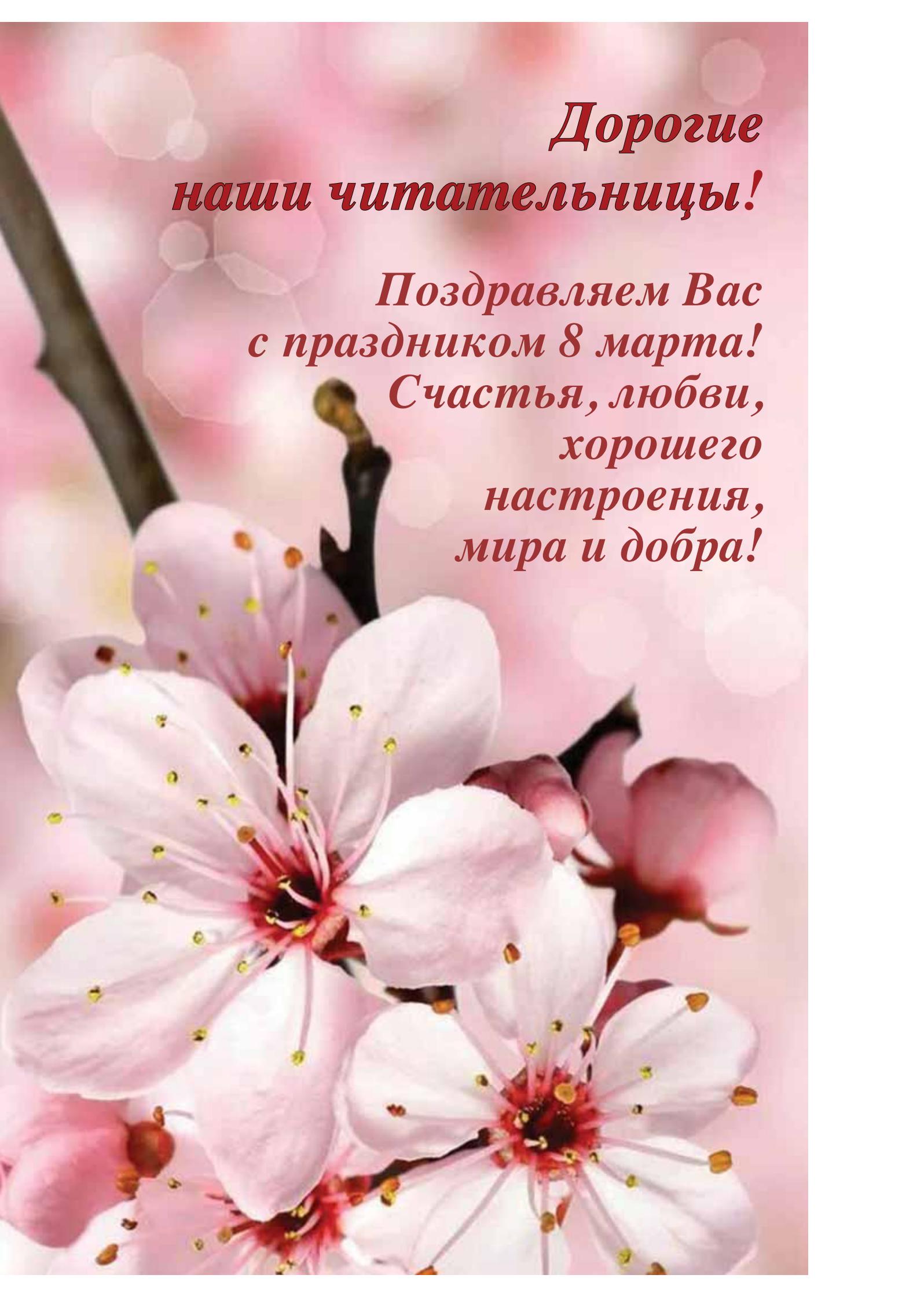
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

2025

ЕЛЕНА ВАЛЮШКИНА:

«Мы, актеры, должны вызывать эмоции у зрителя»

*Дорогие
наши читательницы!*

*Поздравляем Вас
с праздником 8 марта!
Счастья, любви,
хорошего
настроения,
мира и добра!*

Это интересно	
<i>Александр Ралот</i>	Бабушка строгого режима 4
<i>Ирина Опимах</i>	Нортон Саймон, его жизнь и его музей 80
Из российской истории	
<i>Светлана Марлинская</i>	Жертва любви 10
Эссе	
<i>Светлана Леонтьева</i>	Муза декабриста 19
Судьбы	
<i>Евгения Гордиенко</i>	Тамара Макарова. Жизнь чуть позади 27
Рассказ	
<i>Ляйсан Нигматуллина</i>	Девушка, не хотите увидеть рассвет? 36
Мир науки	
<i>Виктор Елисеев</i>	Первая в России 56
Замечательные современники	
<i>Дарья Парчинская</i>	Елена Валюшкина: «Мне очень хочется иметь именной спектакль, чтобы зритель шел конкретно на Валюшкину» 62
Молодые таланты	
<i>Дмитрий Соколов</i>	Софья Ермасова: «Скрипка выбрала меня...» 72
Житейские истории	
<i>Татьяна Окоменюк</i>	Иерихонская роза 91
Итоги конкурса	
<i>Евгений Пономарев</i>	Друг мой, Тришка! 100
Поэзия	
<i>Иван Переверзин</i>	Стихи 111
Поваренок	
	Кулинарные рецепты 118
Детектив	
<i>Ольга Степнова</i>	Вселенский стриптиз 120
Кроссворд. Эрудит 188	

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Актриса театра Моссовета
и киноактриса Елена Валюшкина
Фото Елены Лапиной

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

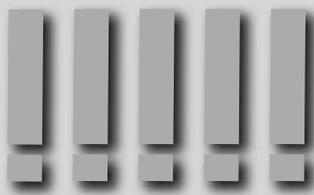
Зак. №

Цена свободная

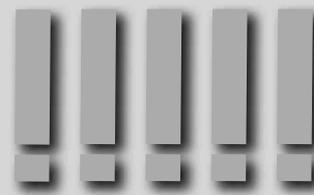
Номер подписан в печать: 18.02.2025

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС

Дорогие читатели!

Лев Николаевич Толстой писал в своем дневнике: «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома». И он был прав, потому что самое ценное, что мы имеем, это наш дом, наша семья, наши родители и дети. Дом — это наш очаг, который мы стараемся поддерживать и сохранять. Но кроме этого, у каждого из нас есть еще один дом — родительский. Там нас любят, ждут и простят все наши промахи и ошибки. Это наши родители, наши бабушки и дедушки. Какие у вас с ними отношения? Передаете ли вы любовь к ним своим детям? Это очень важно, потому что в трудные моменты нашей жизни мы, в первую очередь, спешим к своим родителям, чтобы обрести «почву под ногами».

Самые любящие, самые преданные, они всегда готовы помочь, потому что их сердца наполнены любовью к нам.

Вот мы и решили в 2025 году объявить конкурс

«ТЕПЛО РОДНОГО ОЧАГА»

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru
до конца октября 2025 года.

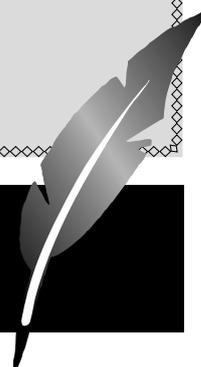
Итоги будут подведены в конце года и опубликованы в первом номере 2026 года, а победители получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

Александр Ралот

Бабушка строгого режима

*Елизавета Алексеевна
Арсеньева*

«Жалко бабушку — он ее ни во что не жалеет. Несчастливая, многострадальная. При свидании все расскажу. И ежели бы не бабушка, давно бы пропал... *«И что еще несносно — что в его делах замешает других, ни об чем не думает, только об себе, и об себе неблагоприятно. Никого к нему не пускают, только одну бабушку позволили, и она таскается к нему, и он кричит на нее, а она всегда скажет — желчь у Миши в волнении».*

Из письма Елизаветы Верещагиной ее дочери Саше по случаю пребывания М.Ю. Лермонтова на гауптвахте.

О Михаиле Юрьевиче кто только не писал, есть даже отдельная часть в литературоведении — Лермонтоведение. Есть и прекраснейший провинциальный музей, в котором каких только артефактов не сыскать. А вот о Елизавете Алексеевне Арсеневой материалов там, увы, мало.

**Ночь с 1 на 2 января 1810 года.
Село Никольское, позже
ставшее именоваться Тарханы**

В новогоднюю ночь хлебосольные хозяева решили собрать в своем имении соседских помещиков, дабы порадовать их маскарадом, с разыгрыванием сцен из «Гамлета».

Однако представление пошло не по тому сценарию, так как отставной капитан лейб-гвардии Преображенского полка Михаил Васильевич Арсеньев, облаченный, согласно роли, в костюм могильщика, произнес фразу, не сочиненную великим Шекспиром:

«Ну, любезная моя Лизанька, ты у меня будешь вдовушкой, а ты, Машенька, будешь сироткой».

В тот момент хозяйка дома не уделила этой фразе должного внимания, мало ли что в сердцах может ляпнуть муженек, принявший на

грудь пару, а то и тройку бокалов дорогого французского коньяка. Ну да, настроение у него сегодня — хуже некуда, и причина тому более чем понятна — отсутствие на празднике соседки, а заодно и любовницы, помещицы Мансыревой.

Но этим дело не кончилось. Супруга Елизавета Алексеевна, будучи старше мужа на целых восемь лет, узнав о похождениях мужа, отправила к ней своего человека с письмом, в котором запретила Мансыревой не только появляться в ее доме, но даже появляться вблизи усадьбы Арсеньевых!

(Существует и иная версия, приведенная в записях П.К. Шугаева:

Под Новый год к Мансыревой из заграничной службы вернулся супруг, и посему Михаил Васильевич стал ей более не нужен).

Меж тем, глава семейства, махнув рукой всем присутствующим, поспешно покинул зал, *«достал из шкафа пузырек с каким-то зелием и выпил его залпом, после чего тотчас же упал на пол без чувств».*

Слух о его кончине мгновенно разнесся по всем комнатам, и помещики «поспешили сию же минуту разъехаться по домам».

Елизавета же, придя в себя после глубокого обморока, велела тотчас заложить зимнюю карету и ехать в Пензу. По прибытии в губернский город она приказала похоронить мужа на кладбище. (Арсеньевой удалось скрыть факт самоубийства, иначе покойника не отпевали бы в церкви, а предали бы земле, исключительно

за оградой погоста). Когда гроб опустили в могилу, она тихо произнесла: «Собаке — собачья смерть!» В Пензе Елизавета Алексеевна пробыла шесть недель, не делая никаких поминовений...

Четыре года спустя

Как гласит народная мудрость, «беда не приходит одна». Родная кровинушка — дочь Мария, пятнадцатилетнее «хрупкое, нервное создание», будучи на балу в Орловской губернии, не только влюбилась в отставного офицера Юрия Лермонтова, лечившегося там от ранений, полученных в битвах с ненавистным французом, а безапелляционно заявила, что намерена выйти за него замуж, ибо жить без этого человека более не может! Мать выбор дочери не одобрила, было ясно как божий день, что он ей не ровня, однако перечить не стала, понимала, что ее кровинушка своего решения все равно не изменит.

— *Значит, так!* — Елизавета Алексеевна демонстративно скрестила руки на груди — *свадьбу устроим здесь, в Тарханах! И не спорь с матерью! У твоего капитана, насколько мне известно, средств на покупку собственного дома не имеется, посему жить тоже будете здесь. Имение большое, как-никак, более четырех тысяч десятин земли — всем места хватит! А вздумаете возражать — оставлю без копейки! Ты меня знаешь!*

Прошло время. В положенный срок Елизавета Алексеевна стала бабушкой.

М.Ю. Лермонтов в детстве

Имя для внука выбирала долго и тщательно. Капитан Лермонтов хотел назвать сына Петром, однако затевать очередной спор с властной тещей не решился.

Потом Елизавета Алексеевна не раз утверждала, что ее Мишенька получил не только имя деда, но и прихватил вдобавок его характер: «нрав и свойства совершенно Михаила Васильевича».

А три года спустя помещица безутешно рыдала над гробом единственной дочери. Мария Лермонтова скончалась 24 февраля 1817 года от неизлечимой в то время чахотки на двадцать втором году жизни и нашла последнее упокоевание в родовом склепе Арсеньевых.

«Под камнем сим лежит тело Марьи Михайловны Лермонтовой, урожденной Арсеньевой, скончавшейся 1817 года февраля 24 дня, в субботу; житие ее было 21 год и 11 месяцев и 7 дней».

Из завещания Елизаветы Алексеевны:

«Оной внук мой будет по жизнь мою до времени совершеннолетнего его возраста находиться при мне, на моем воспитании, попечении, без всякого на то препятствия отца его, а моего зятя».

1827 год. Москва

В этот год Миша, успешно сдав экзамены, был зачислен в Московский благородный пансион, на «Нравственно политическое отделение»! Учился хорошо, но своеобразно.

— Лермонтов, что вы читаете и почему не слушаете мои лекции? — склонился над учеником, сидевшим у окна и с упоением читающим модный роман на французском языке преподаватель.

— Я и так все знаю. На экзамене отвечу.

— Ну, это мы еще поглядим, — недовольно проворчал учитель, возвращаясь на свою кафедру.

На экзамене:

— Лермонтов, извольте взять билет и отвечать на вопросы, в нем обозначенные!

— Не собираюсь и не буду. Я уже давно изучил весь курс, если жела-

Музей М.Ю. Лермонтова в Пятигорске

ете, могу его целиком изложить! Зачем же мне отвечать на какие-то отдельные вопросы!

За год до выпускных экзаменов, утверждая, что учат плохо и не тому, Михаил покинул стены этого элитного учебного заведения и перебрался с бабушкой в столицу, где подал заявление сразу на третий курс Санкт-петербургского университета.

И... получил отказ. Два года обучения в Москве ему засчитать не пожелали. Ответ был короток:

— Хотите у нас учиться, извольте пожаловать на первый курс, и никак иначе!

— Ну, раз так...тогда я в армию! Буду служить как отец и дед! Где здесь училище, в котором самое быстрое обучение на офицера? Незамедлительно отнесу документы туда!

Через некоторое время, успешно сдав экзамены, Михаил Лермонтов был зачислен в «Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров». Обучение в школе всего два года. Затем — выпускные экзамены, присвоение чина офицера и направление для дальнейшего прохождения службы в одном из гвардейских полков, ибо это было элитное военное училище, созданное по инициативе самого Николая Павловича (будущего самодержца Всея Руси!)

Обучение, конечно же, было платное, и стоило в десять раз дороже, чем в Московском благородном пансионе — тысяча двести рублей в год!

Естественно, за обучение будущего офицера платила бабушка.

Она мгновенно сняла квартиру поблизости от школы и выделила внуку (на первые полгода обучения!) ... пять тысяч рублей! (По приближительному курсу — один тогдашний рубль — современная тысяча!)

Прислуга для мальчика: повар, кучер, горничная, лакей, а также продукты, масло, мясо, фрукты и овощи, мука и крупа, ну и, конечно же, отборный овес для лошадей были собственные, доставленные в Санкт-Петербург из родных Тархан.

Елизавета Алексеевна писала своей приятельнице Прасковье Крюковой: *«Нет ничего хуже, чем пристрастная любовь, но я себя извиняю: он один свет очей моих, все мое блаженство в нем».*

А теперь давайте, хотя бы вкратце, изучим источники финансовой состоятельности «бабушки строгого режима»:

1) Ежегодный доход от имения — двадцать тысяч рублей. Три четверти принадлежащих ей земель — это пашни.

2) Семьсот двадцать шесть десятин сенокосных лугов и пастбищ! А еще живность, особенно овцы, так как разведение овец было весьма прибыльной статьей дохода: цены на баранину, шерсть и кожу из-за повышенного спроса были весьма высоки. За один пуд «шерсти овечьей русской мытой» можно было выручить в базарный день до пятнадцати рубликов!

3) Собственный винокуренный завод!

4) Хозяйка Тархан направляла своих крепостных на заводские работы, имея за их труд неплохое финансовое вознаграждение.

5) И, наконец, оригинальное «коммерческое мероприятие»:

Губернский город. Ярмарочные дни. Контора зажиточного торговца мануфактурой, купца Филимонова.

— Петр Игнатыч, — Арсеньева бесцеремонно опустилась на кресло, стоящее в углу кабинета, — и не надоело тебе в бобылях ходить? Хозяйство у тебя вон какое большое да хлопотное, хозяйка ой как нужна.

— Твоя правда, но сама же знаш, еще покойная Екатерина Великая издала указ, согласно которому право приобретения заселенных имений, равно как и крепостных, имеет только вы, дворяне. Вот и приходится мне все самому, денно и ночно...

— Так, я тебе подсоблю, за этим дело не станет. Есть у меня в Тарханах девка на выданье, и грамоте обучена, и на все домашние дела спорая, да и лицом бог не обидел.

— Так ведь крепостная же...

— Не перебивай! Дай досказать, зачем к тебе прибыла. Дам ей вольную грамоту, не за так, конечно, а рублей этак за пятьсот. Шепну ей, что приглянулась она одному богатому ухажеру, готов взять ее в жены без большого приданого. А дальше — твой черед. Ухаживай за вольной дамой, как полагается. Букеты, конфеты, платья да украшения покупай. Уговоришь, так станет твоей навеки. Ну а на нет, не сердчай, и суда нет.

(Историкам известно более тридцати случаев продажи крестьянок путем выдачи «вольных документов», деньги за которые платили купцы-покровители.)

В этой бизнес-идее не было потерпевших, — девушки получали вольную, состоятельные граждане — невест, а помещица — имела со всего этого неплохой гешефт, который без счета, тратила на своего любимого внука.

Увы, мне не попадалось ни одного стихотворения Михаила Юрьевича, посвященного бабушке. А она его творения читала, да еще как!

«Стихи твои, мой друг, я читала бесподобные, а всего лучше меня утешило, что тут нет нонишной модной неистойвой любви.

<...> Стихи твои я больше десяти раз читала».

Из письма бабушки офицеру Лермонтову. 18 октября 1835 года.

Весть о роковой дуэли дошла до нее поздно, когда поэт уже был похоронен на пятигорском кладбище. Узнав о гибели внука, она упала в обморок. Домочадцы нашли ее лежащей на полу без сознания и тут же вызвали врача. У нее отнялись ноги, она почти ослепла от горя. Потеряв смысл жизни, остатки своих дней Елизавета Алексеевна положила на то, чтобы добиться перезахоронения Лермонтова в Тарханах. Она пережила его на четыре года и скончалась в 1845 году, завещав

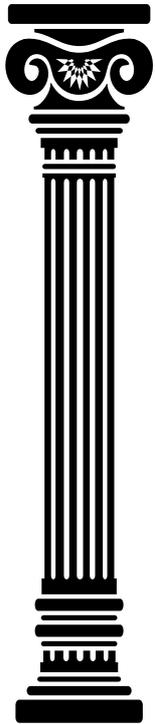

свои деньги и имение ближайшим родственникам по столыпинской линии. Похоронили ее в одном склепе с любимым внуком...

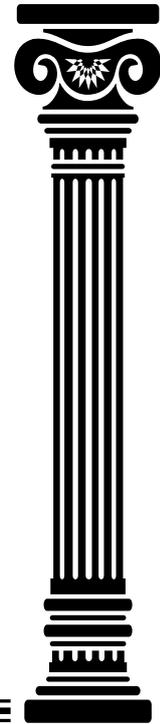
Пятигорск. Музей М.Ю. Лермонтова

Четверть часа не могу оторвать взгляд от портрета этой удивительной женщины, одновременно сильной, находчивой и в то же время... бесконечно любящей и заботливой. И почему-то на ум приходят строки его секунданта — князя А.И. Васильчикова:

«В Лермонтове было два человека: один — добродушный, для небольшого кружка ближайших друзей и для тех немногих лиц, к которым он имел особенное уважение; другой — заносчивый и задорный, для всех прочих знакомых». □

Жертва любви

В 1783 году княгиня Екатерина Романовна Дашкова — президент Российской академии наук, — просматривая счета, обнаружила, что на нужды кунсткамеры, единственного в те времена музея, ежегодно отпускается огромное количество спирта. Выяснилось, что в кунсткамере в спирту хранились всевозможные «уродцы», которых обожал и собирал по всему свету Петр I. Но помимо этих «уродцев» в подвале кунсткамеры, в особом сундуке под ключом хранились две головы — мужская и женская, обе прекрасно сохранившиеся и обе необыкновенной красоты.

Императрица Екатерина II приказала выяснить, кому принадлежали эти головы. Долго рылись в архивах, наконец, определили, что мужчина — это камергер императрицы Екатерины I Виллим Иванович Монс (по скандальным слухам, любовник своей госпожи), которому голову срубили по приказу Петра Великого.

Несколько недель эта голова стояла прямо в спальне Екатерины — «в назидание», а потом была передана в кунсткамеру. Из-за этой «шалости» сама Екатерина чуть не лишилась головы, а Россия осталась

без духовного завещания разгневавшегося на супругу Петра.

Судьба же хозяйки другой головы — женской — оказалась еще более трагичной. Видимо, поэтому она была окружена всевозможными легендами и преданиями, некоторые из которых дожили и до наших дней. Считалось, например, что голова эта принадлежала Анне Монс — первой возлюбленной Петра Великого, которую он уличил в измене и едва ли не собственноручно обезглавил в Москве на Лобном месте. На эту тему Андреем Вознесенским была создана трогательная поэма,

где подробно описываются и переживания Анны перед казнью, и вынужденная жестокость ее царственного возлюбленного, и даже то, как он целовал отсеченную голову прямо на глазах у изумленной публики. Уж эти мне поэты! Только этот эксцентричный момент и соответствует исторической действительности: Петр действительно присутствовал при казни и действительно поднял на руки мертвую голову. И не только поцеловал ее, но и повелел всем остальным присутствовавшим восхищаться ее красотой, попутно объясняя, какими жилами голова соединяется с телом. Известно ведь, что Петр до самой смерти оставался чрезвычайно любознательным человеком — вот и тут не мог устоять перед искушением пополнить свои знания и просветить окружающих. Только была это голова не его многолетней фаворитки, а совсем другой женщины. Кстати, Анна Монс умерла собственной смертью, пережив двух мужей и собираясь выйти замуж в третий раз. А красавец Виллим Монс был ее родным младшим братом. По-видимому, Петр и приставил его к законной супруге камергером, поддавшись ностальгическим воспоминаниям. Забыл, что верность не входит в число добродетелей Монсов: Анна ведь тоже изменила Петру с одним дипломатом при дворе. Ее-то Петр простил — все-таки первая любовь, если вообще не первая женщина...

Виллим Монс

Вторую легенду очень любили до революции рассказывать сторожа в кунсткамере: «При государе Петре I была необыкновенная красавица, которую как увидел государь, так и приказал отрубить ей голову и поставить в спирт на вечные времена, чтобы все могли видеть, какие красавицы рождаются на Руси...»

В какой-то степени и это правда, только голову красавице отрубили за совершенно конкретное преступление: детоубийство. Преступницу не спасло ни высокое происхождение, ни близость к императорскому двору, ни «смягчающие об-

стоятельства»: она была незамужней, и рождение ребенка наложило бы на нее несмыслимое клеймо...

Красавицу звали Мария Даниловна Гамильтон, и принадлежала она к знатному шотландскому роду, один из представителей которого перебрался в Россию еще при Иване Грозном — Мария приходилась внучкой еще одному знатному русскому боярину — Артамону Сергеевичу Матвееву, воспитателю матери Петра I. Так что «девка Гамиль-

ше не призывал. Избранником ее был Иван Орлов — царский денщик и любимец, красавец, ну и все прочее, что полагается в таких случаях. Орлов отвечал Марии полной взаимностью, но жениться почему-то не спешил. Во-первых, Петр не терпел никакой инициативы в сердечных делах у своих любимцев и предпочитал устраивать их личную жизнь по собственному усмотрению. А во-вторых, Мария по своему происхождению была мно-

---

Начиналось все замечательно. Мария была взята ко двору, состояла в свите императрицы Екатерины, пользовалась особым расположением Петра I. Первая красавица при дворе, она блистала на ассамблеях, привлекала к себе толпы поклонников, а в одного из них влюбилась без памяти. Это был царский денщик и любимец. Он отвечал Марии взаимностью, но жениться почему-то не спешил...

тон» (а девками в те времена, кстати, называли и фрейлин императрицы) по своему рождению могла рассчитывать на самый блестящий брак и беспечную жизнь.

Увы, судьба распорядилась иначе. А начиналось все замечательно. В тринадцатилетнем возрасте Мария была взята ко двору, состояла в свите императрицы Екатерины, пользовалась особым расположением Петра I. Первая красавица при дворе, она блистала на ассамблеях, привлекала к себе толпы поклонников и, на свое несчастье, в одного из них влюбилась без памяти. Правда, уже после того, как царь к ней охладел и на ложе боль-

го выше Ивана Орлова, и ее родственники наверняка не одобрили бы такой мезальянс. Впрочем, это все догадки.

Совершенно очевидно одно: когда в начале 1716 года государь и государыня отправились за границу, Мария Гамильтон сопровождала их в качестве фрейлины двора императрицы, а Иван Орлов — как императорский адъютант. Именно тогда их роман получил логическое продолжение: они стали любовниками.

Но Мария Гамильтон поплатилась жизнью, разумеется, не за внебрачную связь — в подобном случае едва ли не весь российский высший

свет нужно было бы отправить на эшафот... Погубило ее роковое стечение обстоятельств: у фонтана в Летнем саду дворца был найден труп новорожденного младенца, а Иван Орлов загулял с приятелями, и несколько дней его не могли сыскать.

И то, и другое событие одинаково скверно повлияло на настроение Петра, и без того склонного к вспышкам сокрушительного гнева. И когда Орлов, наконец, явился во дворец, чтобы выполнять свои непосредственные обязанности, он обнаружил, что государь вне себя от ярости. Единственная вина, которую ощущал за собою Орлов, была его связь с «Марьюшкой», «девкою Марьей Гаментовой», камер-фрейлиной ее величества. В этом он с перепуга и повинился, не представляя себе, какие трагические последствия для Марьюшки будет иметь его признание:

— Виноват, государь! Люблю Марьюшку!

— Давно ль ты ее любишь? — спросил царь.

— Третий год...

Платонических воздыханий Петр не понимал и

Мария Гамильтон

не признавал, к тому же прекрасно знал нравы своего двора. Потому, естественно, задал следующий вопрос:

— Раз любишь, значит, она бывала беременною?

— Бывала, государь.

— Значит, рожала?

— Два раза скидывала, один родила, да мертвого.

Петр и на этом не остановился: «привычные выкидыши» тогда были делом нередким, хотя рождение мертвого младенца тоже не было редкостью, равно как и смерть роженицы при родах. Потому допрос был продолжен:

— А видел ли ты младенца мертвым?

— Нет, — простодушно ответил Орлов, — не видел, а от нее узнал.

Вот тут-то Петру и вспомнился найденный в дворцовом саду мертвый младенец, и он тотчас же приказал привести к себе Марию Гамильтон. Та сначала все отрицала, клялась в своей невинности, но Петр круто взялся за дело, и вскоре фрейлина созналась, что «она с Иваном Орловым жила блудно и была беременна трижды. Двух ребенков лекарствами из себя вытравила, а третьего задавила и отбросила».

Орлов был посажен в крепость, «а над фрейлиною, — писал один из современников, — убийцею нераскаянною, государь повелел нарядить уголовный суд». Любовникам не повезло еще и потому, что их дело раскрылось как раз тогда, когда Петр находился в страшном нравственном возбуждении: это были те самые дни, когда шел суд над царевичем Алексеем Петровичем, кончившийся казнью наследника и его соучастников. Теряя старшего сына, не имея уверенности в том, что младший сын от Екатерины сможет дожить до совершеннолетия и царствовать, и вообще не слишком счастливый в своих детях, Петр не смог простить Марии Гамильтон такого легкомысленного отношения к «благословению Божьему» — детям. Именно в этом и было все дело, а не в том, «блудно» или не «блудно» она жила с Иваном Орловым: сам Петр соизволил обвенчаться с Екатериной тогда, ког-

да она родила ему уже пятерых (!) детей. Но, с другой стороны, что позволено Юпитеру...

О крайнем раздражении Петра против «детоубийцы» свидетельствует и тот факт, что он приказал отправить Марию Гамильтон в застенки и подвергнуть пыткам, причем сам на них присутствовал. Ничего нового, впрочем, фрейлина под пытками не сказала, как, однако, не сказала ни слова в обвинение того, кого она любила и из-за кого попала в такое положение.

Орлов же, панически боясь и пыток, и казни, писал из крепости, где его держали под стражей, одно письмо за другим, причем чернил в этих посланиях свою любовницу как только мог. Он так заврался, что,

того не было». О возлюбленной — ни слова.

А ее, между тем, приговорили к смертной казни и с подписанием приговора заковали в железо. Так она провела четыре месяца.

Долгое заточение фрейлины, по-видимому, дало ее покровительнице-императрице надежду на то, что Петр решил просто припугнуть несчастную, а ни в коем случае не доводить дело до смертной казни. К тому же «дело Гамильтон», как сейчас сказали бы, всколыхнуло общественное мнение, и самые влиятельные придворные пытались убедить государя ограничиться пострижением виновной в монахини. Тоже, в общем-то, не подарок для молодой кра-

---

Долгое заточение фрейлины, по-видимому, дало ее покровительнице-императрице надежду на то, что Петр решил просто припугнуть несчастную девушку, а ни в коем случае не доводить дело до смертной казни. К тому же самые влиятельные придворные пытались убедить государя ограничиться пострижением виновной в монахини. Но... увы

справедливо опасаясь быть уличенным в клевете, начал каяться, ссылаясь на беспамятство: «Прошу себе милостивого помилования, что я в первом письме написал лишнее: когда мне приказали написать, и я со страху и в беспамятстве своем написал все лишнее... Клянусь живым Богом, что всего в письме не упомяну, и ежели мне в этом не поверят, чтобы у иных спросить —

савицы, но все же лучше, чем смерть.

Конечно, дело было не в особой гуманности придворных: восемнадцатый век был более чем жестоким временем, и смертные казни составляли неотъемлемую часть общественной жизни. Отрубание головы считалось еще милостью, «в моде» были четвертование, колесование и прочие экзотические штуч-

ки. Так что сам по себе приговор императорской фрейлине никого особо не взволновал. А вот основание для этого приговора...

Восемнадцатый век был столь же легкомыслен, сколь и жесток, и десятка полтора придворных красавиц почувствовали топор палача, занесенный над их прелестными шейками. Поэтому, хлопоча о помиловании Гамильтон, знатные персоны того времени хлопотали прежде всего об отмене прецедента. Тем более что у многих еще были живы в памяти другие казни, одобренные Петром: женщин-мужеубийц, например, зарывали в землю живьем по шею и оставляли так на милость погоды и диких зверей. Причины преступления никого не волновали: одинаково наказывали и хладнокровную, расчетливую убийцу, и несчастную, обезумевшую от ежедневных побоев и издевательств мужа.

За Марию Гамильтон хлопотали и сама императрица Екатерина I, и невестка царя, вдовствующая царица Прасковья Федоровна, и многие другие близкие к государю лица. Первоначально Петр не говорил ни «да», ни «нет». С одной стороны, он не любил менять единожды принятого решения, даже если принимал его под влиянием момента. С другой стороны, сам-то он тоже пользовался благосклонностью красавицы-фрейлины, а о последствиях этой благосклонности ничего не знал: вдруг и от него «Марьюшка» понесла да скинула, или того хуже.

Во всяком случае, когда, наконец, потребовалось решить, казнить или миловать, Петр вышел из положения достаточно своеобразно — переложил ответственность на других, точнее, на царицу Прасковью Федоровну, горячее всех хлопотавшую за «детоубийцу»:

— Чей закон есть на таковое злодеяние? — спросил Петр свою невестку.

— Вначале Божеский, а потом государев, — отвечала царица.

— Что же именно законы сии повелевают? Не то ли, что «проливая кровь человеческую, да прольется и его»?

Царица вынуждена была согласиться с тем, что за смерть полагается смерть.

— А когда так, — подвел итог Петр, — порассуди, невестушка, ежели тяжко мне и закон отца или деда моего нарушить, то коль тягче закон Божий уничтожить? Но ежели кто из вас имеет смелость, то возьмите на души свои сие дело и решите, как хотите, — я спорить не буду.

Смельчаков, однако, не нашлось. Никто не желал ни брать на себя ответственность, ни делать то, на что у самого государя очевидной охоты не было. Хотя обычно Петр не боялся нарушать законы, в том числе и законы Божии, не говоря уже о тех, которые были установлены его отцом и дедом. А слабость, проявленная им по отношению к «Марьюшке», была едва ли не единственной в его жизни: «царь-плотник» не гну-

Мария Гамильтон

шался и лично голову отрубить, если считал сие за благо.

Казнь состоялась 14 марта 1719 года на Троицкой площади близ Петропавловской крепости. Все, в том числе и приговоренная, были уверены, что в последнюю минуту государь дарует Марии Гамильтон свое помилование.

Действительно, Петр был ласков с юной (ей еще 19 лет не исполнилось!) женщиной, простился с нею, поцеловал ее в лоб и даже, по некоторым свидетельствам, дал ей

Петр I

слово, что к ней не прикоснется нечистая рука палача. Но в заключение якобы сказал:

— Без нарушения божественных и государственных законов не могу я спасти тебя от смерти... Итак, прими казнь и верь, что Бог простит тебя в грехах твоих. Помолись только ему с раскаянием и верой.

Через несколько минут голова грешной красавицы скатилась с плахи на помост...

Слово свое Петр сдержал — сам поднял ее и показал толпе,

хотя обычно это делал палач. Но царь пошел еще дальше: поцеловал голову прямо в губы, подчеркивая, что по-прежнему восхищается красотой своей давней любимицы.

(Для людей, хорошо знавших Петра, в этом поступке не было, впрочем, ничего из ряда вон выходящего.)

Закончив же свою маленькую импровизированную лекцию об анатомии, Петр вторично поцеловал мертвую голову, затем бросил ее на землю, перекрестился и уехал с места казни.

Как известно, Петр I был человеком чрезвычайно практичным. Оставшиеся после казненной драгоценные вещи он велел конфисковать в казну. А вместе с украшениями и безделушками приказал конфисковать и сохранить самое драгоценное, что было у фрейлины: ее прекрасную голову.

Сей «экспонат» поместили в большую стеклянную банку со спиртом и целых шесть лет — до смерти Петра — хранили в особой комнате при кунсткамере. Так что не слишком-то боялся Бога государь-император: вместо христианского погребения выставил голову своей бывшей любимицы на всеобщее обозрение.

Последний год голова Марии Гамильтон провела в обществе еще одной головы, также принадлежавшей при жизни любимцу императора и императрицы, безжалостно казненному по приказу Петра.

До смерти Екатерины I головы находились в кунсткамере, и их можно было видеть, а потом сочли за благо убрать их с глаз долой: все-таки консервация не входила в ритуал христианского погребения. Затем о них забыли. И не вспомнили бы, не обрати шестьдесят лет спустя дотошная Дашкова внимания на то, что слишком много денег уходит в кунсткамере на спирт.

Екатерина II, налюбовавшись на головы, приказала все-таки предать их земле. И останки Марии Гамильтон и Виллима Монса были закопаны там же в кунсткамере, в подвале. Времена изменились, и былого интереса к «уродцам» и «монстрам», особенно таким, которые по рождению принадлежали к высшей российской знати, в обществе уже не испытывали.

«Дело Гамильтон» продолжения не имело. Ни одна российская аристократка впоследствии не подвергалась обвинению в «блудной жизни» или «детоубийстве», хотя и супружеских измен, и выкидышей, и преждевременных родов при дворе случалось куда больше, чем в среднем по России. Просто остальных царей (и цариц) это интересовало куда меньше, чем Петра.

О дальнейшей судьбе Ивана Орлова не известно ничего. Мужчина — он, естественно, остался в стороне.

И это, кстати, тоже с веками не меняется... □

Муза декабриста

Светлана Леонтьева

Полина Гебль
(Прасковья Егоровна Анненкова)

Я не могу без тебя жить. Я не могу без тебя дышать. Я не могу без тебя думать. Даже воздух вдохнуть мне тяжело и выдохнуть тоже. Воздух до того тяжел и неуклюж, что колет внутренности. Думать тоже невыносимо без тебя. Мысли объемные, трудные. И все кажется, что вдруг не увижу снова. От этого становится тяжелой даже та самая легкость, которая всегда сопровождала, давала силы, но даже выдержки не осталось — лишь сила бессилья. Сколько глаза не открывай в ясный день — но лишь темное пятно ширилось и раздвигалось...

Итак, после тридцати лет жизни на каторге, на самой настоящей каторге — с кандалами и чахоткой, с рудниками и холодом в Сибири — в приснопамятном 1857 году по амнистии граф Иван Александрович Анненков был восстановлен в правах. Он получил чин титулярного советника и был милостиво назначен находиться в отделе для особых поручений при нижегородском губернаторе — декабристе А.Н. Муравьеве, а формулировка была такая: «Состоять сверх штата». Жить семья Анненковых поселилась в про-

винции, в Нижнем Новгороде, ибо в столице, где оставалась вся недвижимость семейства, им не позволялось указом. Санкт-Петербург — северная Пальмира — тоже был в запретительном акте. А Нижний Новгород — здесь столетие, что год! Здесь время тягучее, как варенье в вазочке.

Анненков возглавлял комитет по особым поручениям при губернаторе. Его задачей были вопросы улучшения жизни и быта помещичьих крестьян и подготовка реформ 1861 года. За успешную работу Иван

*Иван
Анненков*

Александрович неоднократно избирался мировым судьей, а еще был награжден серебряной медалью «За труды по освобождению крестьян».

Милый, милый мой! Моя жизнь. Мое дыхание. Мое блаженство. Моя молитва. Моя русская молитва на французском языке... Мое все! Моя нежность. Поцелуи. Моя радость. И горе мое...

Каторжанка... какое тяжелое слово! Но оно легкое, если я рядом с тобой, Иван! Ваня! Ванечка!

Да, да, Полина моя! Моя нежная девочка! Моя песня. Моя тяжелая до-

ля с тобой приобретает воздушность, она наполняется воздухом. Летим...

Полина с годами постарела, расплнела. Но муж не замечал в ней перемен. Для него она была все та же молоденькая модистка, которую он встретил случайно, когда с маман зашли в ателье....

А было это так:

Он родился! О, нет, если вы думаете, что это произошло пятого марта 1802 года в семье Анненковых в Москве, то по факту это верно, но, по сути, Иван Александрович родился, увидев в первый раз Полину! И все его годы жизни 1802–1878,

это она — Полина! А цель — свержение императора Николая I.

Имя Анненкову было дано в честь дедушки Якоби. Состоял ли Иван Александрович во главе заговора декабристов? Был ли он «певцом» общества? Отчего стоял на Сенатской площади по другую сторону от декабристов с войсками, которые имели честь подавить восстание? Но при этом не отрекся от заговорщиков, хотя мог сделать это? Это называется — честь и отвага, дружба и верность!

Что же касается Жанетты-Полины Гебль, в замужестве Прасковьи Егоровны Анненковой, ее родиной была Франция! И вот юная Жанетта, освоившая профессию модистки, мастерицы по изготовлению шляпок, женского платья и белья, отправилась сначала в Париж, бывший «столицей мира», а затем в Москву, на так называемый, известный в мире Кузнецкий Мост, слывший светочем роскоши и моды. А всего-то через квартал жил ее будущий муж. Квартал размером в вечность. И размером в один миг!..

Мама Ивана Анненкова неожиданно разбогатела, получив наследство. Дом их был переполнен прислугой и приживалками, там находилось более полутора сотен человек! По утрам, а утро — это почти полдень! — Анну Ивановну ожидали с полдюжины дворовых девок, наряженных в ее юбки, платья, чулки!

Это целый ворох человеческого тепла! Они грели ей место за столом, грели диваны, карету, ибо Анна Ивановна любила садиться на самое тепленькое!

Сына Анна Ивановна любила и чрезмерно баловала. Далее благодаря заграничным учителям Анненков поступил в Московский университет, а, окончив его, — на службу в самый престижный гвардейский Кавалергардский полк. Кавалергарды — это тяжелая конница и личная охрана российских императоров. Это непременные участники самых торжественных церемоний — от коронаций до императорских балов. Брали в кавалергарды рослых, светлоглазых блондинов, плечистых, с хорошей выправкой.

В июне 1825 года поручик кавалергард Анненков был командирован в Пензу — следить за подготовкой начинавшейся 29 июня Петропавловской ярмарки. Кроме того, здесь он произвел закупку строевых лошадей для полка. Честный и верный присяге, Анненков не прикарманивал деньги из казны, не слыл перекупщиком, не опускался до воровства.

Полина Гебль также приехала на ярмарку. Они были уже знакомы после той случайной встречи в лавке на Кузнецком мосту. Иван Александрович делал тогда вид, что скучал, он лишь мельком смотрел на Полину. А она щебетала как птичка. Милая и откровенно добрая. И щебет

был похож на пение, и Москва была торжественная и летящая...

О, Пенза! О, ярмарка! О, мезальянс! Поворот судьбы!

Молодые люди стали встречаться. И даже тайно попытались обвенчаться. Но в последний момент Полина сбежала прямо из-под венца. Она испугалась — а вдруг? Вдруг произойдет нечто такое, непредвиденное... и ей стало страшно!

Но до этого они долго гостили в Пятино — в пензенском имении Анненковых. Тогда-то Иван и поведал Полине, что состоит в тайном обществе...

О, молодость!

О, сладость тайны!

О, любовь!

14 декабря 1825 года декабрист Иван Анненков был на Сенатской площади.

Звучало громкое «Боже мой!» И еще громче — «свободой горим!» И над всем этим метался звучный колокол прозрения!

Кавалергарды налетали дважды — и оба раза были отбиты с потерями: «витринные» войска слабогодились для реального боя.

Анненковым двигало полковое братство, он не мог оставить тех, с кем служил вместе, и шел с ними в одном строю...

А ночью 19 декабря 1825 года он был арестован, и его допросил лично император Николай I:

— Отчего вы, Иван Александрович, не донесли заранее на тайное общество?

— Я не мог...это дело чести, вы же царь. Вы должны понимать...

— Вы ошибаетесь...я знаю, что такое честь. Поэтому вам не будет расстрела. Вам — каторга. Там вы и сгинете...

И начался отсчет 28 каторжных лет, с 14 декабря 1825 года. Стрелки времени текли медленно...

К этому времени Полина уже родила дочь — пензенское приключение не прошло даром, которую называли Александрой, а фамилия ее была Гебль.

На последние деньги Полина поехала к своей свекрови... Дорога была трудной, кроме этого, ее одолела послеродовая горячка. Но... свекровь Полину не приняла!

Что же делать? Любимый на каторге, денег в обрез, как жить дальше, да еще с маленькой дочкой на руках?

И тогда Полина решила обратиться к императору. Письмо было на французском языке, хотя слезы, его обмочившие, были истинно русские — соленые и размашистые: «Я не могу жить без него. Я не могу дышать!..»

А император вдруг возьми, да и смилостивился! Воодушевленный своим милосердием, он не только разрешил Полине Гебль ехать в Сибирь, но и распорядился, чтобы Московский генерал-губернатор выделил ей на это путешествие 3000 рублей — по тем временам это были очень хорошие деньги.

Неожиданно и мать жениха Анна Ивановна тоже сжалась и приютила внучку у себя в доме, говоря: «Сашенька? Такая хорошенькая! Личико, как у Ванечки маленького...» (А Ванечка слыл красавцем и молодцом!)

О, икона Иоанна! О, русская церковь! Молись, молись, Полина, о здравии...

Мужа твоего, детей твоих! Всех семерых. Анненковых! Любовь моя! Да приидет царствие твое!

1828 год. Острог в Чите...

Шел снег, несмотря на то, что уже было 8 апреля. Именно в этот день Иван Александрович Анненков и Прасковья Егоровна Гебль — так стали звать ее по-русски — обвенчались в Михайло-Архангельской церкви в остроге Читы. На время церемонии с Ивана Анненкова сняли кандалы, а вечером новобрачным представили получасовое свидание. И за эти полчаса чета Анненковых поклялась друг другу в вечной любви.

Я не могу жить без тебя...

Не могу дышать...

До самой смерти Полина Анненкова не снимала с руки браслета, отлитого Николаем Бестужевым из кандалов ее мужа.

И вот он, Нижегородский Крестовоздвиженский монастырь и кладбище при нем. Входишь туда — и надвратность тебя обвола-

кивает... Где-то наверху птицы щебечут...

Это птицы тех птиц, что щебетали в прошлых веках. Их птенцы.

Ибо не меняют гнездовый пернатые наши.

Не меняют мест.

Не меняют песен.

О чем они, песни эти?

А о том, что мать Ивана Анненкова была первой богачкой Москвы, слыла дамой «с характером» и содержала в своем московском доме штат прислуги, по численности превышающий население целой деревни...

О том, что в 1824 году старший брат Григорий Анненков был убит на дуэли.

О том, что кавалергард Генерального штаба Иван Александрович Анненков летом знакомится с Полиной Гебль — дочерью наполеоновского офицера, приехавшей в Москву модисткой на работу в торговой фирме «Дюманси».

О том, что Полина родилась во Франции в знатной семье, но ее родственники потеряли все имеющиеся ранее привилегии. Отец девочки погиб, когда она была еще ребенком. Жаннет-Полине пришлось с ранних лет трудиться: шить, кроить ткани...

О том, что Полина переехала в Россию и поступила на работу в модный салон, где нередко бывала графиня Анна Анненкова, которую часто сопровождал сын — Иван Анненков. Это семейство являлось одним из наиболее родовитых и обеспеченных в Москве.

Но женился Иван на Полине!

А еще — карты, модные развлечения, игра, пасьянс...

А еще звезды. Снег. Молодость.

И... 14 декабря 1825 года...

Перевернутые мечты и воплощенные идеалов...

1826–46 годы...каторга...изнуряющий труд.

Читинский острог — одно из самых тяжелых, смертных мест. Подземелье, по стенам которого течет вода. Бесконечное журчание тьмы...

И стареющая мать Ивана, которая поседела за одну ночь. Ибо стареют матери в одночасье от своих бедовых сыновей.

А может, может, организовать побег Ивану за границу? Может, удастся избежать каторги?

Нет!

А может, может, отречься от причастности к тайному обществу? Ведь никто клятв не давал. Никто кроме себя самого...

Нет!

А может, может, пожалеть мать свою?

Мамочка, мне тебя жалко, но нет, не смогу!

Ибо светит звезда...тяжелая звезда... но она светит.

Никто тебя не заставляет, но ты сам идешь на подвиг. Такова тайная светящаяся звезда! Она не на небе, она в душе...

Я жить не могу без тебя. Дышать не могу...

В царской канцелярии было множество народу. Полине подали бумагу, писанную по-русски, в которой было разрешение ехать в Сибирь... Ей перевели текст, так как читать по-русски Полина не могла, могла лишь говорить и молиться на русском!

Дочери Полины, рожденной вне брака, все-таки дали разрешение носить фамилию Анненкова и наследовать состояние своей бабушки. Александра оставалась в Москве при Анне Ивановне вплоть до ее смерти.

А что же сама Полина? Она приняла православие, стала Прасковьей Егоровной Анненковой и с тех пор начала жить обычной каторжанкой. (18 беременностей, 7 родов, 6 детей выжили). Дети получили приличное образование, а дочери впоследствии удачно вышли удачно.

В 1839 году — Боже, Боже, прошло с 1825 года 14 лет — каторгу сменили на ссылку. А это значит, что Тобольск — барак, печь, хотя и небольшая, зато уже своя комнатушка, на нарах — матрасы, одеяла. Каторжники и их супруги проживали в самых неблагоприятных условиях, а женщины-аристократки выполняли здесь самые нелюбимые, тяжелые и совершенно ранее несвойственные, незнакомые им работы... Полина Анненкова слыла женщиной уникальной. С ее редким качеством оптимизма, а также не покидающим

ее трудолюбием, стойкостью, она сносила все перипетии судьбы. Не обязательно быть каким-то сверхсуществом, достаточно просто любить мужа, и тем прославишься в веках.

Полина умела шить, стирать, готовить обеды и смогла по-настоящему облегчить суровый быт заключенных в Сибири, она наставляла женщин в их суровых испытаниях. Имя Прасковьи Егоровны Анненковой было одним из наиболее почитаемых, ибо попробуй-ка, раздели с мужем все тяготы его судьбы. В письмах и воспоминаниях многие декабристы упоминали черты безволия, нерешительности, капризности, себялюбия у И.А. Анненкова, но все это компенсировалось наилучшими качествами характера Полины.

Она дополняла его, вносила в него героизм и стойкость. Вот что значит истинная любовь.

Густой свет восходил над городом Нижний Новгород. Молочные звезды тускнели, обволакиваясь медовыми красками утра...

1858 год. Александр Дюма отправился в путешествие по Волге. Как он писал: «Какой-то голос мне нашептывал — заезжай, заплыви, побывай в Нижнем Новгороде».

Встреча с бывшим ссыльным, а ныне помощником губернатора, с декабристом Иваном Александровичем Анненковым, а также с его женой Прасковьей Егоровной (Полиной Гебль) была необычайно трогательной и радостной. Она состоялась в доме военного губернатора

в самом Нижегородском Кремле. И поныне ветер над рекой напевает об этом. И птицы щебечут. О, если бы я умела разгадывать пение птиц, их текст звучал бы так: «Я не могу дышать без тебя. Жить без тебя. Поэтому я решила ехать за тобой. Сибирь? Чита? Ой, да, пожалуйста. Ибо все имеет свой срок: каторга закончится. Все равно закончится. Даже царь может умереть. А уж срок ссылки тем более. Но одно неизменно — любовь! Ибо стоит Троицкий храм в селе Пятино в Симбирской губернии — один из самых выразительных памятников зодчества. Это архетип торжества! И любви! А Каменный Брод? А Большой Аргаш? А жители села? Их около двух тысяч душ! И Храм Живоначальной Троицы, и деревянная кладбищенская церковь в честь великомученика Дмитрия Солунского... О, моли Бога о нас!»

Это символ любви.

Это кимвал звучащий.

И это любовь бессмертная...

Если идти по территории Крестовоздвиженской церкви (монастыря), то до сих пор слышатся слова:

«...я ползком к тебе, сосцы сдирая в кровь. Я босыми ногами по снегу, но к тебе, друг ты мой, Ваня! Я безоглядно к тебе. Хоть бы еще разочек увидеть, услышать голос твой. Даже камни вокруг — не помеха! Да, да, все знают о том, каков характер твой: и капризный, и ледащий. И нежный ты, и горестный. Но дело чести — это

не предай друзей. А клятва твоя — Богу устремлена. Напрямую к нему.

И главное — ты жив. Всегда жив, как душа моя! Вечная!»

Одно не смогла сделать Полина — это умереть со своим дивным Иваном Александровичем в один день. Старалась, но не получилось. Болен уже был ее супруг тяжелым психическим расстройством. Никакие травы не помогали, ни отвары мятные, ни припарки из душицы и хмеля, ни настойки из облепихи и липы, ни сидение в тени, ни отдых под ледяным панцирем зимы на мягком диванчике во дворе дома на Большой Печерской... Ни характер Полины, которая до старости сохранила жизнестойкость и оптимизм, которая все сносила от Ивана своего — и упреки, и обиды, и конфузы разные. «Друг ты мой... Я же без тебя жить не могу. Дышать не могу... Моя любовь больше всех любовей на свете, даже больше тебя. Моя любовь меня переросла... А ты уж, Иван, не задерживайся долго тут, ибо жду я тебя там... Как ты меня ждал в Чите. В Сибири. В рудниках. В пыли и грязи, в кандалах. В рвань и зипунишке. А заплатки — так это от моих рубах посконных, чтобы не дуло тебе...»

А ждать было не долго. Иван Александрович пережил Полину на два года и отправился на тот свет к ней в объятья. Красавец. Гусар. Молодец. И хорошо им там! Вместе. В объятьях!.. □

Евгения Гордиенко

Тамара Макарова

*Жизнь
чуть позади*

Есть такая категория актрис — «красавица советского кино». В ней — особенная статья, чаще величественная — как у Любови Орловой, порой озорная — как у Марины Ладыниной. Тамара Макарова с легкостью вписывается в этот ряд, хотя в начале карьеры ей предрекали в основном роли иностранок — из-за особой, «несоветской» внешности. Но она поступила по-своему и сыграла немало героинь совершенно русских, иногда даже становившихся символическими.

Напротив «красавиц советского кино» довольно часто стоит их муж, монументальный режиссер, обласканный властями, любимый зрителем и почти всегда считающий себя Пигмалионом собственной жены.

У Тамары Макаровой такой «Пигмалион» тоже имелся — Сергей Герасимов. В их паре она всегда была немного позади, в отличие от пары Орлова-Александров, где фоном всегда был муж... Но когда ученики Макаровой и Герасимова вспоминают о них, то говорят в превосходных степенях именно о Тамаре Федоровне. Людмила Гурченко, которую Макарова, предпочитавшая строгий стиль в одежде, вечно ругала за «рюшечки», говорила: «Она — родная». Анастасия Вертинская вторила: «Потрясающая естественность». Николая Губенко, выросшего в детдоме, она частенько подкармливала, как и многих своих студентов — под предлогом обучения манерам за столом.

Но все это будет уже тогда, когда Макарова станет преподавать — вместе со своим мужем. А начало карьеры их обоих совсем не предвещало такой «монументальности»...

«Комсомольск»

Справа:
*Сергей
Герасимов*

Отцом Тамары Федоровны был военный врач, служивший в лейб-гвардии Гренадерском полку в Царском Селе. К искусству семья никакого отношения не имела, а вот девочка уже в детстве любила петь в граммофонную трубу, представляя себя знаменитой исполнительницей романсов Варварой Паниной. Затем занималась в балетной школе, сохранив на всю жизнь царственную осанку. А будучи подростком, уже на «бандитской» Лиговке, Тамара собрала из соседских детей театральную дворовую труппу. Этот «театр» даже был зарегистрирован, чтобы его участники могли в голодные годы получать хлебные пайки.

Тяга к театральному миру привела Тамару в студию «Мастфор» —

актерскую мастерскую Николая Фореггера. Двадцатые годы, бесконечная условность, девушка играла... трансмиссию, чтобы это ни значило. Но судьба изменилась в 1926 году, когда Макаровой было 19 лет. На улице к ней подошла ассистентка режиссеров Григория Козинцева и Леонида Трауберга и пригласила на роль машинистки в картину «Чужой пиджак». Именно на съемках этого фильма Макарова и познакомилась с Сергеем Аполлинариевичем Герасимовым.

Он к этому моменту был «фэксовцем», то есть членом студии Козинцева и Трауберга «Фабрика эксцентрического актера». Вели себя «фэксовцы» сообразно времени: снимали жилье у «бывших», много пили, тан-

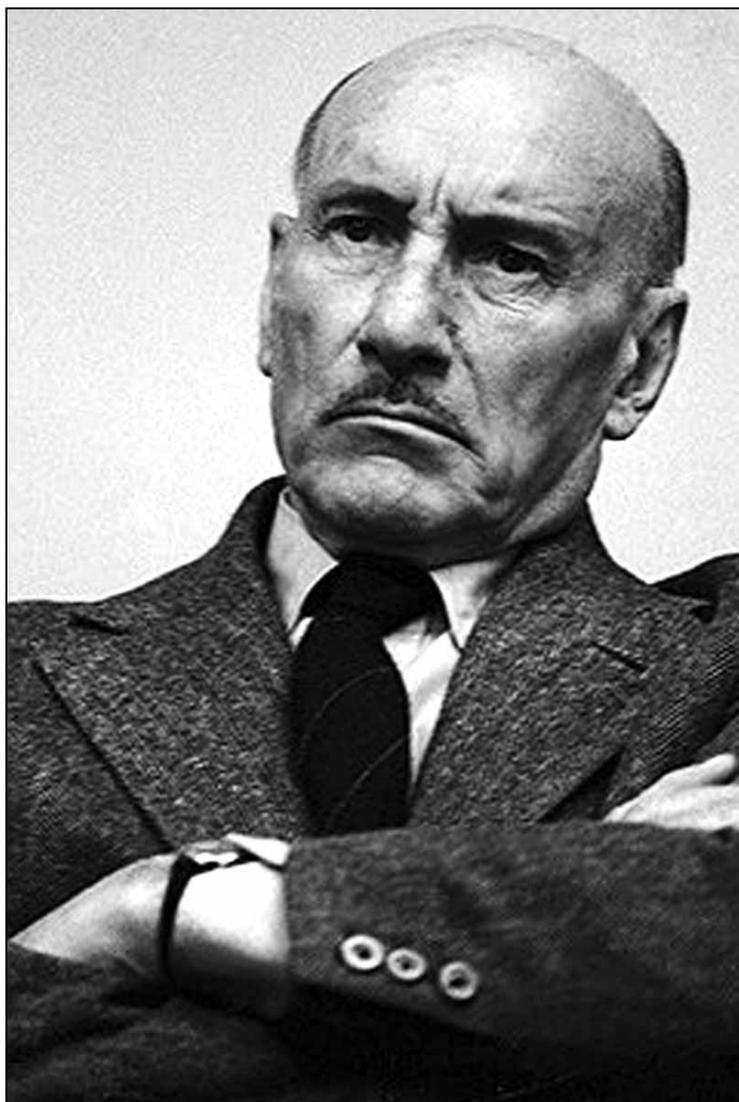
цевали в клубах и были весьма эксцентричны — в соответствии с названием студии. Герасимов считался плейбоем, пока не встретил Макарову, которую Трауберг привел в мастерскую.

Одна из коллег Герасимова по студии, Елена Кузьмина, вспоминала об этом событии так: «Это было существо на красивых длинных ногах, в обтянутом шелковом платье ядовито-зеленого цвета. Довольно глубокий вырез заканчивался стройной шеей, на которой сидела коротко стриженная по моде голова с большими лучистыми глазами. Герасимов пал сразу и навсегда. То ли Тамара была для нас чужой, то ли мы для нее были неподходящей компанией, но дружба распалась. Прошло немного времени, и Сережка стал для нас Сергеем. Еще через какое-то время превратился в Сергея Аполлинариевича. Я больше не встречалась с Сережкой. Иногда виделась с Сергеем Аполлинариевичем. Чужим... Незнакомым... Правда, по-своему всегда обаятельным...»

Поженилась пара в марте 1928 года. Жили в комнате на улице Большая Зе-

ленина, в старом доходном доме. Ссорились много, но больше от молодости и пылкости. Тамара Федоровна вспоминала, что, желая порадовать ее, муж однажды купил циновки на окна, что было в те годы большим шиком.

Макарова окончила киноотделение Ленинградского техникума сценических искусств и много снималась. Тогда-то ей и сказали, что играть она будет в основном иностранок — холодный взгляд, изогнутые брови... Одной из таких ролей стала журналистка Грета в фильме Всеволода Пудовкина. Нужно было приехать в Москву, где режиссер вместо проб предложил ей пробежаться

«Непобедимые»

Справа:
«Маскарад»

по улице Горького, так как у героини должны были быть сильные ноги. Актриса режиссера обогнала и роль получила.

И если карьера в кино у Тамары Федоровны шла вперед, то Сергей Герасимов видел себя скорее не актером, а режиссером. Первые его режиссерские работы были неудачными, и большинство фильмов не сохранилось до сегодняшнего дня. Однако в 1936-м на экран вышла картина «Семеро смелых» об арктической экспедиции с Макаровой в главной роли. Это был успех для обоих супругов. Затем были «Комсомольск», и «Учитель», за который в 1941 году они получают Сталинскую премию. Героиню Макаровой в этом фильме звали Аграфена,

то есть Груня. Вот вам и иностранки-француженки...

Вместо шпионок и журналисток теперь ей были уготованы роли женщин из народа. Но когда стало известно, что Макарова сыграет роль Нины Арбениной в экранизации «Маскарада» (режиссер — Сергей Герасимов, конечно), на нее снова обрушилась волна критики. Считалось, что она не сможет сыграть аристократку. И поначалу все так и было. Чтобы научить Тамару Федоровну носить кринолин и ходить без каблуков, была приглашена пожилая дама, все это умевшая.

Актрисе с трудом давалась плавность и неспешность женщин прошлого века. Она даже невежливо воскликнула: «Она лепит

из меня какую-то мулю глазированной!»

«Маскарад» выпустили в прокат в 1941 году, в ноябре. Сеанс в кинотеатре «Молния» на Петроградской стороне, где супруги вместе со зрителями смотрели фильм, дважды прерывался из-за воздушной тревоги.

Сначала Тамара Федоровна наотрез отказывалась отправляться в эвакуацию, потому что Ленинград — ее родной город, но когда в один из павильонов попала бомба, съемочная группа фильма «Непобедимые», который Герасимов снимал вместе с Михаилом Калатовым, уехала завершать картину в Среднюю Азию.

Во время войны Макарова вместе с мужем вступили в партию, и это подтолкнуло карьеру обоих. Герасимов снимал Ялтинскую и Потсдамскую конференции, был постановщиком Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945-го.

После войны супруги стали жить в Москве — на Большой Дорогомиловской, где получили сразу две квартиры. Справедливости ради стоит сказать, что квартиры эти были крошечными. Жили Макарова и Герасимов не одни, а с сестрой Тамары Федоровны Людмилой и ее детьми: дочерью Эммой и сыном Артуром, который впоследствии стал их приемным сыном. Мужа Людмилы, как соучастника (предполагаемого,

конечно) убийства Сергея Кирова, к тому же этнического немца, арестовали. Будущее его детей было сомнительным, и Тамара Федоровна решила помочь сестре. После усыновления Артур спросил: «А отчество у меня будет Тамарович?»

Те, кто помнил Макарову и Герасимова тех лет, восхищались парой. В отличие от большинства жильцов дома у них был личный (а не студийный) автомобиль. Актриса Лариса Кадочникова вспоминала: «Они подъезжа-

ли к дому на роскошной черной машине, скорее всего, американской. Макарова элегантно выходила из нее, вся укутанная в меха. А мы стояли обалдевшие — неужели такое возможно?» Все девочки были влюблены в актрису и копировали ее.

Под конец войны — в 1944-м — Тамара Федоровна и Сергей Аполлинариевич набрали мастерскую во ВГИКе. Многие студенты этого первого набора снялись в 1947 году в фильме «Молодая гвардия».

«Семеро смелых»

Поскольку их творчество рассматривалось и комментировалось на самом высоком уровне, они были знакомы со Сталиным. Макарова рассказывала кому-то из учеников, как на одном из приемов уронила пальто. Когда стоявший рядом мужчина подал его, она увидела, что это Сталин. На другом приеме он попросил ее: «Спойте нам про тяжелый камень». По легенде (слабо верится в такой ответ вождю народов), Макарова ответила: «Во-первых, не тяжелый, а серый. А во-вторых, я не пою».

Прожив со своим мужем больше полувека, Тамара Федоровна прекрасно знала о его страсти к молодым актрисам и нарочито не обращала на это внимания. Но на съем-

ках «Молодой гвардии» на роль Ульяны Громовой Герасимов пригласил юную Нонну Мордюкову. Сама она впоследствии говорила, что никакого романа у нее с режиссером не было, что он лишь писал ей любовные письма, но факт остается фактом: вдвоем они приехали в Ейск к матери Мордюковой, у которой Сергей Аполлинариевич просил руки дочери, обещал сделать из нее такую звезду, как Любовь Орлова. (Не забываем, что в Москве, на Большой Дорогомиловской жила Тамара Макарова). Мать Нонны Викторовны, видимо, про это как раз помнила и ответила: «Если у Нонки есть талант, она и без вас пробьется. А замуж за вас ей незачем идти — вы лысый и старый»...

«Учитель»

Однажды американский продюсер предложил Макаровой сыграть Анну Каренину. Ее тогда «пропесочил» Калатозов — дескать, как вы могли дать ему понять, что такое возможно? Но суть совсем в другом — эта роль была не для Тамары Федоровны, которая говорила, что не любит «поработенных своей страстью женщин».

А своих студентов она наставляла: «Девочки, надо всегда держать себя в руках. Вы должны излучать добро, улыбаться, и тогда все будет хорошо».

Студенты были для обоих супругов как дети, ведь своих у них не было — только племянники. Макарова считала, что дети отвлекают от профессии и портят фигуру. То же она внушала и своим ученицам. Но зато заботилась о них как настоящая ма-

ма: могла и купить что-то из одежды за свои деньги, сделать подробный разбор роли. Разумеется, и кормила, все то и дело столовались у Тамары Федоровны дома.

Устраивали они и приемы для иностранных делегаций. И тогда готовил только Сергей Аполлинариевич. Он говорил: «Тамара только продукты переводит». Фирменным его блюдом были пельмени с тремя видами мяса.

Их совместная жизнь продолжалась 57 лет, и последний фильм стал для них общим — «Лев Толстой» 1984 года, где Макарова играла Софью Андреевну. Собственно, ее роль она и играла почти всю жизнь. Разве что ей удалось прожить свою жизнь чуть ярче, чем же-не классика.

«Лев
Толстой»

Вскоре Герасимову пришлось лечь в больницу, но операции он не перенес...

Без мужа Тамара Федоровна прожила еще 12 лет, продолжая первое время преподавать. Но из ВГИКа все же пришлось уйти, так как добираться туда самостоятельно было трудно, водителя у нее не было, а институт ей предоставить транспорт не мог.

Пришлось ей потерять и «названных детей»: в 1988 году не стало племянницы Эммы, а в 1995 году убили приемного сына Артура. До перестройки он был писателем, а затем занялся бизнесом, и с Макаровой потом пытались выбить его долги. Но платить ей было нечем, и через какое-то время от нее отстали.

Вдова Артура, Мила, ухаживала за Тамарой Федоровной, которой

было уже за восемьдесят. Актриса успела получить премию «Ника» — за честь и достоинство, поучаствовать в сборнике воспоминаний о Герасимове к его 90-летию и дать к юбилею интервью: «Я сохранила прежнюю устойчивость в быту: все стоит и висит на тех же местах, что и раньше, даже книжки те же самые перечитываются. Остались старые привычки, только, к сожалению, я теперь одна в них участвую... Я люблю быть одна, быть собой. Мне не скучно. Я не могу сказать, что была беспощадна к своим врагам. Но людей, которые были моими недоброжелателями, я просто не замечала и не замечаю. Все прожитое мне интересно. Если бы чудо было возможным, я вновь бы все повторила и замуж за Герасимова вышла ...» □

Девушка, не хотите увидеть рассвет?

(Не придуманная история)

Следует как можно скорее улететь от земли к небесам. Улететь — значит, уподобиться богу, а уподобиться богу, значит, стать благочестивым, справедливым и мудрым.

Платон. Теэтет.

— Девушка, девушка! Не хотите увидеть рассвет? — прозвучало, словно во сне.

Клара нехотя открыла глаза и увидела, что над ней склонилась светловолосая стюардесса. Она спросонок уставилась на ее приятное лицо невидящим взглядом, пытаясь сосредоточиться.

Перелет был долгим, и вся команда журналистов, включая мужа Клары, спала... Ночной рейс утомил под утро и других пассажиров, почти все они разомлели в креслах, застыв в причудливых позах. Предложение стюардессы не показалось молодой женщине странным, наверное, потому, что она просто была не в состоянии его обдумать. Клара машинально взглянула в иллюминатор, но бортпроводница указала ей на дверь в кабину пилотов.

Остатки сна слетели с Клары, она последовала за стюардессой в святая святых авиалайнера. Сквозь панорамные лобовые стекла носовой части самолета взору ее предстало необыкновенное зрелище: из-за бело-голубых облаков торжественно выплывал желтый шар, напоминающий дыню. Клара никогда не видела солнце так близко и не ощущала его величия так, как сейчас. Ей казалось, что происходит магический ритуал

то ли посвящения, то ли исцеления, и ей сразу вспомнился Достоевский: «Что может сделать один луч солнца с человеком...»

С нее будто слетело все напускное, лишнее, давно мешавшее ей вернуться к себе, двенадцатилетней девочке, читающей «Клару и Солнце» Исигуро, спрятавшись в сарае от строгого дедушки, у которого она проводила каникулы все лето. Только сейчас до Клары стал доходить истинный смысл прочитанного: она, подобно Джози, она тоже, возможно, сможет исцелиться ... И это не просто совпадение, она давно уже себя чувствует куклой, мечтающей оживиться, поэтому жадно впитывает впечатления и тоже полностью зависит от Солнца.

Клара вспомнила последние месяцы своей жизни, которые свелись к договорным квестам, придуманным ее заботливым супругом и его командой из пяти человек. Что ж, они неплохо заработали на ней, и сейчас вкушали сон, предусмотрительно заправившись текилой.

Самое печальное, что Кларе поначалу все это нравилось. Супруг Стас вроде был заботлив, учтив с ней и ее мамой: раз в неделю курьер доставлял им букет из хризантем разного цвета. В Китае эти цветы означают «сущность солнца», хотя ничего подобного от букетов Клара никогда не ощущала, потому что Стас не дарил их лично, даже не выбирал, а заказывал по Интернету, так как очень дорожил своим временем. Даже свадьбу Стас предложил не отмечать, а совместить с празднованием Нового года, и заранее заказал недорогие билеты на самолет. Это было двойной экономией и удачным решением делового мужа...

Клара отмахнулась от этих мыслей и задержала взгляд на солнце, которое разлило свет по всему горизонту, игриво бликуя на приборах самолета и плечах командира экипажа — мужчины лет сорока, с темными, озорными глазами. Он повернул голову к стюардессе и, увидев Клару, широко улыбнулся обеим.

— Сейчас буду объявлять посадку, — произнесла стюардесса.

— А не хотите посадить самолет? — по-мальчишески задорно спросил командир.

— Да, а можно? — неожиданно для себя откликнулась Клара.

— Ну вы, однако, смелая! — поддел он ее.

— Самолет готов произвести посадку, просьба всем пристегнуть ремни, — ровным голосом объявила стюардесса, и в салоне началась привычная для подготовки к спуску возня.

Стас оглянулся и, не обнаружив Клару, повертел головой, после чего пристегнулся. Лицо его выражало озабоченность. Он, конечно, понимал, что никуда деться из самолета жена не могла, но все же ее долгое отсутствие несколько напрягало.

А Клара ни разу за все время пребывания в кабине пилотов не подумала о Стасе. Все ее существо превратилось в маленького ребенка, который смотрит на неизведанный мир широко раскрытыми глазами.

Пилот, которого звали Артем, раньше видел Клару только по телевизору, и оттого, что она стояла рядом, чувствовал себя почти счастливым. Ему хотелось совершить что-то значительное, большее, чем рядовая посадка в аэропорту. Он, уверенно держа штурвал в руках, понимал, что встреча их неслучайна, и он точно не упустит свой шанс. Жаль, что в воздухе невозможно купить цветов, они сейчас были бы очень кстати.

Самолет совершил плавную посадку под бурные аплодисменты пассажиров. Клара очнулась, будто от наваждения, виновато улыбнулась стюардессе, вернувшейся в кабину, и проследовала к своему месту.

Стас встретил жену недовольством и, узнав, где она все это время находилась, начал громко ее распекать.

Клару не удивило его поведение, скорее, расстроило, и приподнятое настроение мгновенно улетучилось.

На выходе всю группу ждал автобус, и Стас, уже забыв о своей несдержанности, смеялся над шутками Гоши, который сыпал ими безостановочно.

Клара вспомнила летчика и подумала про себя: ведь никогда не можешь сказать с уверенностью, какое место занимаешь в чужой жизни. Кажется, Фицджеральд в романе «Ночь нежна» это сказал...

Тем временем Артем, широко улыбаясь, провожал пассажиров вежливым «до свидания» и, поймав взгляд Клары, в свою очередь, подумал: «Есть люди на земле, с которыми поговоришь, как солнца выпьешь... Начинаешь весь светиться изнутри» — это он прочел на просторах Интернета...

Люстра в любимом некогда Кларой и Стасом ресторане раньше казалась верхом совершенства — водопадом из капель-хрусталиков. Только сейчас Клара видела ее иначе — неуклюжей большой рыбиной, свисающей почти до стола, отчего зал казался до смешного нелепым.

— Зая, хочешь мартини? — как бы извиняясь за вспыльчивость, произнес Стас и кивнул официанту, проходящему мимо.

— Нет, — фыркнула Клара, — я домой, я спать хочу.

Дома продолжилось то же самое: не хочу, не могу, я устала...

Клара впервые за несколько лет обнаружила разом все недостатки в модном интерьере своей квартиры. Будто благодаря солнцу, проникшему сквозь шторы, стали видны изъяны и несовершенства ее микромира — он был молочно-белого цвета, как грязные сумерки. Палевого цвета

портьеры напоминали рушники в неубранной избе, в которой пахнет кислыми щами и потом. И все показалось таким чужим, что ей захотелось выпорхнуть отсюда как можно скорее на свежий воздух.

Крошечный балкон вмещал только одно кресло — там было личное пространство Клары. Ни мещанской герани, ни криво растущих в горшках петуний она не любила, поэтому на подоконнике в глиняном горшке одиноко торчал потрепанный жизнью кактус. Хозяйка не баловала его вниманием, да и он мало в ней нуждался: жил сам по себе, надеясь лишь на одно улыбочивое солнце.

— Ну что, чудо пустыни, почему не цветешь? Может, выбросить тебя к чертовой матери? Чего молчишь? — Клара взяла маленькую леечку, привезенную из Стамбула (она стояла здесь больше для красоты, чем для пользы дела) и полила цветок.

Входная дверь громко хлопнула — это вернулся Стас.

— Я дома, — громко заявил он о своем присутствии, поочередно заглядывая в комнаты.

Клара закрыла глаза, притворившись спящей.

— А, уже с кактусом разговариваешь? Я давно советовал выбросить его, только пыль собирает.

— Может, и я только пыль собираю? — Клара сама не поняла, то ли за кактус заступилась, то ли надерзила мужу на пустом месте.

Впрочем, Стас ее уже не слышал. Он раскрыл дверцы шкафа, стал срывать с вешалок свои вещи и небрежно запихивать их в дорожную сумку.

— Уезжаешь? — больше из вежливости, чем из любопытства, спросила Клара.

— Да, главный срочно в Питер отправляет.

— Мы вроде через неделю туда все собирались, заодно годовщину отметить.

Стас скривился, словно разом прожевал целый лимон, и воскликнул:

— Ах, черт! Ладно, не переживай, я привезу тебе подарок из Питера!

Небрежно поцеловав жену, он исчез в дверном проеме. Дверной колокольчик грустно дзынькнул на прощание соль-дизезом.

Оставшись в одиночестве, Клара задумалась. Неожиданно ей захотелось перечитать книгу Исигуро, и тем самым ненадолго вернуть себя в детство. Но от чтения ее стало клонить ко сну, и она позволила себе, прикрыв веки, уплыть подальше от недавних переживаний.

Во сне Клара со Стасом шли по оживленному экваториальному базару, и она никак не могла выбрать себе шляпу: то не получалось сторговаться

с продавцом, то фасон не подходил. Голова кружилась от зноя, и сарафан, прилипший к телу, подчеркивал все прелести ее стройного тела. Вдруг она потеряла Стаса из виду и, обернувшись, увидела рядом с мужем какую-то женщину — одной рукой она держала его за руку, а другой поправляла шляпу — именно такую, какую искала Клара. Лицо женщины невозможно было разглядеть, его прятали широкие поля головного убора.

От увиденного во сне остался неприятный осадок, но осмыслить его Клара не успела — ее отвлек рингтон телефона.

— Алло, Кларики, что делаешь вечером? — Чиждова всегда звонила не вовремя. Вот и сейчас отвлекла ее от раздумья над плохим, но все же любопытным сном.

— Все, давай, пришлешь в вацап локацию, — коротко бросила Чиждовой Клара и отключилась.

Она не выносила назойливости подруги, хотя и подругой ее вряд ли могла назвать, завидушка, и только. Расскажи ей о своих переживаниях — не только не даст дельного совета, просто не поймет.

От духоты и усталости, скопившейся за время бесконечных поездок и перелетов, Клара так разомлела в кресле, что не заметила, как снова уснула. Теперь она видела во сне, будто ищет по всей квартире сумку мужа, в которой спрятаны не то деньги, не то документы: открывает комоды, шкафы, осматривает углы в коридоре и ванной, но тщетно — сумки нигде нет.

Проснувшись, Клара вспомнила, что два дня назад выбросила сумку в мусорный контейнер. Это мгновенно вывело ее из оцепенения, она вскочила и побежала во двор, к мусорному баку. Озираясь, рылась в нем, пока, к своей великой радости, не обнаружила пакет в том же состоянии, в котором его выкинула. Клара открыла сумку, обнаружив рваную подкладку, провела рукой по боковым карманам, и рука нащупала что-то твердое. Просунув ее в дыру подкладки, Клара достала цилиндрик измусоленного пластмассового бигуди.

— Фи, у меня никогда не было таких, — поморщилась она и бросила выдавшую виды бигудишку обратно в мусорный бак.

Вернувшись домой, Клара ополоснула руки и, задержавшись взглядом на своем отражении в зеркале, поймала себя на мысли, что никогда в жизни ей не хотелось быть кудрявой. Она редко завивала волосы, только в особых случаях. Кажется, в последний раз в день бракосочетания, и это очень понравилось Стасу. Но буквально через пару часов Клара смыла переполох на голове в туалетной комнате аэропорта, и в самолете сидела с еще влажными, но уже прямыми волосами.

Так и сейчас, собираясь на встречу с Чиждовой, она наскоро вымыла голову, просушила ее феном и натянула на себя узкое черное платье для

вечеринок. В такси прошлась кисточкой с блеском по губам и пшикнула за ухом «Молекулой».

Клара удивительно быстро умела собираться, что нельзя было сказать о других девушках ее круга. Исключение составляла, пожалуй, только Чижова. Та всегда срывалась с работы по первому свистку Клары, и ресторан для них обеих не был культом, а местом, где можно поесть и пообщаться. Вот и в этот раз приятельницы решили встретиться спонтанно, зная о присущей каждой из них легкости на подъем.

Чижова уже успела загореть, поэтому щеголяла в коротком платье без рукавов, хвалясь бронзовым загаром; обута она была в затейливые босоножки, обхватывающие щиколотки каскадом тонких ремешков. Стриглась Чижова всегда коротко, «под мальчика»: при бешеном темпе жизни ей просто не хватало бы времени на укладку волос.

Ее трудно было назвать женственной, но она к этому и не стремилась. О супружестве тоже не мечтала. Металась по клубам, числилась в журнале, пописывала статейки, иногда удачно, а большую часть времени тратила впустую, праздно и бестолково. Зато всегда намного раньше других узнавала городские новости и не ленилась обсуждать их с разными людьми, что позволяло ей вытягивать из собеседников интересные подробности; она вела блог, и даже немного на этом зарабатывала. Кларе Чижова порой подкидывала интересные темы, и тогда удачно рассказанная история впоследствии становилась очерком или проблемной статьей, ссылки на них разлетались по аккаунтам соцсетей, увеличивая количество читающей публики в городе.

В «Приюте холостяка» Клару и Чижову приняли, как всегда, тепло и, по традиции, с комплиментом от повара. Музыка приглушенно лилась из динамиков расплывчатыми отголосками разных хитов, затерянных во времени.

Кларе хотелось помолчать, но с Чижовой это никогда не удавалось. Вот и на этот раз она скороговоркой извергла поток сногшибательных сведений, трудно перевариваемых, особо остановилась на жизни одной известной семьи, в которой раскопала удивительные подробности:

— Представляешь, все думали, что у них все, они разводятся, а, оказывается, там четвертый ребенок, и у них все в шоколаде...

— Лучше о себе расскажи, когда замуж? — сменила тему Клара.

— Ты прямо как моя мама. Прекрати! Много ли интересного в занудстве мужа? Вот заставит каждый год рожать, и все — попала всеми четырьмя лапами — каждую секунду надо переживать! Но для тебя все это неважно — твой Стас не требует. Кстати, куда он умчался? В редакции полно работы.

Чижова успевала все, хотя в редакцию залетала не чаще, чем два раза в неделю, но материалы сдавала вовремя и с коллегами была в полном контакте.

— В Питер умчался. Знаешь, а со мной странные вещи происходят: то сон про шляпу, то бигуди в сумке. Бред, в общем!

— Ну-ка, ну-ка, бигуди? Классная тема! — Чижова раскраснелась от охватившего ее азарта. — Вижу заголовок! Один бигудь... Или правильно — одна бигудя... Тьфу, одни бигуди, и семейное счастье.

— В старой сумке Стаса нашла бигуди, хотя у меня их нет в принципе, — вздохнула Клара.

— И что? Подумаешь, в старой сумке мало ли что можно найти.

— Я тоже так подумала, но все же странно.

— Да ну их, еще расстраиваться из-за какой-то фигни! Ты представь, кто сейчас в бигудях ходит? Только бабульки какие-то. Одну знаю, ей уже за пятьдесят. Она даже в машине в них сидит. Перед уходом накрывает и, пока в пробке стоит, еще и лицо размалюет. А на парковке скидывает бигудишки, взбивает свои три волосинки, и все, уже на человека похожа.

Подруги захохотали, представляя нелепость ситуации: дама за рулем авто в бигуди.

Официант повторил коктейли, и разговор стал еще откровенней.

— Если хочешь проверить, поезжай к нему в Питер.

— Вот еще! — возмутилась Клара, отхлебнув из фужера «Маргариту», и мечтательно добавила: — А лучше давай махнем вместе на Дальний Восток...

— С чего бы это? Там холодрыга. К океану Индийскому неплохо бы.

— Нет, ты не понимаешь. Там солнце всходит, — пояснила Клара тоном обиженного ребенка.

— Ну, хорошо, слетаем еще, какие наши годы. Зови официанта, засиделись мы, а мне завтра материал сдавать...

Вернувшись домой, Клара скинула одежду и сразу отправилась в спальню — там ее давно ждали сновидения...

Наутро небо заволокло тучами. Просыпаться не хотелось, только внезапная мысль о телефоне, на который еще ни разу не позвонил Стас, заставила Клару вскочить с постели. Проверила — пропущенных звонков от мужа не было. Усилием воли она подавила беспокойство, и тут раздался звонок в дверь — курьер принес неизменные хризантемы. Стас заранее оплачивал доставку и не беспокоился за реакцию жены. Или ему, в принципе, это было неважно?

Клара нашарила в недрах сумки визитку с номером цветочного салона и решила позвонить. Она не отдавала себе отчета в том, по какому поводу звонит и что должна сказать, просто механически произнесла:

— Хризантемы белые, Ялтинская, двадцать, доставка.

В ответ прозвучали давно заученные фразы диспетчера, которая тонким голоском повторила: «Хризантемы белые, Ялтинская, двадцать...» и добавила: «Авангардная, восемь» — после чего связь прервалась, и последующие попытки Клары дозвониться не увенчались успехом. Но адрес она запомнила точно: Авангардная, восемь.

Нагнетая чувство тревоги, по подоконникам забарабанил дождь. Но Клара все равно приняла решение — ехать! Запрыгнув в «японца», настроила навигатор и выяснила, что Авангардная расположена далеко от центра, чуть ли не в промзоне. Это обстоятельство еще больше подогрело ее интерес. Навигатор уверенно прокладывал путь мимо бесчисленных шиномонтажек, пунктов приема металлолома и складов с цементом, пока не уведомил:

— Вы на месте.

— Да где здесь место? — возмутилась Клара. — Заброшка какая-то, бывший склад или еще что-то...

Она нехотя вылезла из машины и оглянулась вокруг. Ни души, только мрачный остов промышленной постройки. «И зачем я сюда приехала? Какая разница, кому он цветы отсылает? Простые хризантемы, как на кладбище, а я люблю розы, причем только белые».

Клара обошла здание и собралась уже сесть обратно в машину, как кроссовок вдруг зацепился за что-то, оказалось — за бигуди! Она машинально подняла пластмассовый цилиндрок и сунула его в карман ветровки. Ее смутные подозрения не рассеялись, а, наоборот, усилились: «Стас зачем-то приезжал сюда! Да еще с цветами... Бред полнейший!»

Старая бетонная постройка застыла во времени, ее если и пытались разрушить, то сумели лишь отчасти; она, как старый гнилой зуб, зияла чернотой, смердела нечистотами, которые не один десяток лет копили ее обитатели — бомжи, бродяжки и прочие несчастные с незавидной судьбой. Но причем тут Стас, такой холеный, благополучный? Нужно найти женщину в бигудях, она и даст ответ. Но где ее искать?

Кларе не хотелось думать о предвестниках странных событий, готовых ворваться в ее налаженную жизнь, но мрачные мысли набегали одна на другую, как океанические волны, и, что бы она ни делала, пытаясь отвлечься, ее разум продолжало штормить.

Питер! Может, рвануть в Питер? Там все и разъяснится... Клара уже собиралась заказать билет, как подал голос телефон — вновь неизвестный номер. Изменив своей привычке, она приняла вызов.

— Почему ты не брала трубку? Я потерял телефон, купил новый и вот уже несколько дней пытаюсь до тебя дозвониться. Что с тобой? — Стас был по-настоящему встревожен.

— Ты же знаешь, я игнорю незнакомые номера! — И вдруг, неожиданно для самой себя, выпалила: — Я не приеду в Питер!

— Я хотел сделать тебе сюрприз, просто немного нужно подождать.

Довольно сюрпризов! Клара хотела внести в происходящее ясность и, вместе с тем, боялась этого. А что, если все же полететь без предупреждения, глядишь, кое-что обнаружилось бы?

— Где ты остановился? В «Гоголе»? Почему не там? — допытывалась она, решив все окончательно разузнать.

Заказав на сайте дешевые билеты, Клара помчалась в аэропорт. По дороге снова завибрировал телефон — Чижова. Сначала она не выходила на связь, теперь Клара не хотела с ней общаться. Не хотела, потому что пришлось бы долго объяснять. Скажи она Чижовой, что летит проверять мужа, сразу упадет в глазах подруги. Ее считают независимой, почти феминисткой, и вдруг такое проявление слабости! Она напоминала себе заводную куклу, которая не может избавиться от прихотей своего владельца — летит, как мотылек, на свет и, скорее всего, сгорит...

Бесплодные размышления так изнурили Клару, что она зависла перед кофе-автоматом: эспрессо, американо, латте? А может, просто кофе с молоком? Нажав на кофе с молоком, она посмотрела в сторону стойки регистрации.

Объявили посадку, и пестрая, разноликая толпа двинулась вперед с посадочными талонами в руках.

На борту все быстро разместились, а тучный мужчина слева даже уснул, не дожидаясь взлета. Клара всегда завидовала спокойствию подобного типа людей. Что бы ни происходило: посторонние звуки, неудобное положение, — им все нипочем, им всегда комфортно.

Самолет повернул на взлетную полосу и начал разгоняться. Когда почти оторвался от земли, вдруг стал снижать скорость. Пассажиры переглянулись в недоумении и напрягли слух, чтобы услышать объяснение через динамики. Только тучный гражданин продолжал спокойно спать.

Наконец стюардесса объявила, что борт неисправен, и экипаж приносит свои извинения; всем необходимо вернуться в здание аэропорта и ждать следующего борта — время вылета пока уточняется.

Клара ругала себя за нелепую затею с поездкой. Ехать домой? — значит, не узнать правды. Остаться в аэропорту — значит, скучать и злиться. А может, перезвонить Чижовой?

Когда она с потерянным видом спускалась по эскалатору, ее неожиданно окликнул чей-то бодрый голос.

— Девушка, не хотите увидеть рассвет?

Клара подняла взгляд и увидела черные, озорные глаза — навстречу, вверх по эскалатору, поднимался знакомый командир-пилот. Она от неожиданности смутилась и в ответ только виновато улыбнулась вслед удаляющемуся летчику.

Не найдя в кофейне свободного места, Клара примостилась возле барной стойки. Мысли окончательно спутались... Семейная жизнь со Стасом оказалась подобна немощному самолету, что не смог взлететь, набрать высоту. Разогнался, пустил пыль в глаза, жар через сопла турбин, и все, сдулся. Так и Стас, статный, красивый, подающий большие надежды в редакции, недотягивал до серьезного «героя», чего-то настоящего в нем не хватало. Например, Клара не видела ни одной его детской фотографии, будто он человек без прошлого, космический пришелец, не слышала о его закадычных друзьях детства, о том, что он подрался или надрался до чертиков хоть раз в жизни! И даже цветы его — с доставкой. Хоть бы раз выбрал сам, пусть даже с клумбы.

Тут Клара увидела через панорамное окно, как на парковке какой-то летчик, судя по форменной одежде, срезает с клумбы розы. Она подошла к стеклу, всмотревшись, разглядела в мужчине знакомого капитана и просияла, вспомнив его улыбку, напоминающую солнечный лучик. Между тем, собрать букет у мужчины не получилось, потому что к нему подбежали два человека в полицейской форме и вместе с «вещдоком» куда-то повели. «Это он мне?» — мелькнуло у нее в голове, и внутри потеплело, словно в каждую пору кожи проник солнечный лучик.

Затренькал телефон: Чижова.

— Привет, подруга! Что с голосом? Ты будто влюбилась... — Не дождавшись ответа, она затараторила: — Тут такое происходит! Ты где сидишь? Ну, та в бигудях. Ты хотела о ней узнать поподробнее.

— Ни в бигудях, ни без. Что за дичь несешь? Мне это вообще не интересно, — оборвала ее Клара.

— Да ты чего? Я тут целое расследование провела. Насобираала на целую передачу, теперь жду разрешения на эфир. Хочешь поучаствовать? Ты, Стас и женщина в бигудях, призрак из детства. Интрига на интриге!

— Я не собираюсь копаться в грязном белье! — сухо проговорила Клара и отключила телефон.

Ей не хотелось вникать в причины, заставившие мужа жить двойной жизнью, ее в тот момент больше волновала судьба лучезарного летчика.

Среди указателей Клара нашла стрелку с надписью «Линейный отдел полиции» и уверенно направилась туда. Внутри отдела царило оживление: кто-то сосредоточенно писал, кто-то нервно расхаживал из угла в угол, кто-то спокойно читал объявления на стенде.

Клара употребила все свои журналистские навыки и объяснила дежурному причину выходки с розами не только доходчиво, но и разумно, поэтому минут через десять кареглазый летчик уже сидел в небольшом ресторанчике вместе с ней.

— Какой кофе вы любите, Артем? Вас ведь так зовут?

— А вы? И вообще, можно перейти на «ты» или еще рано?.. Я люблю просто кофе с молоком.

Кларе не терпелось узнать о новом знакомом как можно больше, но порой она теряла контроль над собой и говорила невпопад, заливисто смеясь:

— А я в детстве вот какой любила, а вы? То есть ты, Артем?

Артем брал ее руку и, глядя в глаза, тоже смеялся, и она чувствовала каждой порой проникновение лучиков солнца в свое сердце.

Хотелось вести этот разговор вечно, но девушка диспетчер металлическим голосом сообщила важную информацию, из которой Клара сумела разобрать слова «Санкт-Петербург» и «Артем»...

В зале ожидания раздалась оживленные возгласы.

— Мне нужно в рейс... — Артем пристально посмотрел на Клару, — но я обещаю, в Питере, в Москве или в Казани мы обязательно встретимся. Я не смог найти цветов, но они точно будут... — Он поднес к губам ее холодные руки, быстро поцеловал и устремился к эскалатору.

Клара вновь осталась наедине со своими мыслями: Куда ехать? В Питер? А зачем? Вернуться домой? Чтобы дождаться возвращения супруга и опять подстроиться к привычкам хозяина, стать частью его жизни, не имея собственной? Нет, только не это! А может, выбрать любую точку на карте и рвануть туда, как они с Чижовой хотели? Стас вряд ли одобрит такой выбор, это не Мальдивы. Нет, для начала надо все же разобраться с мужем и расстаться с ним. Что там Чижова про эфир говорила? И когда он будет?

Клара нащупала в кармане телефон, достала его, посмотрела входящие — несколько пропущенных от Чижовой.

— Алло, привет! Я в аэропорту.

— Привет! Я сейчас не могу говорить. Рядом есть телевизор? — скороговоркой выпалила Чижова и отключилась.

Клара вспомнила про свою «золотую карту» для VIP-зала и направилась туда. На входе обнаружилось, что он временно не работает, и при-

шлось вновь искать место у барной стойки кофейни. Она заказала кофе с молоком, отхлебнув из стаканчика, стала разглядывать полки за барной стойкой и среди бутылок, стоящих в ряд над холодильником, увидела небольшой телевизор, где шло известное шоу. Женщина-бармен то и дело бросала взгляд на экран, пытаясь не упустить что-то важное. После привычной и всегда раздражающей музыкальной заставки, на экране появилась Чижова, присевшая на диван к Стасу.

— Внимание на экран! — произнес ведущий, и Клара увидела, как какая-то молодая женщина в одежде клинера зашла в квартиру Стаса и Клары, немного потоптавшись в прихожей, шагнула в гостиную и положила бигуди на видное место. Через какое-то время там появился Стас и, обнаружив приспособление для завивки волос, запихнул его в сумку, висевшую в шкафу-купе.

После видеозаписи слово взяла Чижова. Она, судя по всему, пыталась привнести интригу в эту, с одной стороны, странную, с другой — просто глупую ситуацию:

— Думаю, всем хочется узнать, какая же все-таки связь между владелицей этих бигуди, Стасом и той молодой женщиной, что их подкинула.

После эффектной паузы ведущий удовлетворил любопытство Чижовой:

— Внимание, мы нашли эту девушку! Она сейчас появится в студии...

Вдруг Клара почувствовала, как кто-то толкает ее локтем, обдавая пивным запахом.

— Э, подруга, подвинься! Какой там счет? Спартак — чемпион! — Мать, — обратился к барменше мужчина средних лет, — на спорт переключи, да побыстрее!

— Какая я тебе мать? — возмутилась барменша. — Тебе здесь не спорт-бар. Иди отсюда! Сейчас полицию вызову!

— Пиво есть? Имею право, — еще развязнее продолжал болельщик.

Он попытался схватить телевизионный пульт через стойку, но случайно опрокинул пару кружек с пивом, вызвав неудовольствие людей, их оплативших. Поднялся еще больший шум, подоспела полиция, и Клара, махнув на передачу рукой, удалилась из кофейни.

Итак, какая-то девушка проникла к ним в квартиру и подкинула бигуди. Значит, другая женщина, которой за пятьдесят, не причем? А может, наоборот, она стояла за всем? И кто эта женщина?..

Она остановилась около киоска печати. С глянцевого обложки на нее смотрели модели, певцы, актеры, политики. Одинаково красивые, пресыщенные славой и устало позирующие для столичных СМИ. Среди них Клара выделила особенное, непохожее на остальные, лицо женщины: пятьдесят плюс: признаки былой красоты на ухоженном лице; в глазах и уголках

губ притаилось какое-то страдание. Слоганы на обложке журнала гласили: «Сотни спасенных жизней», «Стала матерью бездомным детям».

Она взяла в руки журнал и, пролистнув, решила купить его. Это было весьма кстати, поскольку повторно объявили посадку, — будет чем занять себя в полете...

Питер, город дождей, оплакивающий, казалось, все человечество, всегда встречал Клару приветливо: доставал из облачных закровов застенчивое солнышко и давал ему полную свободу; оно скользило по крышам старых зданий, будто желая если не пригреть их, то напомнить о себе. Едва Клара успевала порадоваться солнцу, как оно вновь исчезало за тучами, прекрасное даже своей неуловимостью. Однако на всем оставался его еле уловимый след: на крышах, карнизах, балконных балюстрадах, козырьках, даже на серой тротуарной брусчатке, поблескивавшей каплями не успевшего высохнуть дождя.

Именно такой город на Неве застала Клара. Она с улыбкой Моны Лизы прошла мимо модных ресторанов и кофеен, задержалась у величественного Казанского собора, вселяющего трепет и уважение, наведалась к дому Зингера, чтобы убедиться, на месте ли глобус — он был для нее символом успеха промышленника, чье изобретение облетело всю планету. Миниатюрную копию этого глобуса она хранила у себя в комнате.

Как только Клара попадала в этот город, она преображалась. Для нее это был побег в прошлое, в девятнадцатый век. Ей казалось, что в прошлой жизни она жила именно в одном из питерских домов, и мечтала о платье с кринолином, хотя вряд ли могла отказаться от спортивного костюма с кроссовками, которые помогали ей с легкостью преодолевать квартал за кварталом.

С наступлением сумерек около какой-то аптеки на ум пришло: «Ночь, улица, фонарь, аптека...» Какое настроение тогда было у Блока? Наверное, как у Клары: сейчас легкая грусть, а через мгновение — все перевернется. «Бессмысленный и тусклый свет. Умрешь, начнешь опять сначала...»

Клара облокотилась о парапет и посмотрела вниз, на «ледяную рябь канала». Нет, никогда не решилась бы она сигануть в мутную, холодную бездну, даже если станет совсем одинокой. А разве она в данный момент не одинока? Стас, скорее всего, ее не любит, и неважно — он с бигуди или бигуди со Стасом. Главное, Клара сейчас далеко от него и насыщается не как Чицова — сплетнями, интригами, чужими ссорами, драматическими завязками и развязками, а другой энергией, энергией солнца. Пусть даже не в самом солнечном городе земли! Ведь там, где его много, оно и меньше ценится, здесь же каждый лучик долгожданный и принима-

ется с любовью. Прохожие не прячутся от него под широкополыми шляпами, не отгораживаются очками, как это делают в жарких странах, а подставляют ему лица, прищурив от счастья глаза, что и делала весь день Клара.

А еще в ее жизни появилось другое солнце — Артем. Теперь он ее солнце. На душе теплее становится только от мысли о нем. Где он? Наверное, в полете. Он ближе всех к солнцу.

Сумерки незаметно перетекли в ночную темень, и Клара обнаружила, что за день так ничего и не съела. Искать любимые кафешки было уже поздно, да и цель поездки — застать Стаса в гостинице — была близка к завершению: она до нее уже добралась.

Клара оценила апартаменты на три с плюсом, но, тем не менее, без капризов оплатила свободный номер и быстро закрылась в нем, не желая раньше времени встретиться со Стасом в холле, и, не дойдя до ванной комнаты, рухнула на кровать и сразу заснула.

После полуночи сон неожиданно покинул Клару. От вынужденного безделья она взяла пульт и включила телевизор. В свете голубого экрана небольшой номер показался ей даже уютным. Перебрав несколько каналов, она наткнулась на окончание какой-то передачи и узнала в ее героине ту самую необычную женщину с обложки, которая давала интервью модному психологу. Только сейчас Клара вспомнила про журнал. Она достала его из сумки вместе с шоколадным батончиком, затерявшимся на дне, и стала листать, пока не увидела фамилию и имя автора статьи: Стас Зыдин. Совпадение? Нет, именно ее Стас, собрав материал, написал статью об этой женщине в бигуди. Но что их связывает? Это и предстояло выяснить...

По еще студенческой привычке Клара одновременно справлялась с несколькими делами сразу: ела шоколад, читала статью и следила за экраном, пытаясь найти во всем если не истину, то хотя бы какой-то смысл. Получалось плохо, потому что авторы программы специально тянули с развязкой. «Что бы вы посоветовали? Как быть в такой ситуации?» — задавала вопросы ведущая.

Диалог прервала рекламная пауза, и Клара переключилась на журнал: «Анастасия Журавлева в юности пережила насилие, но преодолела его в себе... Сейчас вместе с волонтерами помогает детям и подросткам, попавшим в трудную жизненную ситуацию».

После рекламной паузы на экране телевизора появилось название выпуска: «Жертва насилия», и пазлы в голове Клары начали складываться.

— Город, в котором я жила, плохо освещался, — рассказывала Журавлева. — Я стояла на остановке совсем одна, в абсолютной темноте. Он появился ниоткуда, неожиданно, как зверь, вышедший на охоту...

Женщина говорила медленно, было видно, что каждое слово дается ей с большим трудом.

— Если вам трудно говорить об этом, то можем опустить подробности, — искренне сочувствовала ей в этот момент молодая журналистка.

Внимание Клары отвлек телефонный звонок. «Очень вовремя», — подумала она о Чижовой, но решила ей ответить.

— Алло, привет, подруга! Посмотрела программу «Твоя в бигуди»? Это еще не все. Все узнаешь завтра, когда выйдет вторая часть программы. Я сама была в шоке. А ты, вообще, где?

— Я в Питере. Но это не то, что ты думаешь. Просто у меня перезагрузка, — не вдаваясь в подробности, пояснила Клара.

— Да нет там Стаса, он ездил туда в детский дом и уже вернулся. Для программы снимается. Кстати, у Стаса появились родственники. Поздравляю!

— Какие родственники? Что за очередной бред? У него даже детских фотографий нет! — Клару задело, что Чижова завладела важной тайной ее мужа первая.

— Завтра все узнаешь. — Чижова явно дразнила подругу недоговоренностью, потом бросила небрежное «чао-какао» и отключилась.

«Час от часу не легче», — подумала Клара, пытаюсь уловить последние фразы телепередачи, но безжалостная рекламная пауза лишила ее этой возможности. От досады она выключила телевизор. Ей захотелось вновь на воздух, раствориться в объятиях ночи, ведь в таком небольшом номере «мыслям тесно», но сил куда-либо идти совсем не осталось, и она решила выйти на небольшой балкончик. Ее лицо в лунном свете стало еще более бледным, а глубоко посаженные глаза потемнели до цвета кофейной гущи. Ровно очерченный рот и прямой нос придавали ей достоинство императрицы. Непослушные пшеничные волосы были небрежно откинута назад.

Снова завибрировал мобильник. Клара нехотя достала его и прочитала: «Девушка, не хотите увидеть рассвет?» Она улыбнулась, поняв, от кого сообщение, перезвонила и, опершись на перила балкона, с наслаждением услышала знакомый голос. Ей хотелось поделиться своими переживаниями, и с Артемом это легко было сделать.

— Буду ждать тебя на Васильевском, у меня всего лишь два часа, вместе встретим рассвет, — предложил Артем.

— Но я, у меня... — запинаясь, произнесла растерявшаяся Клара.

— У меня кончается зарядка. Все равно буду ждать!

Клара вернулась в номер, наскоро приняла душ и высушила волосы. Потом вытряхнула содержимое сумки и обнаружила из косметики только алюю помаду — запасной вариант. Она всегда лежала в боковом кармашке на случай, если нужно было пойти в ресторан и быстро преобразиться.

«Может, зря я собираюсь? — засомневалась она. — Да и с какой стати мне куда-то идти? У меня запутанная история с мужем, а я веду себя как малолетка. Мне только свистнули, и я побежала в ночь-полночь»...

Клара бросила на пол помаду, выместив на ней свое раздражение, не раздеваясь, плюхнулась на кровать и уставилась в потолок, по которому скользили отсветы автомобильных фар.

Пришло сообщение от Стаса: «Клэр... — он иногда так обращался к ней. — Ты дома? Я волнуюсь. Ты же знаешь, как я тебя люблю». Последняя фраза, по мнению Клары, была явно лишней. Если он так пишет, значит, находится не дома. А где? Она решила задать вопрос в лоб:

— Привет, Стас. Я не дома, впрочем, как и ты. Мы хотели полететь в Питер на годовщину свадьбы, а вместо этого ты от меня сбежал. И что у тебя за история? Может, объяснишь?

— Понимаешь, я боялся. Все слишком сложно, — взволнованно пояснил Стас.

— Я не пойму, а Чижова, значит...

— Она профи, она журналист.

Клара посмотрела на часы — скоро рассвет. Не договорив с мужем, она вскочила с кровати, закинула телефон в сумку, вышла из номера и... в коридоре нос к носу столкнулась со Стасом, который еще не успел отключить свой мобильный. Неожиданная встреча никому из них не принесла радости. Клара возмутилась тому, что сбежавший супруг оказался в отеле, и непонятно, что он в нем делал, а смущенный Стас тоже высказал много претензий к жене, которая покинула дом без его спроса. Семейная сцена закончилась тем, что Клара вспылила и выбежала из гостиницы.

Она хоть и не обещала Артему прийти в назначенное место, но, назло Стасу, все же отправилась на это свидание. В столь ранний час ей не удалось поймать такси, и пришлось ускорить шаг. По мере того как гнев потихоньку остывал, в ней ослабевала уверенность в том, действительно ли она хочет встретиться с Артемом.

Когда дошла до Васильевского острова, наступил рассвет. На улицах появились редкие пешеходы. Артема уже не было. Злясь на себя и устав от спешки, Клара облокотилась на парапет и снова приковала взгляд к черной воде. «У меня только два часа», — вспомнились слова Артема. Ну конечно, он не мог больше ждать. Она подняла голову вверх, чтобы слезы не залили лицо, и неожиданно услышала:

— Вы — Клара?

Обернувшись, она увидела незнакомца с цветами в руках. Удивительно, это были ее любимые белые розы.

Незнакомец подошел ближе, протянул ей букет и сказал:

— Просил передать какой-то летчик. Он вас ждал, но так и не дождался.

Клара молча приняла цветы...

Окончательно рассвело, и застенчивое солнце нежно раскрашивало город в бело-желтый цвет. Ах, если бы можно было пойти за солнцем и увидеть Берингов пролив! Еще со школы Клара могла без труда найти на карте это место, где начинается новый день всего мира. Именно там она и хотела сейчас очутиться.

А люди спешили по своим делам, не замечая ее и ее лица, которое стало строже за эти несколько сумасшедших дней. Она была готова принять любую правду о муже. Несмотря ни на что, он так и останется ей самым близким человеком.

Но и Артема Клара не могла вытеснить из сердца. Как солнце, пробиваясь сквозь тучи, дарит благодатное тепло всему живому, так и неожиданное чувство, поселившееся в сердце молодой женщины, навсегда преобразило ее жизнь...

В полдень Клара вновь оказалась в аэропорту. Снова регистрация, посадка, взлет — все штатно. По приезде в родной город — такси, колокольчик в коридоре с соль-дизем, доставка, цветы и родной кактус на балконе. Шторы цвета слоновой кости и тихий свет, падающий на подоконник, — все излучало спокойствие и уют. Из пекарни тянуло запахом свежих булочек.

Клара боялась включать телевизор, зная, что новости и без того достигнут ее. Она переоделась в махровый халат, приняла, наконец, душ и, развалившись в кресле, начала пролистывать любимого Исигуро. «Но, допустим, ты вошла в какую-нибудь из этих комнат и обнаружила в ней еще одну комнату. А внутри той — еще одну. Комнаты, комнаты. Все глубже и глубже. Не получится ли так с твоим изучением сердца? Ведь, сколько бы ты ни бродила по этим комнатам, всегда будут оставаться такие, где ты еще не была»...

Может, в сердце Стаса имелось так много потаенных комнат, что Кларе не хватило времени узнать его лучше? А ему, вообще, нужна ее помощь? Ведь каждому, как говорил Исигуро, «нужно дать полноценный шанс. Это хорошая черта».

Завибрировал телефон. Сначала заговорил Стас, потом его перебила Чицова. Оба предупреждали, что скоро будут у нее. «Почему они вместе?» — ужаснулась она пошлой догадке.

Вскоре на пороге квартиры появились виновато улыбающийся Стас с букетом роз, Чижова с дорожной сумкой, а за ними вошли женщина лет тридцати — та самая, попавшая на камеру видеонаблюдения, и женщина в бигуди, то есть Анастасия Журавлева.

Клара попятилась назад и, наверное, упала бы, если бы Стас не подхватил ее.

Чижова перехватила инициативу и включила телевизор. Дальше все пошло как в кино или слайд-шоу — зрелищно и быстро. Девушка призналась, что она предполагаемая сестра Стаса и подкинула бигуди специально, чтобы направить его безуспешный, годами длившийся поиск матери по верному пути. Он искал ее где-то далеко, а она всегда была рядом. Он даже пересекался с ней по роду своей деятельности, восхищался ею, вернее, ее деятельностью, делал о ней репортажи, передавал цветы. Но не знал, что она и есть его мать. А у Анастасии имелись причины, чтобы скрывать родство. Мотивы, заставившие ее оставить младенца в детдоме, она не смогла бы объяснить, слишком тяжелые воспоминания были связаны с нежелательной беременностью. В то же время жизнь, хоть и благополучная, но с сознанием того, что ребенок может нуждаться в ней, была еще невыносимей. Занимаясь благотворительностью, Журавлева заглушала муки совести.

— Но кто мать? И зачем такие сложности?! — выходя из себя, выкрикнула Клара.

Она взглянула на Чижову, на Стаса, жалкого и бледного от всего происходящего, потом внимательно посмотрела в глаза Анастасии Журавлевой и все поняла. В них было столько боли, страдания и, одновременно, надежды на счастье, что Кларе стало ее по-женски жалко.

— Ну что, родственники, обнимитесь, что ли? — тоном уверенного в своем сценическом решении режиссера произнесла Чижова.

Стас покраснел и улыбнулся, а Клара сделала шаг навстречу, попытавшись заключить в объятия всех собравшихся сразу.

— Что бы вы без меня делали? — самодовольно усмехнулась Чижова.

— А давайте устроим междусобойчик! — предложил Стас, понемногу приходя в себя и решаясь, наконец-то, поцеловать жену.

— Да, конечно. Извини, я тебя недооценила, да и думала разное, — виновато произнесла Клара.

— Междусобойчик без меня, — предупредила Чижова. — Я улетаю на Бали. С кем, не скажу. Скоро узнаете, смотрите телевизор.

— Да ты что, Лен? Кто он? Серьезно? — Клара впервые назвала подругу по имени.

— Серьезней не бывает. Несколько месяцев ни восточки, а вчера — бац, свалился как снег на голову, и сразу предложение. Детей, говорит, хочу, и много. Ну а я возьми и согласись. Сразу билеты забронировали на Бали.

— А как же твой принцип «Женщина — не инкубатор»?

— Это если не любишь, а у нас... — Лена нарисовала в воздухе сердце.

Клара искренно порадовалась за подругу, за себя и Стаса. Наконец у нее образовалась большая, полноценная семья.

На глянцевый пол цвета мраморной крошки падал медово-желтый, ласковый солнечный свет. Впервые за несколько лет квартира показалась Кларе теплой и уютной, словно изначально была предназначена для большой и дружной семьи. Однако ощущение благодати соседствовало в ее душе со смутной тревогой. Ее не покидало предчувствие, что она безвозвратно теряет самого близкого человека.

Она взглянула в окно: в безоблачном небе парила какая-то редкая черная птица, потом резко снизилась и пролетела мимо окон Клариной квартиры. Сердце тревожно заняло в ожидании страшной вести...

...В это время над Курильскими островами, недалеко от Южно-Сахалинска, разбился самолет, совершавший важный засекреченный рейс. Все пилоты, включая Артема Игнатьева, погибли. Пассажиров на борту не было...

Чижова закинула на плечо дорожную сумку и кивком головы показала на дверь, намекая, что Кларе нужно ее проводить. В коридоре она поцеловала подругу и, как бы невзначай, бросила на прощание: «А все-таки надо слетать туда, где солнце встает».

— На Дальний Восток?

— Конечно, — кивнула Лена. — Каждому хоть раз в жизни нужно увидеть рассвет...

Птица, превратившаяся в черную точку на горизонте, исчезла, растаяв в лучах заходящего солнца. Так и Артем устремился в небеса, уподобившись в восприятии Клары Богу и оставаясь в памяти людей... □

Первая в России

Александра Яковлевна
Ефименко — этнограф,
профессор, педагог,
была первой
женщиной — почетным
доктором русской
истории.

ИЗ СЕМЬИ ЧИНОВНИКА

Александра Яковлевна родилась 18 мая 1848 года на Терском берегу Белого моря в селе Кузомень Кольского уезда Архангельской губернии. Отец, Яков Иванович Ставровский, родом из Вологды был священнослужителем. С 1824 по 1830 годы он учился в Вологодском духовном училище, затем в духовной семинарии, но оставил ее и поступил переписчиком в Вологодский уездный суд. В 1837 году он был произведен в коллежские регистраторы и назначен канцеляристом в Онежское городничье управление. Затем служил чиновником в Мезенском и Архангельском городничих управлениях. Сведения о матери Александры, Елизавете Петровне, и вовсе скудные — известно только ее отчество.

Александра была вторым ребенком в семье. Ее отец на момент рождения дочери служил приставом второго стана Кольского уезда и имел уже чин коллежского секретаря. Яков Иванович плохо переносил климат Кольского полуострова, поэтому подал прошение о переводе в Архангельск, которое было удовлетворено в 1850 году. Через год титулярный советник Ставровский оставил службу, и семья переехала в Мезень, где Яков Иванович служил сначала на должности постоянного члена земского суда, а затем и директора Мезенского отделения общества попечительства и тюрем. В своей «Автобиографии» Александра Яковлевна писала: «...Воспоминания моей мезенской жизни отрывочны и смутны. Ясен только их общий колорит, тот мрачный колорит, которым бы-

ло окрашено все мое невеселое детство...».

Около пяти лет проработал Ставровский в Мезени. Дети подросли — их уже было пятеро, — и пришла пора думать об их образовании. Яков Иванович начал хлопотать о переводе в Архангельск, и его вскоре перевели чиновником по особым поручениям в губернскую казенную палату. Он был обязан ревизировать уездные казначейства, промышленные и торговые заведения. Он был человеком либерально-демократических взглядов, и хотя должность была «хлебной», не терпел взяток и подношений. Семья жила на его жалованье, которое составляло 30 рублей в месяц. Не только в глазах коллег выглядел честный Ставровский «белой вороной», но и в глазах жены и тещи, которые объясняли его честность не иначе как нелюбовью к семье и детям.

Вскоре десятилетняя девочка Александра, успешно выдержав экзамены, была зачислена приходящей ученицей в архангельскую гимназию. Училась она отлично, переходя из класса в класс с похвальными листами. К чтению у нее была особая страсть. Так как дома библиотеки не было, девочка пользовалась библиотекой гимназии, «глотая» книгу за книгой при свете свечного огарка, а то и при лучине, притаившись в углу за кухонной печью.

Когда Александра оканчивала гимназию, в семью пришло горе. В столице от туберкулеза умер старший брат Самсон — студент Петербургского университета. Вскоре заболел

и Яков Иванович, скончавшийся на 45-м году жизни, и многодетная семья оказалась без средств к существованию. Потом заболела и мать, так что все заботы о семье легли на хрупкие плечи Александры. Несмотря на это, она успешно окончила гимназию и получила звание домашней учительницы. К сожалению, работу в Архангельске она найти не смогла, и пришлось перебираться в Холмогоры. Там, в женском отделении двухклассного училища, нашлось для нее место. Так в 16 лет она стала педагогом.

И СТАЛА ПРОФЕССОРОМ

Тихая размеренная жизнь царила в Холмогорах. Иногда ее оживляло появление революционеров. Один из них, Петр Савич Ефименко, был сослан на Север за участие в антиправительственной пропаганде и за то, что состоял в тайном обществе. Первоначально отбывал ссылку в Пермской губернии, откуда за участие в местном тайном кружке был переведен в Архангельскую губернию. Он работал писцом в Онеге, но из-за болезни его перевели в Холмогоры. Еще в юности Петр Савич проявлял интерес к фольклору, этнографии, записывал народные песни, легенды, пословицы, заклинания. Он не окончил ни Харьковский университет, откуда был исключен за участие в студенческих беспорядках, ни Московский университет, который был вынужден покинуть из-за состояния здоровья, зато продолжал

заниматься историей Севера, и в «Архангельских губернских ведомостях» было опубликовано 115 его статей. Позднее он будет избран членом Русского географического общества и ряда других обществ.

Александра Яковлевна еще до встречи с ним начала изучать историю Холмогор, быт местного населения, описанный позже в рассказе «День крестьянской семьи». Этот интерес еще более усилился после знакомства с Ефименко. По его совету она начала записывать былины, сказания и песни народов Севера. В те-

ла». Вскоре в «Детском чтении», «Семейных вечерах», «Педагогическом листке» появляются ее «Мурманские промыслы», «Шесть лет на Шпицбергене», «Из воспоминаний детства», «Вечер в сельской школе», «На Югорском шаре» и другие рассказы. Помимо них она публиковала и очерки по ряду городов, в которых проявила недюжинные знания по их истории, занятиям и быту населения, а позже перешла и к крупным научным исследованиям. Особый интерес привлекли ее публикации «Словарь местного населения», «Народные

Десятилетняя Александра, успешно сдав экзамены, была зачислена приходящей ученицей в архангельскую гимназию. Училась она отлично, переходя из класса в класс с похвальными листами. К чтению у нее была особая страсть...

чение пяти лет она под его руководством изучала языки, естествознание, математику, философию. За короткий срок дружба между ними переросла в более глубокое чувство, и они решили пожениться. Несмотря на то, что, выходя замуж за ссыльного, Александра теряла место в училище и бралась под надзор полиции с запрещением выезда из Холмогор, это ее нисколько не испугало. 9 февраля 1870 года она стала носить фамилию Ефименко.

Материальное положение супругов вынудило Александру Яковлевну взяться за перо. Ее первым рассказом стал рассказ «Год лопаря», напечатанный в журнале «Семья и шко-

юридические воззрения на брак», «Женщина в крестьянской семье», монографии «Трудовое начало в народном обычном праве», «Артели Архангельской губернии». Кстати, на эту последнюю работу обратили внимание даже Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

В 1872 году из-за болезни Петр Савич был вынужден переехать в Воронеж, где работал в казенной палате. А после окончания срока гласного надзора чета Ефименко перебралась в уездный Нижнедевицк, где супруг устроился на работу секретарем Нижнедевицкого присутствия по крестьянским делам. Затем супруги переехали в Самару, где Петр Савич

на протяжении года исполнял обязанности секретаря губернского статистического комитета. Из Самары чета переехала в Чернигов, а оттуда в Харьков, который в то время был крупным не только промышленным, но и культурным центром. Петр Савич работал в комиссии по исследованию железнодорожного дела, затем секретарем губернского статистического комитета и исполнял обязанности редактора «Харьковского календаря».

Активную научную работу вела и Александра Яковлевна. В Харькове, где она прожила 28 лет, она написала более шестидесяти работ по культуре и истории. Ее избрали членом Харьковского историко-филологического общества и неоднократно избирали делегатом на Всероссийские съезды археологов, где она выступала с докладами, восхищавшими их участников новизной содержания и мастерством изложения. Кроме того, она была заместителем председателя Общества грамотности в народе, а с 1906 года возглавила Общество взаимопомощи трудящихся женщин.

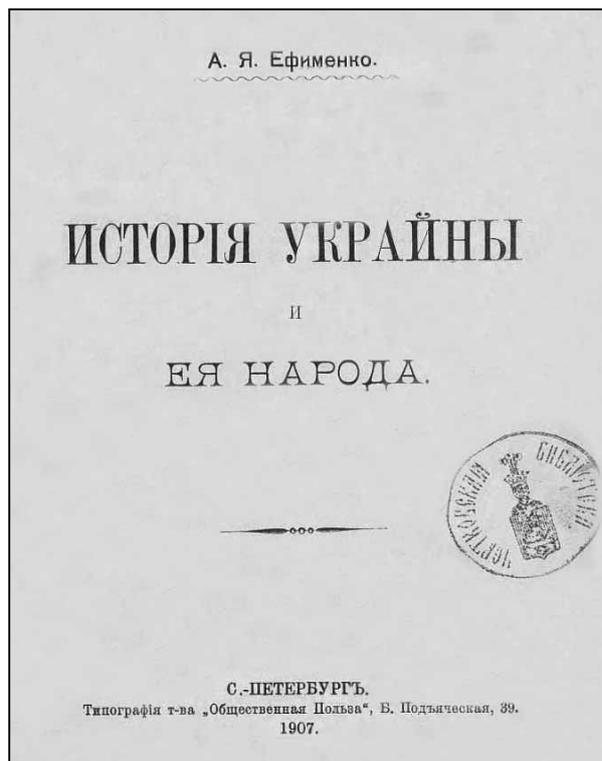
К тому времени в семье было уже пятеро детей. Здоровье мужа окончательно пошатнулось, и он был вынужден оставить работу в статистическом комитете. Начали болеть и дети. Скончались старшая и младшая дочери. Старший сын Тарас, ее любимец, вскоре выздоровел и окончил юридический факультет Харьковского университета, а младший сын Петр, который особенно радо-

вал мать, позднее стал археологом. Дочь Таня из-за слабого здоровья в школе не училась, но получила хорошее домашнее образование. Она с детства проявляла склонности к поэзии и публиковалась в разных журналах. А в 1916 году ее сборник «Жадное сердце» был издан в Петрограде.

Теперь о ней уже не говорили «жена Ефименко», к ее трудам обращались ведущие российские и европейские ученые (при этом они особо отмечали, что автор — женщина). В 1907 году Александру Яковлевну пригласили читать лекции по истории на Высших женских (Бестужевских) курсах. Это было официальное признание ее научных заслуг. Признание публичное, всероссийское!

Муж по-прежнему был прикован к постели, и на лекции ей приходилось приходить после бессонных ночей, очень уставшей. Бывшая слушательница курсов Е.Н. Чехова вспоминала о ее лекциях: *«В гимназии я училась с увлечением, но никогда еще не видела, как творилась наука. Я впервые присутствовала при этом процессе. Теперь я записывала все, боясь упустить какое-либо звено»*. Курс читался факультативно, однако двенадцатая аудитория, в которой читала лекции Ефименко, всегда была переполнена настолько, что администрация курсов решила даже ограничить число посещавших эту аудиторию.

Осенью 1908 года скончался Петр Савич. Александра Яковлевна очень тяжело перенесла утрату самого дорогого для нее человека, которому

была обязана своими успехами в науке. С еще большей энергией, несмотря на свои 60 лет, она отдавалась работе на курсах. При этом не прекращала и научно-литературной деятельности, работая над учебниками по украинской и русской истории.

В 1910 году, в связи с сорокалетием ее научной и педагогической деятельности, был поднят вопрос о присуждении ей научной степени доктора наук. Представляя ее ученому совету, ректор Харьковского университета Д.И. Багaley говорил, что мысль о присуждении Александре Яковлевне степени доктора русской истории возникла еще в 1905 году, во время празднования столетия университета, но обстановка тогда не позволила осуществить этот план, поскольку правилами университета не предусматри-

валось присуждение степени женщинам. И все же, в виде исключения, ей было присуждено такое высокое ученое звание.

В октябре 1910 года состоялось официальное чествование Александры Яковлевны. Приветствуя ее, знаменитый историк, профессор С.Ф. Платонов, сказал: «В рядах замечательных русских женщин Вам принадлежит первенство. В настоящее время Ваше имя стало известно всей России, а Ваши печатные труды служат коренным пособием для русских историков. Трудовая жизнь дала Вам ученую славу, но и теперь, в пору богатой жатвы, Вы такая же, как были в пору Ваших посевов. Ваши духовные силы так же велики, как и Ваша выдержанная скромность».

После присуждения ученой степени Ефименко была избрана про-

фессором Высших женских курсов. Ее пригласили читать лекции на высшие экономические курсы Лесгафта. Ее ученица М.А. Островская под руководством Ефименко защитила диссертацию на тему «Земельный быт сельского населения

петлюровцы. Добрались они и до Волчанска, бесчинствуя там и в окрестных селах.

Семидесятилетняя Александра Яковлевна, погруженная в научную работу, не допускала мысли, что ее кто-то тронет, но это произошло.

В Харькове Александра Яковлевна вела активную научную работу. Она написала более 60 статей по культуре и истории. Ее избрали членом историко-филологического общества и неоднократно избирали делегатом на Всероссийские съезды археологов, где она выступала с докладами, восхищавшими слушателей новизной содержания и мастерством изложения

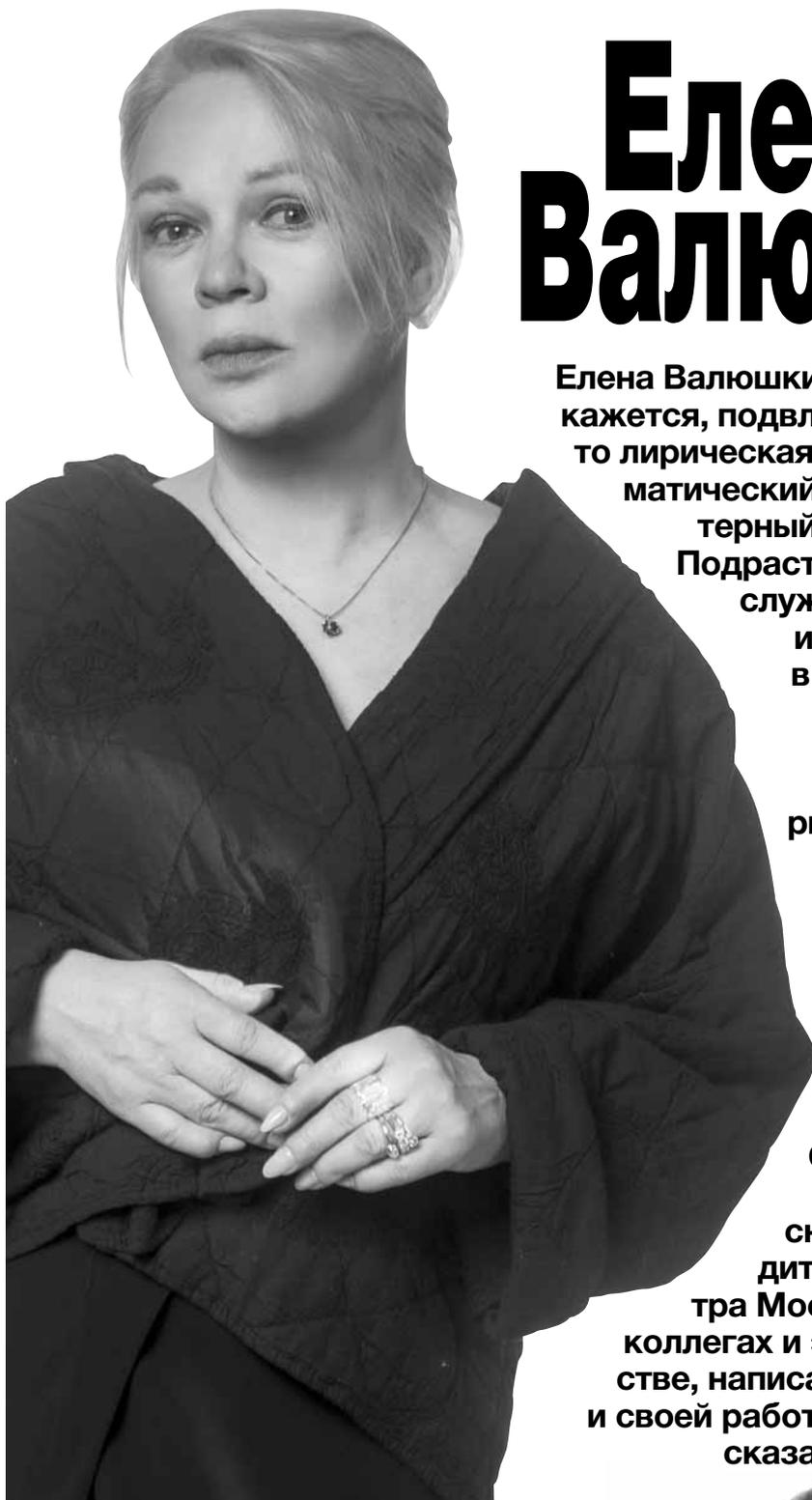
русского Севера в XVII–XVIII столетиях».

После Февральской революции 1917 года Александра Яковлевна была вынуждена покинуть голодный Петроград и поселиться на Харьковщине. Первоначально они с дочерью Таней жили на даче около Писаревки Волчанского уезда, а осенью переехали в хутор Любочки, сняв там квартиру у владелицы хутора, директора Волчанской гимназии. Александра Яковлевна оказалась в тяжелом материальном положении, и, чтобы выжить, ей пришлось постоянно ездить в Волчанск читать лекции, но при этом она продолжала и научную работу. В одном из своих писем Ефименко осудила отделение Украины от РСФСР, объявленное Центральной радой. А вскоре рухнула власть Скоропадского, и Киев захватили

В ночь на 18 декабря 1918 года на хуторе разыгралась страшная трагедия: в дом ворвались озверевшие бандиты и не пощадили никого. Вместе с ученой были убиты ее дочь Татьяна, молодая, талантливая поэтесса, конюх, кухарка, горничная и еще две женщины — то есть все обитатели дома. Грабители искали деньги, драгоценности, но ничего стоящего в доме не было — одни только книги...

Похоронили Александру Яковлевну Ефименко на кладбище в селе Шоповка. Со временем ее могила стала малозаметным холмиком. Позднее, по постановлению Волчанского райисполкома и благодаря семье Ерохиных, ее останки были перенесены в село Революционное. Здесь установили плиту и стелу с надписью. □

Елена Валюшкина

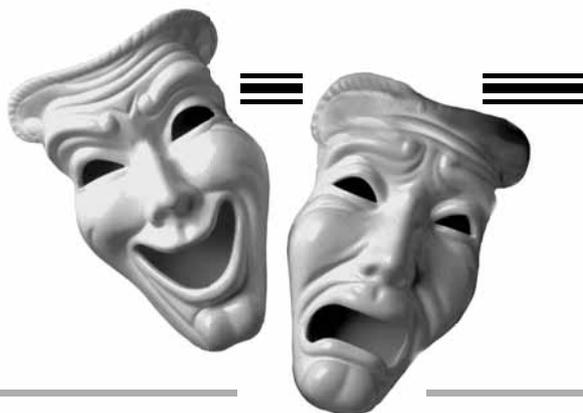

Елена Валюшкина — актриса, которой, кажется, подвластна любая роль, будь то лирическая героиня, глубокий драматический образ или острохарактерный интересный персонаж. Подростающему поколению заслуженная артистка России известна своими ролями в кинохитах как «Вызов», «Последний богатырь», «Горько!» и многих других. Начинаясь же карьера актрисы с того момента, когда ее большие глаза покорили зрителей в фильме «Формула любви», и большая часть мужского населения потеряла голову от любви к музе графа Калиостро. Сейчас Елена Валюшкина продолжает активно сниматься в кино и выходить на сцену родного театра Моссовета. О легендарных коллегах и экспериментах в искусстве, написании собственной книги и своей работе в театре актриса рассказала в интервью «Смене».

**«Мне очень хочется иметь
именной спектакль,
чтобы зритель шел
конкретно на Валюшкину»**

— Елена, в детстве вы занимались в музыкальной (фортепиано, гитара), танцевальной и художественной школах. Где нравилось больше всего?

— Художественная, музыкальная, танцевальная школы и вязание — чего только у меня не было в детстве! Это все благодаря моей маме. Я безумно ей благодарна, потому что считаю, что нужно ребенка отдавать во все кружки, школы, чтобы развивать его всесторонне. Обязательно это где-то в чем-то проявится, выйдет наружу. И из этого многообразия навыков в дальнейшем что-то полу-

маться. Хотя больше всего, мне, наверное, нравилось рисовать.

— Вашим «крестным» в кино стал знаменитый режиссер Юрий Чулюкин. На площадке он был строгим?

— Я благодарна Юрию Степановичу, снялась у него в двух фильмах. Первый фильм «Не хочу быть взрослым», это был 2-й курс. Он сам лично пришел отпрашивать меня у Коршунова. Хотя в то время, когда я училась, — это был 82-й год, — нам категорически было запрещено сниматься, вплоть до исключения из училища.

чится интересное. Поэтому я думаю, что вот все это сыграло большую роль в моей жизни. Что мне больше нравилось? Я всем любила зани-

И он сам пришел к Коршунову и сказал, что не испортит меня в театральном смысле — какой меня взяли в училище, такой он меня и вернет,

не навязав ни одного киноштампа. А на четвертом курсе, уже когда я окончила театральное училище, я снималась у него в фильме «Как стать счастливым». Думаю, что снималась бы у него и дальше, потому что у нас был с ним очень хороший творческий союз, но, к сожалению, он погиб.

А еще Юрий Степанович познакомил меня с Никулиным, когда мы снимались в цирке, потому что они оба были фронтовиками и дружили. Возвращаясь к вашему вопросу, скажу, что он был очень легкий. И ощущение от него у меня осталось такой творческой легкости.

— Каким для вас остался в памяти Ростислав Янович Плятт? Знаю, вы играли его внучку, репетировали с ним...

— Ростислав Плятт, наряду с другими великими нашими артистами Театра Моссовета, в котором я сорок лет отслужила, был моим партнером, относился ко мне с уважением, любовью, ценил меня как актрису. С ним я играла спектакль «На полпути к вершине» и исполняла роль его внучки, как и в следующем спектакле Арбузова (это была последняя его пьеса) «Виноватые». Но, к сожалению, Ростислав Янович не смог сыграть из-за болезни, и моим партнером стал Михаил Львович Львов, тоже мой любимый артист.

Чем мне запомнились великие артисты? Это было обожание! Юмор, ценность актера, ценность партнера, при этом никакой назидательности. И Леонид Васильевич Марков, и Геннадий Бортников, и Юрий Тараторкин, и Сергей Юрьевич Юрский, и Георгий Степанович Жженов — вот эта мощь актерская. Не могу не упомянуть Сашу Ленкова, Юру Кузьменкова, Ирину Муравьеву, Людмилу Шапошникову и Ирину Павловну Карташеву... Это все мои партнеры,

---

и про каждого я могу рассказывать с придыханием очень-очень долго. Это моя школа. Они все во мне, потому что я с ними играла, я вся состою из их талантов. Вот сейчас понимаю, что все они, так или иначе, приложили руку к моему актерскому мастерству. Потому что если бы это были другие люди, наверное, и я бы была другая.

— Продолжая нить разговора о театре — весь этот театральный сезон в вашем родном Театре Моссовета проходит под знаком 130-летия Юрия Александровича Завадского...

— Я пришла в театр в 1984-м году, к тому времени Юрия Александровича в живых уже не было. Но рассказов о нем было очень много, потому что и последняя студия Завадского, и все те, кто был в ней: и Юра Беркун, и Маргарита Терехова, и Слава Бутенко, и Галина Дашевская — все-все служили в это время в театре. Еще очень много было актеров, которые могли его пародировать, его манеру говорить. Я даже сама могу в какой-то мере пародировать Завадского, потому что я это слышала и видела очень-очень много раз от других актеров, особенно от актеров старшего поколения. И очень приятно и пре-

красно, что, наконец-то, в театре открылся мемориальный кабинет Завадского. Все могут прийти в наш театр и даже, сняв трубку телефона, послушать голос самого Завадского, который читает стихи или что-то рассказывает. Атмосфера его кабинета и его личности есть абсолютно совершенно. Интерьер придуман с его рисунками, которые висят на стенах. В общем, это место, «пропитанное» его духом, так что всем зрителям обязательно нужно его посетить, когда они будут приходить на спектакли театра.

— Сорок лет служить в одном театре — это великая заслуга. Что продолжает вас держать в театре и «не отпускать» полностью в кино?

— Ну, что меня держит в театре Моссовета уже сорок лет? В другие театры, просто не приглашают, поэтому и сижу на одном месте. Это шутка, конечно. Я очень люблю наш театр. В нем всегда была очень сильная актерская труппа, одна из самых сильнейших в Москве. Но, к сожалению, не очень везло нам на модные постановки, чтобы быть где-то там наверху. И все же мы — любимые зрители театра, который всегда на слуху, у которого есть замечательные премьеры и изумительные актеры. Мы как-то не выбивались в мое время с какими-то очень шумными постановками, но так бывает в театре, он переживает разные этапы в своей жизни. Театр — это коллектив, и в нем порывы человеческой души раз-

ные. Поэтому я и уходила из театра, и возвращалась в театр, и было время, когда очень много играла — в моем репертуаре больше 30 главных ролей. К сожалению, на данный момент я не являюсь, так скажем, в приоритете у нашего главного режиссера, но у меня очень много работы, так что я не могу жаловаться. Конечно, мне очень хочется иметь свой спектакль, именно спектакль, чтобы шли конкретно «на Валюшкину», но при этом у меня прекрасные спектакли, и антреприза, в том числе. Играю, много езжу и много снимаюсь, поэтому грех жаловаться. Когда-то, на заре моей молодости, мне предлагали иметь свой театр, но я отказалась. Вот сейчас бы я, конечно, была бы царица (смеется). Но нет сослагательного наклонения в нашей жизни...

— Похож ли сегодня театр на тот, который вы помните, когда пришли в него, будучи совсем юной девушкой?

— Отвечу вам вопросом на вопрос. А похожа ваша жизнь на ту жизнь, которая была с вами много лет назад? Нет, конечно. Это другой театр, не хуже, не лучше — просто другой.

— Я не могу не восхищаться вашей актерской игрой! Для многих зрителей вы навсегда останетесь лирической героиней с широко распахнутыми, огромными глазами. Однако в вашей актерской копилке и характерные, и драматические, и острохарактер-

ные персонажи — у вас виртуозно получается любая героиня...

— Я свою работу очень люблю. Естественно, стараюсь, чтобы для зрителя каждая моя роль была неожиданностью, чтобы они увидели другую Валюшкину, нежели привыкли ожидать. Когда я говорила режиссеру-постановщику Инне Данкман, с которой мы сделали «Шум за сценой», «Пчелку», «Кошку, которая гуляла сама по себе»: «Пойдем смотреть вот такой спектакль такого-то артиста», она отвечала: «Нет, неинтересно. Я знаю, что он будет делать. Он актер без неожиданностей». А я очень хочу, чтобы

в каждой моей роли, и в каждом фильме было что-то неожиданное для зрителя и стараюсь это делать всегда.

— Елена, а случалось ли такое, когда вы понимали, что роль вам «не поддается»?

— Если я не хочу что-то играть, если понимаю, что не могу это сыграть, то я уже не лезу — ни в этот сценарий, ни в это кино. В театре тоже мне многое удавалось, поэтому то многообразие ролей и драматургов, с которыми мне посчастливилось встретиться — это, конечно, практически

весь мировой репертуар. Это и наши авторы, и современные, и зарубежные, и классика. Так что нет. Пока, к счастью, такого не случилось.

— Да, вы переиграли весь мировой репертуар. А как вы считаете, современная драматургия переживает кризис, или же есть какие-то имена и талантливые авторы, которых мы просто не знаем? Ваши любимые драматурги?

— Я думаю, что все-таки современная драматургия проигрывает классической. Почему режиссеры возвращаются все время к классике? Да потому, что очень мало современных драматургов, которые могут с ней посоперничать. Классика вечна. Я бы вот без конца играла бы Островского, гениального Чехова, Достоевского бы играла и играла. И получала удовольствие! Классика — это драматургия, отвечающая на все вопросы, которые задает человек. А сейчас можно что-то перефразировать, переписать, одеть в современную

одежду — и это будет актуально, современно и злободневно. Но, на мой взгляд, современная драматургия, к сожалению, все-таки проигрывает.

— Хотелось бы поговорить о вашем проекте «почитушки от Валюшки», который сейчас вы ведете в Телеграмме. Вы великолепно владеете голосом, материалом и перечитали, кажется, почти всю мировую литературу!

— Я начала просто читать в социальных сетях. Занялась этим поневоле, хотя очень люблю это дело. Ведь когда я только пришла в театр, я сама лично после репетиций ходила на улицу Качалова, ныне это Малая Никитская, где был расположен Государственный дом радиовещания и звукозаписи, и делала там записи радиоспектаклей. У меня есть спектакли, вошедшие в золотой фонд театральной жизни России и записанные мною вместе с Табаковым, с Евстигнеевым. Это была такая школа... И потом, моя мама постоянно мне ставила пластинки перед сном: «Бременские музыканты», «Оле Лукойе». И вот этот голос Бабановой, когда она пела песню в «Трех толстяках», это все у меня на подкорке записано. И когда начался ковид, естественно, не было театра и кино, я начала читать в соцсетях. А когда пандемия закончилась, люди стали спрашивать: «Валюшкина, почему ты нас бросила?» Потому что есть люди, которые, например, боятся летать в самолетах, и во время полета слушают меня в записи. Кто-то под меня бегают, кто-то под меня на

лыжах ходит. Кто-то под меня копает и сорняки вырывает. Кто-то дает детям слушать на ночь... Мне самой это нравится, и я рада, что помогаю людям. Ведь так удобно — в любой ситуации включил запись — и можно заниматься чем угодно, параллельно слушая мои записи...

— Елена, вернемся к вашей основной деятельности. Бытует мнение, что в театре набираешься опыта, а в кино его применяешь. Согласны вы с этим утверждением? Ведь изначально вы отдавали пальму первенства в своем творчестве именно театру...

— Нет, я не согласна с этим абсолютно! Опыт — это время и работа с хорошими режиссерами, прекрасной драматургией, с интересными партнерами как в кино, так и в театре. Это такая штука, которую ты можешь набрать, только находясь в процессе (театра или кино), хотя это две разные профессии, ты существуешь по-разному в этих двух сферах. В кино, например, ты должен собраться на короткое время и при этом знать, что у тебя 12-часовой рабочий день, и надо протянуть свои силы на эти 12 часов. А в театре репетиции проходят в течение месяцев, потом надо выйти на сцену, сыграть премьеру, потом играть спектакль раз или два раза в месяц. Это совершенно разное профессиональное существование, при этом оно является одной и той же профессией. Просто это разные, грубо говоря, условия труда (смеется).

— Сейчас очень изменился киноязык, если сравнивать, с советским, к примеру. Изменился ли язык режиссуры театра? И как вы относитесь к экспериментам, которые существуют во многих театрах?

— Нет, язык не изменился. Мне кажется, изменились приспособления: мода сменилась, появились другие скорости. Зрителя всегда привлекает честность, фантазия, органика, доброта, любовь, каким бы языком, какими красками и какими средствами и в театре, и в кино это бы ни было выражено. Потому что уйти из кино и театра с «холодным носом» нельзя. Театр и кино созданы для того, чтобы развлекать. Чтобы зритель хохотал или плакал, смеялся или задумывался. Но всегда мы, актеры, должны вызывать какие-то эмоции у человека. Это может быть даже ненависть, злость — да все что угодно. Человек, придя в театр или сидя в кинотеатре, должен испытывать любые эмоции — живые, настоящие. А к экспериментам я очень хорошо отношусь, главное, чтобы они не были пошлыми.

— Елена, знаю, вы любите проводить отдых в путешествии и объездили полмира...

— Я не объездила полмира. Мне до «полмира» еще ездить и ездить... Мои мечты огромны. Я хочу посетить за время, отведенное мне на земле, все! И, конечно, пляжная история — это не моя история. Мне всегда нужно куда-то ехать, куда-то забираться, что-то смотреть. Обязательно с ги-

дом — я очень люблю путешествовать с человеком, который что-то знает об этом месте такое, чего не знаю я. Хотя я предварительно, перед тем как совершить поездку куда-либо, обязательно читаю о стране, о городе — что там можно увидеть, что там есть интересного.

— Вы два раза переживали клиническую смерть. Можно ли сказать, что вы не боитесь смерти, поскольку встречались с ней лицом к лицу?

— Тяжелый вопрос. Что значит, не боюсь смерти? Я боюсь ее, хотя и переживала клиническую смерть. В отличие от людей, которые говорят, что Там что-то есть, я считаю, что для человека жизнь заканчивается смертью. Сон — это, знаете, такая репетиция смерти, поэтому, наверное, какая-то материя там и существует. Но жизнь человеческая прекращается со смертью, и это, конечно, страшно. Вот и я боюсь смерти, я же не идиотка. (смеется)

— Знаю, вы — глубоко православный человек...

— Я очень люблю церковь, очень люблю храмы. И в каждой стране, в каждом городе захожу туда, мне там хорошо. Ставлю свечи, поминаю своих усопших. Ставлю свечки за здоровье, пишу записки — мне это нравится. Я понимаю, что это то самое место, где нас видят и слышат наши усопшие, и всегда с благодарностью их вспоминаю в церкви, в храме в любой стране, где бы я ни находилась.

— Поделитесь, пожалуйста, как не бояться своего возраста?

— Да просто понять, что ты с этим ничего не можешь сделать, и больше не затрачиваться на это, а жить и получать удовольствие от жизни в том виде, в котором ты на данный момент находишься.

— Правда ли, что вы пишете автобиографическую книгу?

— Да, но не то, чтобы конкретно сижу и пишу, потому что я не писатель. Я создаю автобиографическую и художественную книгу — все вместе — воспоминаний. Рассказываю о своих коллегах-актерах, с которыми служила в театре, имела честь выходить на сцену в одних спектаклях и сниматься. Для меня

это совершенно невероятная история. И когда я рассказываю об этом, мне говорят: «Лена, боже мой! Ты с такими людьми была рядом, пиши, пиши, пиши!» Со многими я дружила, на гастролях мы тесно общались, и очень много было рассказов о моих партнерах, великих и больших актерах, которых я не застала — об Орловой, Марецкой, Мордвинове, Раневской. Через одно рукопожатие я была с ними знакома! Мне очень жаль, что я не записывала все это. И я пишу по своим и по воспоминаниям актеров такие заметки, которые, может быть, вырастут в книгу. Думаю, что получится... □

Беседовала **Дарья Парчинская**

Фото Елены Коротковой

Наш сегодняшний разговор пойдет со скрипачкой — Софьей Ермасовой. Выпускница Московской консерватории, она не понаслышке знает, что значат часы, проведенные за инструментом, для достижения качественного звучания.

«Счастливы дом, где звуки скрипки наставляют нас на путь и вселяют в нас надежды...», — писал Булат Окуджава. Действительно тембр скрипки похож на женский, а звучание этого инструмента — очень выразительно: скрипка может петь и говорить, обращаться с мольбой и просить... Какая же она — душа скрипки? Кто выбирает — музыкант инструмент или все же наоборот?..

Софья Ермасова

«Скрипка
выбрала меня...»

— Софья, вы родились в музыкальной семье?

— Профессиональных музыкантов в моей семье нет, я, можно сказать, в этом плане первооткрыватель. Но музыку дома любили и очень часто слушали. Папа учился играть на баяне и домре, мама несколько лет обучалась скрипке и фортепиано в школе искусств, сама научилась играть на гитаре. Музыкальные инструменты, такие, как рояль, баян,

аккордеон, скрипка и гитара, дома у родителей звучат до сих пор.

— Как Вы выбрали специальность скрипки, или можно сказать, что скрипка выбрала вас?

— Скрипка выбрала меня. Мне нравилось, когда мама играла на пианино, поэтому в Детскую школу искусств № 1 моего родного города

Марину Юрьевну Гагарину, у которой когда-то в классе скрипки училась моя мама. Решили взять у нее пару уроков, но процесс обучения и знакомства с инструментом мне так сильно понравился, что я осталась заниматься у Марины Юрьевны (заслуженный работник культуры РФ; М.Ю.Гагарина — ученица известного скрипача Н.А. Гольденберга —

Энгельса я поступала на фортепиано. Вступительный экзамен сдала успешно, но первого сентября вдруг выяснилось, что меня зачислили в группу раннего развития, потому что я была слишком маленькой, мне было 4 года. Маме очень не хотелось, чтобы я занималась не инструментом, а хореографией, рисованием и хором, и мы уже собирались отказаться от обучения, как совершенно случайно в холле школы встретили

является ведущим педагогом ДШИ №1 г. Энгельса по классу скрипки, руководителем Народного коллектива ансамбля скрипачей «Violino», инструментального ансамбля «Спутник», — прим. авт.).

— Как вам удавалось совмещать учебу сразу в двух музыкальных школах, да еще в разных городах — Энгельсе и Москве?

Дуэт с Анастасией Бахваловой

— В 2004 году после победы на конкурсе скрипачей им. Н.А. Гольденберга в Саратове и на конкурсе скрипичных ансамблей во Владимире состоялась судьбоносная встреча с известным московским педагогом, ведущим методистом города Москвы, заслуженным работником культуры РФ Ириной Борисовной Сытиной. С этого времени начался долгий переезд в столицу, занявший почти три года. В это время моим родителям пришлось жить «на два дома», найти новую работу, новое жилье и обустроить весь быт в Москве. Решение о переезде принимали совместно с Ириной Борисовной. А я осваивала новые технические приемы игры на инструменте в ДМШ № 44, набирала репертуар, участвовала в концертах и конкурсах как в Энгельсе, так и в Москве. Занятия с Ириной Бо-

рисовной были весьма интенсивные, и, когда я возвращалась в Энгельс, разбираться с большой программой мне помогала мой преподаватель Гагарина Марина Юрьевна. В этот период я стала лауреатом нескольких московских конкурсов, стипендиантом Правительства Москвы и фонда «Новые имена». Тогда же состоялись мои первые гастроли в Норвегию, организованные руководителями Артистического общества «Ассамблеи искусств» композитором и скрипачом Сергеем Романовичем Сапожниковым и виолончелисткой Ириной Сергеевной Прокофьевой.

— Как Вы поступали в консерваторию? Какими остались в Вашей памяти легендарные педагоги?

— К моим 12 годам не было никаких сомнений, что я буду профессиональным скрипачом, поэтому с профессором Московской консерватории Ара Грачичковичем Богданяном, учеником Давида Ой-

страха, мы нашли общий язык очень быстро. Он согласился взять меня в свой класс в музыкальной школе при музыкальном колледже имени Фредерика Шопена. Я обучалась в его классе 14 лет: несколько лет в музыкальной школе, колледже, консерватории и ассистентуре-стажировке. После окончания обучения он всегда был готов послушать меня перед сольными концертами, дать ценные советы и поделиться своим мнением. Его не стало в апреле прошлого года, и его внезапный уход был для всего нашего класса, для всех его коллег и друзей настоящим горем. Он был очень светлым человеком, с большим добрым сердцем. Так как он не мог играть на инструменте из-за травмы руки, то мелодическое ведение фраз показывал с помощью пения, которое иногда было таким громким, что его можно было слышать на улице. При этом тембр его голоса был теплым, южным, и таким запоминающимся, что до сих пор слышится мне во время выступлений на сцене.

В классе камерного ансамбля я обучалась у профессора Тиграна Абрамовича Алиханова, ученика знаменитого пианиста Л.Н. Оборина. Это была легендарная личность, его класс ломился от количества студентов и ансамблей, сам он всегда любил крупные составы, и мне посчастливилось играть не только в квартетах и квинтетах, но даже в септете и октете. На его уроках всегда присутствовало сценическое волнение, словно играешь не в классе, а на ответствен-

ном прослушивании. Он был очень строгим, мог придраться к, казалось бы, какой-то мелочи. Прямо во время урока начиналась внутренняя работа над собой, преодоление себя, которое открывало новые горизонты, новые перспективы в звучании, масштабности исполняемого произведения.

Знакомство с заведующим кафедры скрипки заслуженным артистом РФ профессором Сергеем Ивановичем Кравченко состоялось еще во время выпускных экзаменов в музыкальном колледже Фредерика Шопена, где он председательствовал в экзаменационной комиссии. Сергей Иванович поражает своей работоспособностью, целеустремленностью и исключительным исполнительским даром. Теперь я счастлива, что работаю под его руководством.

— Почему вы решили поступать в ассистентуру-стажировку, исполнительскую аспирантуру?

— Ассистентура-стажировка дает право преподавать в высшей школе. Я хотела преподавать, и знала, что у меня это получается. Свой первый урок я провела для своей одноклассницы и моей соседки по даче в летние школьные каникулы: мне было 9 лет, а ей — 7. Тот урок прошел спонтанно, и нам обоим понравился процесс. Мы проработали небольшую пьесу и 1 часть концерта О.Ридинга — хрестоматийный репертуар для начальных классов

ДМШ. Через несколько дней наш педагог Гагарина Марина Юрьевна сообщила, что после занятия со мной ученица многое стала делать лучше, и что у меня есть способности к преподаванию. К настоящему времени у меня взрослые ученики, студенты, с которыми необходимо проработать произведение с исполнительской точки зрения. Больше всего мне интересна работа над произведениями, их художественной составляющей, когда технические вопросы не перетягивают на себя внимание. Я из семьи потомственных преподавателей высших учебных заведений, вероятно, здесь уже сработали гены. У моего дедушки, у родителей, у других родственников имеются ученые звания в разных областях науки и большой опыт работы со студентами.

К тому же, как отмечал Давид Ойстрах, преподавание обогащает музыканта-исполнителя: иногда студент может найти такое решение, о котором ты никогда бы и не подумал, и его интерпретация может повлиять на твое видение как отдельного элемента, так и произведения в целом. Это очень интересно.

— Сегодня, будучи ассистентом кафедры скрипки, с какими педагогическими трудностями вы сталкиваетесь?

Не могу отнести это к трудностям, но на один момент я обращаю внимание: индивидуальность студента. Мой профессор Ара Грачинович Богданян говорил, что каждый уче-

ник — это личность, и важно найти то, что подходит этой личности.

Часто студенту нужно помочь проявить свою исполнительскую индивидуальность. Будет ли она в определенной манере звукоизвлечения, эмоциональных красках, которые он найдет, или проявится в особом стиле ведения фразы — трудно предугадать, что сработает при исполнении произведения. Не диктовать, а направить, предложить разные способы решения поставленных перед студентом задач, чтобы он сам подобрал «ключи» для наиболее точной передачи своего видения, своей интерпретации, чтобы она была логичной и убедительной — вот она, сверхзадача преподавателя.

— Из произведений каких композиторов состоит ваш репертуар?

— В основном это классический скрипичный репертуар, куда входят известные сочинения Баха, Моцарта, Паганини, Сен-Санса, Чайковского и других композиторов. Также стараюсь популяризировать редко исполняемые, но при этом очень любопытные и красивые сочинения, которые встречаются в творчестве таких известных композиторов, как Эрнст и Сарасате.

С петербургской пианисткой Анастасией Бахваловой, с которой мы играем ансамблем уже пять лет — со времен знакомства в классе профессора Алиханова, мы постоянно обогащаем свой камерный репертуар.

В последнее время меня очень привлекает творчество современных отечественных и зарубежных композиторов, поэтому в ближайшем будущем планирую концертные программы современной академической музыки.

— Какой композитор вам близок и почему?

Альфред Шнитке. Он мой земляк, тоже родился в моем родном городе Энгельсе. В детстве я очень часто слышала его имя, даже чаще, чем слышала его музыку. В осознанном возрасте уже целенаправленно слушала его скрипичные сочинения, не все было мне близко, но когда познакомилась с его «Реквиемом», заслушивала, что называется, «до дыр». Сагитировала своих друзей сыграть его Третий струнный квартет. Не могу назвать себя фанаткой Шнитке: есть сочинения, которые хочу слушать часто и сыграть в будущем, но есть и те, которые не вызывают у ме-

С профессором Ара Грачиковичем Богданяном

ня энтузиазма. При этом ощущается чувство родства, давно знакомого, известного еще с раннего детства.

— Вивальди, Паганини, Корелли — пожалуй, те творцы, которые «на слуху» у большинства. А ваши любимые композиторы, писавшие для скрипки?

И.С. Бах — его имя всплывает в моем сознании сразу же. Из скрипачей-виртуозов назову, безусловно, Паганини, а также Эрнста, Венявского, Липиньского.

— Как вы проводите досуг?

— Очень радуюсь встречам с друзьями. Как правило, выкроить час-другой и посидеть с ними

в кафе проще всего после концертов: либо мы играем вместе, либо приходим на концерты друг друга. Друзья не музыканты могут «словить» меня после выступлений. В свободное время, будь то дома или в дороге, в метро, читаю. Из последних ярких литературных увлечений — творчество Мережковского.

— После музыкальных трудовых будней вы во время отдыха слушаете а музыку?

ставники оставляют нам свой опыт, знания и традиции. Считаете ли вы преемственность главной чертой альма-матер?

— Безусловно. Я вспоминаю своего шефа (так мы, ученики, называем своего профессора по специальности, в нашем случае — Ара Грачичовича Богданяна), использую методы его работы, также помню истории, которые он рассказывал о Давиде Ойстрахе, которым безмерно восхищался. Стены Альма-матер хра-

— Безусловно. Слушаю музыку разную, не только классическую. В моем плей-листе есть направления поп, рок, инди-рок. Под настроение.

— Сейчас в консерватории уходит поколение великих, старшее поколение постепенно покидает нас. Наши великие на-

нят память о великих людях, о тех, кто преподавал в этих стенах, играл в этих знаменитых залах. Консерватория — это место Силы и Вдохновения. Здесь сохраняются русские музыкальные традиции, и при этом всегда есть открытость новому. Это удивительное место, где каждый ищущий всегда найдет свою музыку.

— Инструменты каких мастеров звучат лучше всего, на ваш взгляд?

Каким вы видите развитие производства струнных инструментов в России?

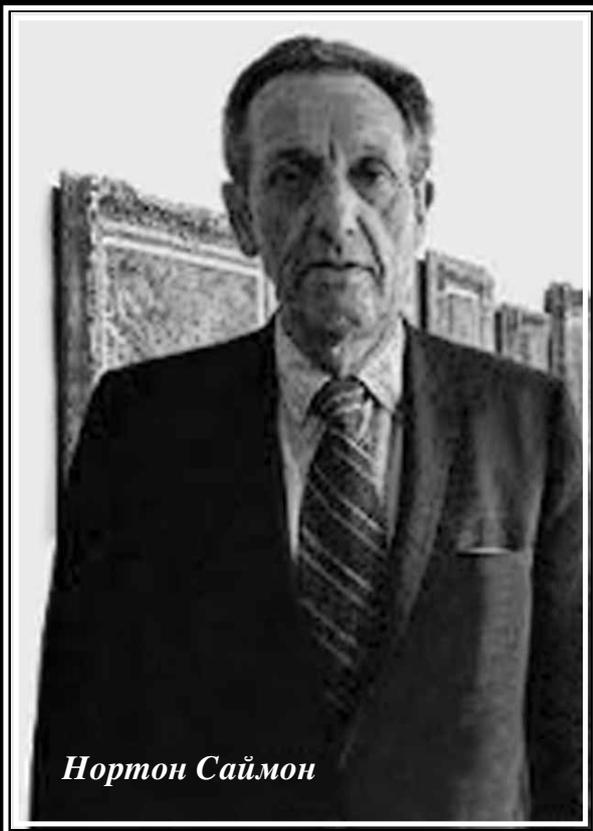
— Основную массу инструментов, на которых играют российские скрипачи, составляют мануфактурные немецкие скрипки — копии скрипок итальянских мастеров, изготовленные на рубеже XIX — XX вв. В нашей стране высокую оценку как у музыкантов, так и у экспертов получили инструменты отечественных мастеров XX в. Е.Ф. Витачека и Т.Ф. Подгорного. Из современных производителей скрипок в России пользуется популярностью санкт-петербургский «Горонок». И все же лучше всего звучит инструмент, который скрипачу нравится, к которому привыкли руки и уши, с которым он сроднился. Нужно очень хорошо знать свой инструмент — как скрипка реагирует на перемену атмосферного давления, изменение погоды, какие струны ей подходят, а какие нет, когда их

менять. Иногда, чтобы понять возможности своего инструмента, нужно послушать его со стороны, как он звучит в руках другого музыканта. Во всяком случае, единение скрипача и его инструмента — это критерий успешного выступления, и точка невозврата, когда игра на скрипке становится неотъемлемой частью жизни. □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

Фото из личного архива

Нортон Саймон

НОРТОН САЙМОН, ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО МУЗЕЙ

В мире не так уже много частных собраний, сравнимых с большими государственными музеями по качеству коллекции и значимости. Среди них — музей Нортон Саймона в Пасадене, Калифорния. Здесь выставлены полотна Крайна, Рубенса, Рембрандта, Коро, Ренуара, Писсарро и еще многих других художников — старых мастеров и живописцев более поздних времен. История этого музея и история жизни его создателя могли бы стать основой для увлекательного авантюрного романа...

5 февраля 1907 года в небольшом городе Портленде, штат Орегон, в семье Мейера и Лилиан Саймон родился мальчик. Его назвали Нортон Уинфридом. Это был первый ребенок Мейера и Лилиан, а потому он стал особенно любимым. (Позже у них родились две девочки, Эвелин и Марсия.)

У Мейера был универсальный магазин. Simon Sells for Less — это означало: здесь можно купить хорошую вещь по дешевке. Название привлекало местную публику, и дети Нортон-старшего отнюдь не голодали. Все шло совсем неплохо, и

мальчик рос, окруженный любовью и заботой родителей. Но когда ему исполнилось 14 лет, Лилиан умерла — диабет, который она долгое время практически не ощущала, убил ее. Это был страшный удар для всей семьи, и, наверное, чтобы как-то поменять жизнь, найти в себе силы начать все сначала, Мейер принял решение переехать в Сан-Франциско.

Шел 1923 год. Нортон, окончив школу, поступил в Беркли, в один из лучших университетов страны, на юридический факультет — отец в мечтах видел его успешным, известным адвокатом. Но, видно, Нортон

Музей Нортон Саймона

решил, что в Беркли ему делать нечего — он и так уже многое понимал про эту жизнь, особенно про то, как зарабатывать деньги. А для этого университетские знания были ему абсолютно не нужны. Он походил на занятия и лекции всего шесть недель и, бросив университет, основал в Лос-Анджелесе компанию по продаже листового металла. Дело оказалось достаточно успешным, и Нортону удалось заработать 7000 долларов. Он успешно использовал эти деньги — в 1929 году, когда всю Америку захлестнула Великая депрессия, когда рушились, казалось,

устойчивые бизнесы, когда магнаты теряли свои капиталы, Саймон купил обанкротившуюся компанию по розливу апельсинового сока. Фирма молодого бизнесмена Нортон Саймона оказалась на плаву. Приобретя оборудование для консервации не только апельсинов, но и других фруктов, а также овощей, Саймон заработал неплохой капитал — сумму, эквивалентную 100 000 современных долларов, причем тогда, когда многие другие, тоже вполне предприимчивые люди, лишались всех своих денег! Он не остановился на полпути и вложил деньги,

Справа:
*«Мост
Искусств».*
Пьер Огюст
Ренуар

*«Мадонна
Бранчини».*
Джованни
ди Паоло

заработанные на апельсиновом соке, в новое предприятие. Теперь его компания стала называться Vita Food Products Company.

В 1933 Саймон женился на 22-летней красотке Люсиль Эллис, дочери оптового продавца табака и сладостей из Буффало. Проучившись три года в колледже Уэсли, в Массачусетсе и получив диплом бакалавра по психологии и социологии, она приехала в Лос-Анджелес и поступила

в университет Южной Калифорнии. На одной из студенческих вечеринок осенью 1932 года Люсиль встретила Нортон Саймона. Спустя годы она вспоминала: «Мое первое впечатление было не очень хорошим. Я пыталась играть в бридж, а он приставал ко мне и мешал. Наконец он сказал: «Ты пойдешь со мной, если я отстану от тебя сейчас?» Я согласилась, лишь бы отвязаться от него. Так начались их отношения. Влюбленный Саймон был настроен реши-

тельно — он считал, что именно Люсиль должна стать его женой, причем незамедлительно, Люсиль же не думала о браке — она хотела закончить колледж и устроиться на работу, но у нее просто не оставалось иных вариантов, как выйти за него замуж, — Саймон умел получать то, что хотел. Юная жена Нортон была не только хороша, но еще умна и прекрасно образована. Она интересовалась искусством и всячески способствовала тому, чтобы впоследствии их сыновья, Роберт и Дональд, получили хорошие знания по истории искусств. Кроме того, они вместе с мужем занимались помощью молодым и талантливым художникам. Но это было позже, а пока ее Саймон строил свою финансовую империю.

В 1943 году Val Vita поглотила компанию Hunt's Food. Новая фирма Саймона стала называться Hunt

Food and Industries. Он понимал, что необходимо сделать так, чтобы люди узнали о его детище, а потому разработал мощную маркетинговую кампанию. В результате, о его фирме очень скоро стало известно каждой домохозяйке. В то время реклама еще не считалась столь необходимой для продвижения товара, а потому Нортон выступил в некотором роде как пионер — о продукции его компании стали печататься материалы в журналах, газетах, причем тех, которые читали американки, богатые и не очень. Он покупал целые полосы, на которых помещались цветные, красивые фотографии самых разных кетчупов, острых соусов и других продуктов, выпускаемых Hunt Food and Industries. Перед такими красивыми картинками не могла устоять ни одна женщина — сразу хотелось бежать в магазин и покупать, покупать...

*Автопортрет.
Рембрандт
ван Рейн*

К 1945 году компания Саймона уже стала одним из крупнейших предприятий на Западном побережье Америки. Его бизнес приносил хорошие деньги, которые он тратил на приобретение новых бизнесов — издательские фирмы, косметические, телевизионные компании, аренды машин и другие. К концу 1960-х годов объем его инвестиций достиг 50 миллионов долларов, что равно примерно 400 млн долларов сегодня.

В 1985 году Нортон продал компанию. Цена сделки была огромная — 6 миллиардов долларов.

За 6 лет до этого Саймон решил, что уже может позволить себе жить в красивом, просторном доме. Началось строительство, а потом отделка внутренних помещений. Но чем украсить стены дома? Конечно же, картинами, причем первого класса, написанными знаменитыми художниками. Люсиль всегда интересовалась искусством, у них были знакомые

*«Мадонна
и Младенец
с книгой».
Рафаэль Санти*

художники, и, руководствуясь их советами, Нортон купил свои первые полотна — Гогена, Писсарро и Боннара. Вот тогда его и захватила эта страсть — собирать искусство.

Люсиль поддерживала его в увлечении коллекционированием. Она во всем его поддерживала. Все в жизни этой семьи подчинялось твердому руководству Саймона.

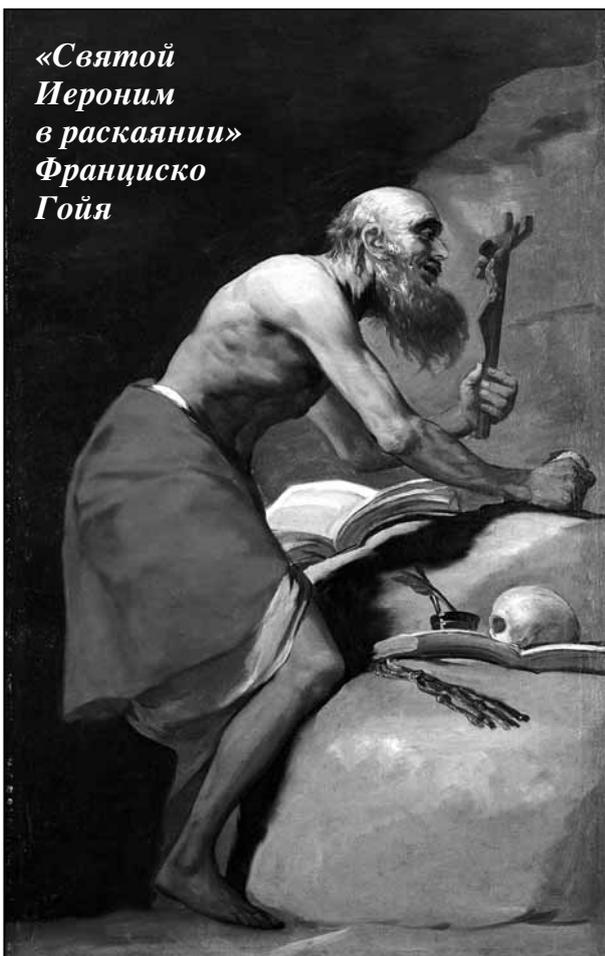
Но в 1969 году произошла страшная трагедия. Роберт покончил жизнь самоубийством, оставив молодую

беременную жену. Что вызвало эту трагедию? Может, то, что Саймон держал сыновей под своим крылом, не давая им самим определять свою судьбу? Вот и работали они не где-нибудь, а в его компании...

Пережить потерю сына было невероятно трудно, и что-то в отношениях Саймона и Люсиль разладилось — им стало теперь невыносимо быть вместе. В 1970 году они разошлись.

Но жизнь продолжалась, и в том же году Саймону предложили уча-

*«Святой
Иероним
в раскаянии»
Франциско
Гойя*

ствовать в выборах в сенат: стать соперником мистера Мерфи. Он согласился — вероятно, думал, что выборная кампания поможет ему хоть немного отвлечься от мыслей о Роберте и разводе с Люсиль. Конечно же, Нортон потерпел поражение — он был совершенно не публичным человеком и не умел себя вести так, как следует будущему сенатору. «Настоящая проблема в том, что ум Саймона слишком тонок для политики. Он видит нюансы каждой проблемы и отказывается сводить свои взгляды к шаблонным заявлениям, которые впишутся в 30-секундный телерепортаж», — писал один из тогдашних журналистов.

Он проиграл те выборы, но это был занятный опыт. И Саймон снова ожил! Более того, он влюбился! Теперь его избранницей стала голливудская звезда, красавица Дженнифер Джонс. Их встречу устроил общий друг. В 1971 году Дженнифер стала его женой — он всегда быстро принимал решения и четко знал, что ему нужно.

Саймон был яркой личностью, и женщины, которых он любил, были ему под стать. Дженнифер родилась в провинциальном городке Тулса, в Оклахоме, в 1919 году. В 1972 году ей уже было 52 года, и Нортон стал ее третьим мужем. Первый муж, как и она, был голливудским актером. После развода с ним она вышла замуж за выдающегося продюсера Дэвида Селзника (в его послужном списке такие классические фильмы мирового кино, как «Кинг Конг», «Унесенные ветром», «Ребекка»). Селзник помог Дженнифер сделать потрясающую карьеру. Она получила множество наград за сыгранные роли, в ее биографии — «Оскар» и первый «Золотой глобус». Но в 1965 году Селзник умер, и Дженнифер несколько лет оставалась одна. Конечно же, за ней ухаживали яркие и талантливые мужчины, однако ее избранником стал Нортон Саймон — перед его натиском она устоять не смогла. И практически закончила свою кинокарьеру, посвятив ему свою жизнь, но ни разу не пожалела, что стала женой этого выдающегося человека. Она разделяла его увлечение искусством

«Тутовое дерево». Винсент ван Гог

и часто представляла его на аукционах.

В 1969 году Саймон оставил бизнес. Ему было всего 62 года, он был настоящим бизнесменом — креативным, азартным, умевшим вести дело, умевшим выигрывать. Он обладал невероятной работоспособностью, а еще потрясающим чутьем — всегда чувствовал, где его ждет успех. Но в какой-то момент дела его корпорации перестали быть ему интересными. «Когда из бизнеса уходит творческое начало и он превращается в череду разных операций, мне становится неинтересно», — гово-

рил он, когда его спрашивали, почему он это сделал.

Освободившись от коммерческих дел, Нортон полностью посвятил себя коллекционированию искусства. Ему в этом деле помогали жены — и первая, и вторая. В начале 1970-х годов его коллекция насчитывала уже тысячи шедевров, общей стоимостью в сотни миллионов долларов. В деле собирательства он руководствовался не своим вкусом — которого, по сути, и не было, — а информацией, которую получал самыми разными способами: и от ученых искусствоведов, и из иных источников, к приме-

ру, от слуг бывших богачей, распродававших свои фамильные сокровища.

А иногда приобретал целиком музейные коллекции! Так случилось с собранием Галереи изящных искусств в Пасадене. Музей обанкротился, а у властей Калифорнии не было денег на содержание галереи. И тут рядом оказывается мистер Саймон, готовый поддержать музей и его работников. Вложив более 4 млн долларов в ремонт здания, он разместил в его стенах свою коллекцию, и в 1975 году музей Пасадены стал называться музеем Нортон Саймона!

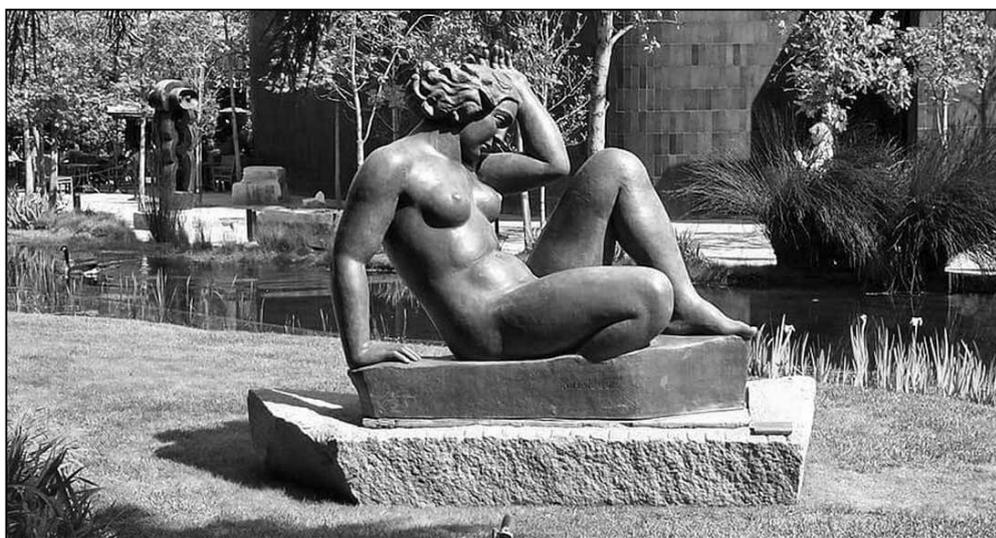
Менее удачной была покупка нью-йоркской галереи братьев Дювин. Он заплатил огромную сумму, 15 млн долларов, да только вот искусствоведы, изучив картины старых мастеров, которыми славилась галерея, обнаружили множество подделок. Но Саймон не был бы Саймоном, если бы с честью не вышел из этой ситуации — ему удалось продать фальшивки и оставить себе

только то, что по-настоящему имело ценность: 146 картин, фарфор гобелены, мебель, а также библиотеку.

Еще в 1965 году он купил «Титуса» Рембрандта на лондонском аукционе «Кристи». В том же году в его коллекцию вошли гуашь и пастель Дега. Теперь он уже понимал, что покупает, — читал книги по искусству, советовался и учился у самых известных искусствоведов. Это дело — собирательство — все больше и больше его увлекало, становилось главным делом его жизни. Он приобретал и продавал — и все это делал осмысленно, сознавая, что и для чего это делает.

Каждого коллекционера всегда, или почти всегда, ждут скандалы. Была такая громкая история и у Саймона Нортон. Об этой истории писали все американские газеты и журналы.

Женившись на кинозвезде красавице Дженнифер, Саймон решил сделать ей дорогой подарок. И он нашел то, что было достойно его жены: купил за 900 000 долларов у

*Скульптуры
в парке
музея*

Справа:
*«Святые
женщины
у Гроба
Господня».
Питер Пауль
Рубенс*

ню-йоркского дилера Бена Хеллера чудесного танцующего Шиву, Натараджу, бронзовую статуэтку X века. Информация о покупке просочилась в газеты. О ней узнали и в Индии, и индийское правительство официально заявило, что статуэтка была украдена из храма и вывезена из страны контрабандой. 12 мая 1973 года «Нью-йорк-таймс» цитировала Саймона, который признался: «Да, черт возьми, ее вывезли контрабандой. За последние два года я потратил от 15 до 16 миллионов долларов на азиатское искусство, и большая часть из него была вывезена контрабандой». Однако уже на следующий день он яростно опровергал свои слова, утверждая, что

статуэтка законно попала в Соединенные Штаты. В той же статье он говорил: «Как коллекционер, глубоко и эмоционально вовлеченный в искусство, я осуждаю кражи художественных сокровищ любой страны». Нортон был отличным переговорщиком — иначе как бы он достиг таких успехов в бизнесе, и ему удалось договориться с индийским правительством: он согласился вернуть Натараджу, и за это ему разрешалось хранить и выставлять бронзу в своем музее девять лет.

С годами Нортон занял весьма заметное место в культурной жизни США. Он состоял членом самых разных попечительских советов и фондов, был регентом Калифорний-

ского университета, протестовал против сокращения финансирования образования, сочувствовал студенческим активистам и даже выступал против увольнения Анджелы Дэвис. А еще он стал пионером в движении «Музей без стен»; его фонды поддерживали молодых художников, способных студентов. Благотворительность была важнейшей частью жизни его и Дженнифер.

А его коллекция все пополнялась и пополнялась первоклассными работами. Джон Уэлш, директор Музея Гетти, назвал Нортон лучшим коллекционером нашего времени. И действительно, его коллекция — это более 2000 лет европейского и азиатского искусства: тут и Боттичелли, и Рафаэль, и Кранах, и Сурбаран, и Веласкес, Роден, Мур, Дега, Пикассо, импрессионисты и постимпрессионисты... Знаменитый портрет Тулуз-Лотрека кисти Болдини, пейзажи Коро, крестьянки Курбе и еще множество других известнейших работ старых мастеров и живописцев более поздних времен. Специалисты говорят, что это лучшая коллекция в мире, собранная после Второй мировой войны.

Он был крепким, сильным человеком, однако в 73 года ему пришлось обратиться к врачам, и они поставили страшный диагноз — синдром Гиллена-Барре, тяжелое неврологическое заболевание, приводящее к полному параличу. Но он еще прожил 13 лет, мужественно стараясь сохранить себя, свою личность. Стараясь делать что-то полезное лю-

дям. И в этом ему всегда помогали его жена Дженнифер и искусство, которому он посвятил последние годы своей жизни.

Нортон Саймон умер в 1993 году от пневмонии, в своем доме в Бель Эйр, в Лос-Анджелесе. В этот год его состояние составляло 10 млрд долларов (по нынешним временам это 20 миллиардов).

А его музей продолжает жить. В 1995 году в нем была проведена большая реконструкция. Сегодня есть пространство для временных выставок. Целый этаж посвящен искусству Востока. В садах вокруг здания размещена коллекция современной скульптуры. В недавно построенном Театре Нортон Саймона показывают фильмы, спектакли, читают лекции. Здесь, в этом музейном пространстве, всегда многолюдно...

Однажды Нортон Саймон, один из богатейших людей своего времени, сказал: «Стяжательство — это болезнь, которую можно получить, зарабатывая деньги, занимаясь бизнесом, политикой или искусством, она принимает самые разные формы. В каком-то смысле я избавился от этой болезни. Я сломал эту хватку, которая могла бы овладеть мной, как и другими людьми, когда средства становятся целью, а не тем, чем должны быть. Другими словами, я уверен, что бизнес, искусство или политика — это всего лишь средства для жизни, и именно она, жизнь, и есть настоящая цель. Настоящая цель — просто жить». И он делал это великолепно. □

Иерихонская роза

Розе Анатольевне Воскресенской исполнилось пятьдесят лет. Ужасная для женщины дата, особенно для женщины одинокой, у которой — ни мужа, ни детей, ни внуков. Даже кошки у Розы не было. Зато были классное руководство, куча тетрадок с сочинениями балбесов, педсоветы и родительские собрания. Замужем она не была ни разу. Не потому, что не хотела — не брали. Думаете, она уродлива, толста, неряшлива? Ничего подобного! Вполне себе симпатичная, ухоженная женщина с неплохой фигурой. Все дело в том, что Воскресенская была «правильной», одно слово — учительница. Пока ее подруги методом проб и ошибок нащупывали «своего» мужчину, выходили замуж, рожали детей, разводились, проклинали супругов бывших и знакомились с будущими, Роза Анатольевна не могла себе позволить ни пофлиртовать, ни пококотничать. Она боялась «потерять лицо» и унизиться, «предложив себя» на сайтах знакомств. Как и героиня известного романа Чернышевского, Воскресенская придерживалась правила: «Умри, но не давай поцелуя без любви». А любовь все не являлась и не являлась, даже вспышкой — на короткое мгновение.

Во время своих любовных неурядиц подруги шли к Розе за советом, как к мудрой сове. Она говорила им правильные вещи, почерпнутые из классической литературы, но сама представления не имела о нюансах отношений с противоположным полом. Воскресенская жила в ожидании любви, даже не любви, а идеального мужчины, в которого стоило бы влюбиться. Учитывая ситуацию на брачном рынке России, поиски идеала привели ее к печальному результату — одиночеству.

В сорок лет Воскресенская окончательно махнула рукой на создание семьи, считая, что с женщинами ее возраста мужчины знакомятся исклю-

чительно для того, чтобы впутать их в финансовую аферу. Из имущества у нее была лишь однокомнатная квартира на окраине города, доставшаяся ей в наследство от родителей, но и на эти семнадцать квадратов «мог позариться какой-нибудь проходимец». Поэтому вопрос брака она для себя закрыла. Так и жила, проверяя тетрадки да гоняя чай с зашедшими в гости подружками.

Отмечать свой полувековой юбилей Роза не собиралась. «Тоже мне праздник! — рассудила она. — Пятьдесят лет — это тот возраст, когда

*Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...*

Марина Цветаева

В гости она никого не приглашала, но, на всякий случай, купила низкокалорийный торт и бутылку вина — вдруг Маринка с Катькой заявятся.

И они заявили, шумные, хохочущие, оживленно жестикулирующие. Обе уже были бабушками, но все еще крутили романы, страдали от неразделенной любви, искали «настоящего полковника». Они принесли в подарок подруге роскошную кашемировую шаль, а вместо цветов какой-то странный крупный орех.

— Это — иерихонская, роза или селлагинелла чешуелистная, — с заговорщицким видом сообщила юбилярше Катька. — Растет в пустынях Центральной Америки. В сухой сезон ее клетки теряют влагу, роза высыхает и выглядит, как коричневый шарик. В таком виде она ждет дождя, пусть даже несколько лет. Когда на растение попадает вода, оно зеленеет и расправляется — оживает. Клетки впитывают влагу так эффективно, что роза «воскресает» прямо на глазах. В засушенном виде селлагинелла не гниет. И если поместить ее в емкость с водой, то уже минут через тридцать она распускается, а если ее снова засушить, то опять сворачивается в небольшой шарик. Поэтому ее продают по всему миру как олицетворение воскрешения. Неси сюда вазу!

После водружения растения в воду слово взяла Маринка:

— Думаю, Воскресенская, ты уже догадалась, что иерихонская роза — олицетворение тебя. Стоит тебе попасть в надежные мужские руки, и ты родишься к жизни, как эта селлагинелла. Встряхнешься, расцветешь и запахнешь французскими духами. К тому же считается, что дом, где живет это растение, становится благословленным. Короче, с праздником тебя, наша дорогая подружка!

— Есть только дни рождения у женщин, годов рождения у женщин нет! — выкрикнула Катька, и гости бросились целовать именинницу.

— Ой, девчонки, спасибо вам! — расчувствовалась Роза. — Да только где эти надежные руки взять? Мужчины нашего возраста стадами уходят в «могилевскую губернию». Короток век мужика русского. Да и я уже далеко не персик.

— Пусть не персик, но еще-таки не курага, — заметила Марина. — Нам ровно столько лет, насколько у нас наглости хватает. Кстати, Роз, у моего Саныча приятель один возник из небытия. Пока — наездами, в командировки, но в перспективе намерен перебраться в наш славный город. На свои пятьдесят пять выглядит шикарно — ни лысины, ни пуза, и все зубы — свои.

— Женат, небось, как и твой Саныч, — заметила Воскресенская.

— Во-первых, жена — не стена, может и подвинуться, — усмехнулась Марина. — Во-вторых, живет она за тридевять земель и, по словам Саныча, с такой каргой давно пора гарем заиметь. А, в-третьих, тебе что, детей с ним крестить? Пусть поухаживает, подарит цветы, поводит по ресторанам. Какое-никакое разнообразие, почувствуешь себя прекрасной дамой, а не забитой жизнью училкой. Вот что ты в своей жизни видишь, кроме стопок тетрадей?

— Мариш, не беси меня хотя бы в день праздника! — зазвучал металлом голос Воскресенской. — Ты прекрасно знаешь мое отношение к прелюбодеям.

— Тут ты, Розочка, все-таки не права, — мягко заметила Катька, таращась на уже начинающую зеленеть селлагинеллу чешуелистную. — Непьющих, обеспеченных, сексуально активных среди холостяков нашего возраста нет вообще. Отбрасываем психически ненормальных, зеков и голубых. Остаются женатые. По статистике, сорок процентов незамужних женщин именно с ними и крутят романы. По принципу: лучше чужой, чем совсем никакого.

— Крутить роман с женатым — все равно, что надевать на себя чужое нижнее белье, — резюмировала Роза Анатольевна. — Тема с повестки дня снимается, идем пить чай. Мне мои дети на День учителя чудный чай подарили.

Этой ночью Розе не спалось. В голове все время вертелась фраза, брошенная Катькой: «Лучше чужой, чем совсем никакого». Согласиться с этим она, конечно, не могла, но желание «побыть прекрасной дамой, а не забитой жизнью училкой» покоя не давало. Женщина стала внимательно присматриваться к окружающим ее мужчинам. Вдруг, и правда, ее сердце еще может пронзить стрела Амура, а жизнь засверкать новыми красками? Поскольку нигде, кроме школы, Воскресенская не бывала, предметом ее вни-

мания стали отцы ее учеников и коллеги. Что касается первых, то на родительские собрания приходили исключительно мамы и бабушки, а среди тех нескольких папаш, которые раз в год появлялись в школе, вдовцов и разведенных не наблюдалось. Впрочем, даже если бы они и были, им бы и в голову не пришло приударить за пятидесятилетней училкой своего отпрыска. Родители побаивались Розу Анатольевну не меньше, чем их наследники.

Если же говорить о коллегах, то мужчин среди педагогов было критично мало: пьющий трудовик пенсионного возраста, дурковатый балагур-физкультурник, странный и очень неопрятный физик, информатик-молокосос, англичанин со всеми признаками голубизны и глубоко женатый историк, он же директор.

И тут Воскресенская увидела школьного завхоза, лысоватого, слегка прихрамывающего мужчину ее возраста со смешной фамилией Добрый-вечер. От пристального взгляда филологини завхоз споткнулся и едва не растянулся на бетонном полу школьного коридора.

— Что случилось, Роза Анатольевна? Опять карниз упал или мел закончился? — поинтересовался заместитель директора по хозяйственной части, как он сам себя называл.

— Нет-нет, в кабинете все в порядке, — замотала головой Роза Анатольевна. — У меня дома проблема — треснуло стекло в окне. Я в подобных вопросах совершенно беспомощна... Не знаю, где можно новое купить и кого попросить его поставить. Вот вас увидела и решила проконсультироваться.

Олег Петрович выдохнул с облегчением. Вопросы, входящие в его компетенцию, мужчину не напрягали. Он боялся, что его, недавно брошенного женой, сердобольные училки начнут пристраивать к своим одиноким родственникам и подругам, а новый брак — последнее, что было нужно ему на данном жизненном этапе.

— Не вопрос, Роза Анатольевна! — вынул завхоз руки из карманов своего синего рабочего халата. — Давайте после уроков зайдем к вам и произведем замеры. А завтра... хотя нет, послезавтра вечером я заскочу к вам и поставлю новое стекло.

— Почему вечером? — насторожилась вдруг Воскресенская.

— Потому что стекло — казенное, и тащить его со склада к автомобилю на глазах у второй смены — поступок опрометчивый.

— Конечно-конечно! — поспешно согласилась она. — Спасибо вам, Олег Петрович. Вы — очень отзывчивый человек.

Машина у завхоза была не новая, но вполне приличная и очень ухоженная. Садиться в нее Розе Анатольевне было приятно, тем более что Добрый-вечер предупредительно открыл перед ней дверцу. Еще больше Воскресенская удивилась, когда он стал поддерживать ее за локоть, пока они подни-

мались по скользкой после дождя лестнице, ведущей к ее подъезду. Это было какое-то новое ощущение — не привыкла она к вниманию мужчин.

— Я думал, сейчас уже во всех домах — стеклопакеты, — задумчиво произнес Олег Петрович, делая рулеткой замеры.

— Какое там! — вздохнула Роза Анатольевна. — Домишко еще сталинской постройки, балкон вот-вот рухнет — на одном честном слове держится, устала уже сигнализировать. Зашевелятся только тогда, когда он обвалится и убьет кого-нибудь из прохожих.

Добрыйвечер сочувственно вздохнул — помочь Воскресенской с ремонтом балкона завхоз точно не мог.

— Какое интересное растение у вас на подоконнике, — заметил он вдруг. — Я раньше такого никогда не видел.

— Это — иерихонская роза, символ воскрешения, возрождения жизни. Мне ее вчера подруги подарили на ю... день рождения. Решили, что это — моя тезка. Кстати, у меня остался кусок очень вкусного торта. Давайте пить чай.

— Ой, неудобно как-то! — застеснялся завхоз. — Знал бы, что вы — именинница, обязательно купил бы цветы.

— Никаких церемоний! — произнесла Роза тоном, не терпящим возражений. — Садитесь за стол. Мы с вами уже столько лет работаем в одном учреждении, а до сих пор даже сто грамм вместе не выпили.

— Не, ребята-демократы, только чай! — выставил перед собой руку Добрыйвечер. — Когда я за рулем, не употребляю даже наперстка пива. Жизненный принцип.

Воскресенская уважала чужие принципы, поэтому настаивать не стала. Пили ароматный чай с тортом и беседовали о жизни. Олег Петрович рассказал Розе, что год назад его бросила жена — влюбилась в финна, приехавшего в город по делам своей фирмы, и укатила вместе с ним в Турку.

— Я ее понимаю. Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. Детей у нас нет. Любви особой тоже не было. Ленке нужна была прописка — она из Тверской области сюда приехала. Вот я в ее сети и попался со своей двушкой в центре города. Спасибо, хоть квартиру мою делить не стала, а ведь могла бы. Сейчас таких историй — тьма-тьмущая. Так что, Роза Ан...

— Давай просто Роза, — предложила Воскресенская.

— Давайте... давай, — согласился Олег Петрович. — Так вот, Роза, не везет мне с женщинами. Хронически. Ленка — уже третья жена, которая от меня сбегает. Первая влюбилась в кавказца и усвистала к нему в Тбилиси. Я с ней всего год прожил в студенческие годы.

— У тебя есть высшее образование?

— Ну да. Я после службы в армии педагогический окончил, факультет общетехнических дисциплин. Одно время работал учителем труда. Второй моей жене это не нравилось. Она считала, что настоящий мужик не может работать в школе и получать копейки. Говорила, что ей стыдно кому-нибудь признаться, что ее муж — трудовик. Сама она была главным бухгалтером в крупной строительной фирме. Хотела и меня туда пристроить, но передумала, так как закрутила роман со своим шефом. Я об этом узнал и развелся с ней. Три года зализывал раны. Потом опять женился. И снова — не слава богу. Видно, проклял меня кто-то. Не суждено мне быть семейным человеком. Я притягиваю к себе женщин определенного типа...

— Да ладно тебе! — махнула рукой Роза. — Хочешь, я тебе погадаю?

— Хочу! — вскинулся Добрыйвечер, ему очень хотелось услышать что-нибудь утешительное.

— Называй дату рождения.

— Двадцать первое февраля тысяча девятьсот семьдесят первого года.

Вокресенская начертила прямоугольную систему координат. На оси абсцисс отметила шесть одинаковых отрезков, пометив первый цифрой «четырнадцать». «Именно с этого возраста и начинается судьбоносный отсчет, остальные отрезки — по возрастанию на единицу, — комментировала она. — После шестого отрезка, которому соответствует возраст девятнадцать лет, числа прожитых лет выстраиваются столбиком под верхними: под «14 лет» — ставим «20», под «15» — «21», под «19» — «25», и снова — вниз. И так — до твоего актуального возраста».

Затем Роза умножила год рождения гостя на число дня его рождения и, получив число 4143042, расставила каждую цифру точкой на оси ординат. Затем соединила координаты линией. Получился график, из которого было видно, что звезд с неба Олег Петрович не хватал ни в каком возрасте. Самой высокой точкой в его жизненном графике была четверка. Самой низкой, провальной, — ноль, цифра, которая встречается в графике далеко не у каждого. Этому нулю соответствовал возраст 17, 23, 29, 35, 41, 47 лет.

— Ну вот, вспоминай, какие проблемы у тебя были в годы, когда ангел-хранитель покидал тебя.

Добрыйвечер наморщил лоб, силясь восстановить картину своих жизненных неурядиц.

— В семнадцать лет я едва не погиб на спортивных соревнованиях по велоспорту. В двадцать три... женился на Верке. Той, которая удрала от меня с джигитом. В двадцать девять... вступил в брак с Настей-бухгалтершей. Той, которая со своим шефом загуляла. Ну, надо же, — растерянно покачал он головой, — в тридцать пять... погибли мои родители в автомобильной катастрофе.

Какое-то время Олег Петрович молчал. Ему не хотелось верить в предначертанность произошедших с ним событий. Куда проще было считать их случайностью, несчастным случаем.

— В сорок один у меня была тяжелая операция. Еле выкарабкался, — продолжил он после долгой паузы. — Вот хромаю с тех пор. А в сорок семь... я женился на Ленке. Той, которой нужна была прописка.

Сказать, что мужчина был ошеломлен, ничего не сказать. Он смотрел на Розу такими глазами, какие бывают у человека, увидевшего шаровую молнию.

— Откуда ты все это... — изумленно выдохнул завхоз.

— Уже не помню точно. Я в молодости интересовалась мистикой, эзотерикой, астрологией. Много книг читала на эти темы, пытаюсь вычислить свою судьбу. Научилась «екатерининскому гаданию», гаданию по «Книге перемен» и картам Таро. Кое-что, как видишь, не забыла до сих пор. Кстати, этот год для тебя очень удачен. Любые твои начинания, планы и прожекты достигнут успеха. Ты находишься на высшей точке своего графика — четверке.

— А ты сейчас на какой?

— Я — на самой высокой своей отметке — девятке. Жду от судьбы обещанных перемен.

— Перемены — это хорошо, — мечтательно улыбнулся Добрыйвечер, — даже если ты находишься на последнем круге своей беговой дорожки. Ой, прости, это я исключительно — о себе.

На душе у мужчины было радостно и тепло — и от потрясающе вкусного чая, и от доверительного дружеского общения, и от радужных перспектив исполнения своих желаний. Ему очень не хотелось уходить, но причин задержаться у Вокресенской он так и не нашел.

— Спасибо вам... тебе, Роза, за угощение, за гадание и за поддержку. У меня после беседы с тобой прямо крылья выросли.

Прощаясь, он поцеловал женщине ручку, и она почувствовала себя прекрасной дамой, а не забитой жизнью училкой.

После ухода Олега Петровича Роза уселась перед зеркалом и стала придирчиво изучать свое отражение. «Пора сменить прическу, — неожиданно решила она. — Подстригусь завтра под «каре» с челкой. И цвет волос освежу мелированием. И ногти сделаю гелевые, не очень длинные, но стильные. С ними можно не бояться «поломки» в самый неподходящий момент. Ну и брови не помешало бы выделить татуажем, а то совсем неприметные, серенькие... А вместе с ними можно контур губ усилить, все равно завтра у меня — выходной».

Затем Роза отправилась к платяному шкафу делать ревизию своих нарядов. Рассматривая гардероб, она ужаснулась: вещи неплохие, доброт-

ные, но цвета!.. Исключительно черный, коричневый и темно-синий. Да и фасончики еще те — длиннющие платья и юбки в пол. Объемные, широкие, туникообразные. Ничего нет в обтяжку, ничего — до середины колена. Все можно смело сложить в большую клетчатую сумку времен «челночества» и подарить супруге какого-нибудь небогатого священника.

«И как я раньше этого не замечала? — удивилась Вокресенская. — Завтра же заскочу в «Мир трикотажа» и прикуплю парочку костюмов с юбками до колена и пиджаками, подчеркивающими грудь и талию».

Появившись после выходного на работе, женщина произвела в педколлективе фурор. В этот день с отвисшими челюстями ее встречали не только коллеги и ученики. Посмотреть на помолодевшую Розу Анатольевну к учительской потянулись уборщицы, поварахи из школьной столовой и, конечно же, Олег Петрович. Увидев, как учительница преобразилась, он едва не лишился дара речи. Со стильной стрижкой, осветленными волосами, макияжем, в ярко-бордовом платье и высоких сапогах на каблукешке, она сбросила с себя лет пятнадцать.

— Ну, прямо настоящая «Мисс школа №38»! — поцеловал ей руку Добрыйвечер. И уже уже совсем тихо добавил: — Как и договаривались, буду вечером.

Роза Анатольевна едва заметно кивнула головой.

Вечером завхоз явился не только со стеклом, но и с букетиком фиалок сорта «Голубая роза». Он поцеловал хозяйке ручку со свежим маникюром, поздравил ее с прошедшим днем рождения и достал из болтающейся на плече сумки подарок — покрытую аэрозольным лаком резную деревянную шкатулку.

Вокресенская ахнула. Вещица была красоты необыкновенной: ажурная, воздушная, оклеенная внутри красным бархатом, с навесным замочком и бутонами роз на крышке.

— Неужели сам сделал? — растрогано спросила она.

— А что, сильно заметно? — покраснел Олег Петрович. — Я старался.

— Спасибо тебе огромное! Такого чуда мне еще никто не дарил!

В доме пахло свежесваренным борщом, пирогами и чем-то еще очень вкусным.

Когда работа была закончена и битое стекло вынесено к мусорным контейнерам, приступили к трапезе. Такого вкусного и сытного ужина у Олега Петровича не было давно — бывшая жена готовить не умела, и он питался в школьной столовой, а в выходные обходился сосисками, пель-

менями и яичницей. А жаркое из свинины с жареной картошкой указывало на то, что вчерашний выходной Роза провела весьма продуктивно.

Пока она зашивала его свитер, пустивший петли на рукаве, Добрыйвечер пристальным взглядом изучал квартиру в надежде обеспечить себе дальнейший фронт работ. Как женщина, Роза ему очень нравилась, но рассчитывать на взаимность в этом плане он не мог — внешне не красавец, финансово — так себе, интеллектуалом и остроумцем тоже не был, да и с удачливостью у него — не очень. Опять же, высота «полета» — не выше четверки. Куда ему до Розиной девятки... Зато у него меткий глаз технаря и «золотые» руки. Вон в ванной кран капает, не сильно, но все же. Плитусы в кухне и коридоре пора заменить. Надо бы прикрыть уродливый счетчик в прихожей навесным деревянным шкафчиком без задней стенки. Уплотнитель между стеной и ванной следует поменять, как впрочем, и линолеум на кухне...

Свои мысли Олег Петрович озвучил растерявшейся хозяйке, которая даже не замечала всех этих «мелочей», считая свою квартиру вполне благоустроенной. «Все-таки Катька оказалась права: ощущение себя прекрасной дамой, а не забитой жизнью училкой, дорогого стоит», — думала Роза Анатольевна, давая мужчине добро на «дальнейшее улучшение качества жизни»...

С этих пор Добрыйвечер стал регулярно устраивать в подшефной квартире «субботники», а заодно и питаться домашней пищей, по которой очень соскучился. И каждый раз он являлся в дом Воскресенской не с пустыми руками. Поначалу приносил цветы, затем — фрукты и сладости, а чуть позже — пакеты с продуктами, поскольку по природе своей был человеком практичным.

После одного из своих визитов Олег Петрович остался у Розы «на ночевку», потом задержался на выходные, а там — «пошло-поехало»...

Пара сделала в квартире Розы ремонт и, перебравшись в двушку Олега Петровича, сдала ее аренду. Живут Добрыйвечеры в мире и согласии. Роза Анатольевна по-прежнему выглядит исключительно: следит за модой, регулярно посещает салон красоты, по вечерам ходит вместе с супругом «на пробежки» в соседний парк.

Самое интересное, что с устройством личной жизни пошла вверх и ее карьера. Сначала она стала «Учителем года», затем завучем школы, потом — инспектором Управления образования администрации городского округа и, наконец, директором частного лицея «Личность».

Правду гласит народная мудрость: «Чтобы превратить посредственную женщину в женщину исключительную, достаточно ее полюбить». □

Евгений Пономарев

Друг мой, Тришка!

Прошло более тридцати лет с тех событий, но помнятся они мне до сих пор ясно и отчетливо. Это были годы моего детства, когда я познавал окружающий мир, природу. В этот период у меня появился мой первый, самый верный друг.

Мне было четыре года, когда мы переехали с мамой в деревню, где жила моя бабушка. Деревня очень маленькая, две улицы на три десятка изб. Поселились мы почти на краю деревни. Помню, как в первый раз зашли в наш дом. Это было в конце лета. Отворив ворота, мы оказались в зарослях крапивы и лопуха. Между домом и амбаром были навалены доски и шифер, а рядом с этой кучей стояла сколоченная из досок собачья будка. Она была настолько маленькой, что я спросил маму: «Здесь жила маленькая собачка?» Мама, приминая ногами крапиву и пробираясь к дому, ничего не ответила. Тогда я, идя за ней и осторожно перешагивая стебли крапивы, спросил: «А у нас будет собака?» Мама, отпирая огромный ржавый замок на дверях сеней, ответила: «Вот давай сначала обживемся, а там поглядим». Этот ответ меня вполне устроил, тем более что мое внимание быстро переключилось на резкие звуки пронесшихся мимо нас ласточек. У них было гнездо под крышей, над самым крылечком.

Наконец мы вошли в дом. Огромная русская печь, слева от дверей, впритык к стене, — широкая лавка, а над ней — полати. Я видел и до этого полати. У моей бабушки были такие. Она говорила, что раньше на них спали маленькие дети. Меня это всегда удивляло и страшило: как можно спать так высоко, а если упадешь? Но, к моему счастью, бабушка использовала полати как широкую полку для хранения постельного белья и других вещей.

В доме было светло. Я насчитал семь окон: два окна выходили в ограду, три на улицу, а еще два — в заросший палисадник, где росло огромное черное дерево и тоненькое деревце поменьше. Позднее узнал, что большое дерево называется черемуха, а маленькое — рябина.

Мама посмотрела на меня и сказала: «Ну вот, сыночек мой, это наш дом, и мы будем жить здесь. А когда все приберем, крапиву выкосим, огород распашем, в доме все вымоем и выкрасим краской, будет хорошо».

Шли дни, я привык к нашему новому дому. Каждый день открывал для себя что-то новое. В амбаре нашел много всякого старого инструмента: деревянные вилы, грабли, серп, коромысло, и много другого, предназначение которого я тогда не понимал. В конюшне и на сеновале тоже было много разных вещей. Особенно мне понравилась керосиновая лампа, которую я нашел на приступке в старом пригоне.

Мама потихоньку преображала наше жилище: выкосила в ограде, в огороде и палисаднике траву, вымыла окна и стены, побелила печку. Выкрасила пол темно-зеленой краской, а потолок и стены светло-синей. Повесила занавески, принесла из кладовки стол и стулья, а из амбара две кровати. От бабушки принесла все наши вещи. В доме появилась и другая утварь: шкаф, большое зеркало, кресло, телевизор на длинных ножках, разная посуда. Вскоре и огород был распахан. А за оградой, перед домом, появилась огромная куча дров, которую за несколько дней мама сложила в две большие поленницы.

Так получилось, что сверстников моих в этой деревне не было — все ребята старше меня чуть ли не на десять лет. Была, правда, одна девчонка на год младше меня, но играть она выходила на улицу крайне редко. Да и дом ее находился далеко от нашего, так что мы редко с ней виделись. Бабушка приходила в те дни к нам часто. И все удивлялась, как ее невестка быстро обихаживает свое новое жилище.

Так проходили дни. Мама занималась хозяйством, а я все время был при ней.

Наступила осень. Природа готовилась к зиме, люди тоже. Наша черемуха отряхнула с себя последние листья, стояла задумчиво. Таким же задумчивым выглядел темный лес вдаль, вспаханные черные поля, даже речка журчала по-другому. Все ожидало чего-то, все притихло. Мне стало как-то не по себе, я расплакался и подбежал к маме:

— Мама, все вокруг умирает, и мы тоже умрем?

Она обняла меня, поцеловала мои распухшие мокрые глаза и, улыbnувшись, ответила:

— Никто не умирает. Деревья и кусты засыпают, как и все жучки, паучки и бабочки с мухами. А многие птички улетают зимовать в теплые края. Природа готовится к зиме. А весной, когда солнышко снова будет высоко, оно согреет землю своими лучами, и деревья снова будут шелестеть своей листвой, в траве будут бегать жучки, а птички вернуться и снова будут петь нам с тобой свои песни. Так бывает каждый год. Все засыпает, а потом снова все просыпается...

Шли недели. Зима полностью вступила в свои права. Снег выбелил всю округу.

Мама смастерила для меня горку, накидав кучу снега и вырезав лопатой ступеньки с одной стороны. Я помогал ей лить на горку из ковшика воду, черпая ее из ведра.

Целыми днями я катался с горки. Еще одним моим занятием было делать разноцветные ледяные гирлянды. Мама научила меня этому. Нужно было в железной кружке с водой развести одну из моих красок, пропустить туда два кончика ленточки и выставить кружку в сени на мороз. Через пару часов подкрашенная вода замерзала. Заносили кружку в дом, и когда лед немного оттаивал, можно было без труда вынуть из нее ледышку. Вешали мы гирлянды на рябину, что росла в палисаднике. Мы с мамой любили смотреть из окна на нее, увешанную ледяными гирляндами. А еще мама привязывала к веткам кусочки сала или корочки хлеба. И тогда, кроме сверкающих хрустальных ледышек, мы наблюдали за синичками и снегирями, которые сновали между ветвей дерева.

В какой-то день, утром, когда я еще спал, мама внесла в дом елку и стала устанавливать ее на крестовину. От стука я проснулся.

— Вставай, соня! — улыбнулась она. — Пока мы будем завтракать, елка согреется, и мы ее украсим. Скоро Новый год!

— Уррра! Новый год! Уррра!

В те новогодние праздники к нам приходила бабушка, приносила с собой гостинцы. Приходили и соседские старухи. А вот Дед Мороз со Снегурочкой так и не пришли, хотя я их очень ждал...

Прошла зима, наступила весна. По нашей улице в считанные дни маленькие ручейки превращались в потоки вешней воды. Мои разноцветные ледышки, висевшие на рябине, исчезли, горка растаяла. Возле завалины и амбара появилась зеленая трава, начали местами цвести желтые цветочки, про которые мама сказала, что называются они одуванчиками. Почки на наших черемухе и рябине набухли, стали проклевываться зеленые лепесточки. Прилетели скворцы и стали весело петь свои песни, сидя высоко на проводах. Все происходило так, как говорила мне мама.

Как-то она взяла меня с собой к соседке, что жила через пару домов от нас со своим уже взрослым сыном. По пути мама сообщила, что у хозяев появились щенки, и она, подумав, решила взять одного из них. Услышав это, я не поверил своему счастью и воскликнул:

— Мы собаку заведем?!

— Да, — ответила мама. — Мы живем почти на краю деревни и нам нужен сторож. Да и что это за двор, если в нем нет собаки? Ты со мной согласен?

Я начал прыгать от счастья и кричать на всю улицу: «Уррра, у нас будет собака! Пошли быстрее!»

Соседки дома не оказалось, нас встретил ее сын. Это был очень хмурый, не улыбочивый человек. Он нас подвел к большой коробке, что стояла у сеней. В ней было пять одинаковых по окрасу маленьких щенков. Все — светло-коричневые, с почти черными мордами.

Щенята копошились в коробке, и я стал разглядывать их. Мужчина сказал, что всех щенков он уже распределил, остался только один свободный, достал из коробки самого маленького и тощего и пренебрежительно проговорил:

— Все нормальные родились, всех разобрали, один этот чахлый какой-то, никто не берет. Хотел завтра его на пруд отнести и утопить, да тут вы. Ну как, будете брать?

Мама взяла щенка на руки и сказала: «Да, берем. Сколько с нас?»

— Ну, если за этих мне дают по десятке, то за этого рублей семь-восемь возьму.

Прижав щенка одной рукой к груди, мама вынула из кармана десятку, отдала ее соседу и, взяв меня за руку, быстрым шагом вышла на улицу.

Придя домой, она попросила меня подержать щенка. Я взял на руки теплый комочек и стал рассматривать его блестящие глазки, маленькие ушки, носик и хвостик. Он мне показался самым милым созданием на свете. Тем временем мама нашла свободную коробку, положила туда соломку, рядом с коробкой поставила блюдце с подогретым молоком и радостно произнесла:

— А теперь давай покормим нашего питомца. Он родился самым маленьким, другие щенки, видимо, его постоянно отталкивали от маминого молока, вот он и рос медленнее, чем остальные. Ну, ничего, мы его вырастим!

Она взяла щенка, поднесла его к блюдцу с молоком и аккуратно ткнула мордочкой в молоко. Щенок сначала фыркнул, заурчал и стал лакать молоко своим розовым язычком.

— Мама, смотри, ест, ест! — радостно воскликнул я. — А как мы его назовем?

Мама подумала и сказала, что нужно придумать такую кличку, в которой есть шипящие и звонкие звуки — так животные лучше на них откликаются. Я никак не мог понять, что это за звуки такие.

— А давай назовем его Тришкой? — предложила она. — Можно его Тришкой или Тришей кликать, а когда и Трифоном величать!»

— Давай! — охотно согласился я и погладил щенка: — Тришка, наш Тришка! Мама, а сосед сказал, что хотел утопить Тришку, это как?

— Знаешь, сынок. люди бывают иногда жестоки к животным, да и к другим людям тоже, — не сразу ответила мама. — Наш Тришка, если бы мы его не забрали, вскоре мог погибнуть. Сосед не стал бы его держать, а просто убил бы его, бросив в пруд, чтобы тот наглотался воды и утонул.

— Разве так можно? — удивился я, едва сдерживаясь, чтобы не разреваться.— Он же живой и такой милый!

— Сынок, в жизни много хорошего, но есть и плохое. И каждый человек должен бороться с плохим, чтобы всем было хорошо. Вот мы сегодня с тобой сделали очень хорошее дело. Спасли этого щенка от гибели, и тем самым сделали хорошо и ему, и себе. У нас появилась в доме собака, сторож. А у тебя появился новый друг. Посмотри, какой славный будет пес!

После маминых слов я успокоился, взял на руки Тришку и прижался к маме. Она обняла меня и поцеловала в макушку, правой рукой поглаживая нашего песика.

Так и появился у нас Тришка. Теперь дни напролет я не отходил от своего нового друга, кормил его несколько раз в день, гладил, следил, как Тришка играет, бегают, грызет разные предметы. Он стал даже подавать голос, раньше мог только урчать. Ко мне и маме Тришка быстро привык и уже отзывался на свою кличку.

За лето Тришка подрос. Окрас у него стал рыжеватого-коричневого оттенка. Шерсть короткая, ровная по всему телу, пасть черная, а взгляд умный, внимательный. Телосложение у Тришки оказалось крепким, лапы мускулистые, спина ровная, хвост широкий, с слегка загнутым кончиком, уши треугольной формы. У Тришки была одна особенность: кончики ушей никак не хотели стоять, всегда падали. Было интересно наблюдать за псом, когда он, увидев что-то новое для себя, приседал на задние лапы, приподнимал уши и начинал вертеть головой по оси своего носа. Зная эту Тришкину особенность, я часто, отойдя от него на несколько шагов, начинал издавать незнакомые для него звуки: кряканье, шипение. Тогда пес садился на задние лапы, внимательно следил за мной, присматривался, крутя головой, пытаюсь понять, что со мной не так и что происходит. Меня это очень смешило, я хохотал и звал его к себе. Понимая, что со мной все в порядке, Тришка срывался с места, быстро подбегал ко мне, проникновенно заглядывал в глаза и лизал мою щеку.

Теперь мы часто проводили время на поляне возле дома. Я убежал от него, он догонял меня, и мы с ним кувыркались на траве. Я громко хохотал, а Тришка заливался восторгом, звонко лаял. Устав от игр, я падал в траву и смотрел в небо, а пес ложился рядом, клал свою голову ко мне на живот и от удовольствия закрывал свои темно-карие глаза.

В конце лета мама соорудила из огромного деревянного ящика конуру для Тришки. Выпилила несколько досок для входа, прибила с внутренней

стороны входа плотную тряпицу, чтобы в конуру не задувал ветер, снаружи обтянула рубероидом от дождя. Поставила на место, где стояла старая конура собаки бывших владельцев дома. По сравнению со старой Тришкина конура казалась огромной, я с легкостью мог пролезть внутрь, что и сделал. Маме это не понравилось, и она взяла с меня обещание, что я не буду залезать в конуру к Тришке. Я пообещал, но иногда, втайне от нее, все-таки забирался в гости к своему псу, и мы вместе лежали с ним на теплой соломе, слушая наши с ним дыхания...

Так прошел год. Тришка жил во дворе в своей теплой и просторной конуре. Я пошел в школу, которая находилась в соседнем селе, и нас — туда и обратно — возил школьный автобус.

К первому классу мама мне купила ранец. На нем была изображена пчелка на цветке и надпись «Берегите природу». А еще к ручке была пристегнута медаль на цепочке, на которой была изображена овчарка. Мне понравился ранец, а больше всего нравилась медалька. Я показывал свой ранец Тришке, обнимал его и говорил: «Смотри, Тришка, это ты на медали!»

В школе у меня появились новые друзья и новые увлечения. Тем не менее Тришка в моей жизни занимал особое место. Он честно выполнял свой долг сторожевой собаки. При приближении кого-то из посторонних к дому оповещал нас об этом громким лаем.

Как-то зимой, глубокой ночью, мы с мамой услышали странный Тришкин лай с визгом. Мама вышла во двор посмотреть, что там произошло. Тришка крутился на цепи, подвизгивал и смотрел в сторону огорода. Мама подумал, что туда пробралась чужая собака, так как на людей Тришка реагировал по-другому. Подойдя к воротам, мама увидела, что соседская баня дымит. Почуввав неладное, она поспешила к соседям, а потом, разбудив их, побежала к другим домам звать на помощь.

Народ выскочил из своих домов и помчался к месту пожара. Несколько мужиков пробрались к горящей бане и стали лопатами закидывать в нее снег, пытаясь погасить пламя, прибежали и бабы с ведрами воды. Вскоре удалось сбить пламя, охватившее полог и лавку внутри бани. Пожар был потушен.

Наутро соседка пришла к нам и стала благодарить маму, что спасла их от пожара. Мама сказала, что предупредил о пожаре наш Тришка, уж больно он необычно лаял и подвизгивал, вот и вышла она посмотреть, что случилось. Если бы не он, все могло закончиться плохо.

— Год назад за курицами моими бегал, а сейчас от пожара спас, — посмотрев на пса, сказала соседка. — Бывает же такое!

Тришка, слушая это, сидел на задних лапах и внимательно смотрел на людей, довольно высунув свой алый язык.

После ухода соседки мама присела к нему, стала гладить, а потом сказала: «Спасибо тебе, Трифон, ты очень умный пес».

С этого дня мама стала называть нашего пса Трифоном. Я же по привычке продолжал звать его Тришкой.

Шло время, я уже учился в третьем классе. Все так же, идя за деревню, брал с собой Тришку, все так же мы с ним играли и резвились на полянах. Летом часто ходили к нашей небольшой речке и плескались в теплой воде. Я брызгал водой на Тришку, а он с визгом уворачивался от меня. Наигравшись в воде, я выходил на берег и ложился на траву, а Тришка, подходя сзади, начинал отряхивать с себя воду, обрызгивая меня. Это было завершением наших водных забав. Потом он подходил к речке и начинал ловить пескарей. Было интересно наблюдать, как пес, зайдя в воду, замирал в одной позе, потом резко погружал в нее свою морду, делал несколько шагов и, вытаскивая из воды пойманную рыбу, с хрустом съедал добычу.

Зимой мы также были с Тришкой неразлейвода. Катание с горок, рытье тоннелей и ходов — все делали вместе. Особенно я любил кататься на лыжах и всегда брал с собой моего пса на поводке. Накатанная дорога была гладкой и ровной. Уйдя далеко от деревни, так что видны были лишь крыши и столбы дыма из труб, я поворачивал в сторону дома, держа в одной руке поводок, и кричал псу: «Тришка! Домой!» Он с лаем тут же поворачивал в сторону деревни, с силой тянув меня за собой. Я был в полном восторге от свежего ветра, бьющего в лицо, искрящего на ярком солнце снега, от синевы неба и от своего верного пса...

А еще мы часто выходили на нашу заснеженную поляну, где не так глубоки были сугробы, и начинали гоняться друг за другом. Я пытался кидать в него пригоршни снега, а он зарывал свою морду в снег, а потом резко поднимал ее так, что снег летел прямо мне в лицо. Все это сопровождалось громким хохотом и озорным лаем. Тришка чувствовал мою радость ко всему, что нас окружало, и по-настоящему был счастлив.

Прошло еще пару лет. Как-то в конце зимы Тришка сорвался с цепи и на несколько дней убежал из дома. Такое бывало с ним и раньше. Он убежал, а вскоре возвращался домой весь потрепанный, иногда и покусанный другими кобелями.

В этот раз Тишка не появлялся дома уже неделю. Мама и я стали беспокоиться. Особенно она переживала, когда узнала, что в соседнем селе начали отстрел бродячих собак. Я стал успокаивать себя и маму, говоря, что на Тришке ошейник, и издалека видно, что он домашний.

В один из дней после уроков мы с ребятами сели в автобус, который вез нас до деревни, и, проезжая полем, увидели необычную картину. В поле

стоял «уазик», а рядом с ним на снегу лежали две мертвые собаки. Неподалеку лежали еще четыре собаки, а по полю мчался снежок с двумя людьми. Тот, кто сидел позади, стрелял из винтовки в собак. После очередного хлопка одна из убегающих собак упала мордой в снег, остальные две побежали в сторону деревни. Третья собака вернулась к подстреленной, и в ее сторону тут же устремился снежок. Пес, постояв над убитой собакой, рванул в противоположную от деревни сторону, к лесу. Стрелки помчались за ним. Узнав в этой собаке моего Тришку, я не поверил своим глазам. Все произошло очень быстро... Я привстал со своего места, побежал, к выходу и начал кричать водителю автобуса: «Остановите, там в мою собаку стреляют! Остановите автобус!» Водитель только выругался и продолжил движение.

Заехав в деревню, автобус притормозил на остановке. Я бросился в открытую дверь и побежал в обратном направлении. Мое сердце сжималось от боли, дорога размывалась от слез, я падал, рыдал, снова вставал и бежал. Наконец вдали я заметил уезжающий с поля знакомый «уазик», побежал к тому месту, где до этого стояла машина, и увидел на снегу несколько темно-красных пятен, следы от обуви и кровавые следы собаки, тянувшиеся в сторону леса — это были следы Тришки...

Я побежал в сторону леса по его следам и, подбегая к одному из деревьев, заметил на снегу брызги крови и следы. Это была кровь моего Тришки! Они подстрелили его!..

— Нет, нет, Триша, Триша, за что? — упав на снег, закричал я.

Сколько я пролежал на снегу, не помню. Опомился только, когда начало темнеть, поднялся и побрел в сторону деревни. Подходя к дому, я увидел бегущую мне навстречу маму и снова зарыдал.

— Мама, они нашего Тришку!

— Сыночек, пойдем домой,— успокаивала меня мама. — Ты видел, как они его подстрелили?

— Нет, только кровь и его следы, — захлебывался я слезами.

— Тришка — умный пес, он не мог просто сгнуться, подождем, он обязательно вернется! — тихо проговорила мама.

В эту ночь я заснул тяжелым сном лишь под утро. Тем временем мама сходила в соседнее село и, выяснив, что отстрелом занимались районные охотники, попросила одного своего знакомого отвезти ее к ним в районный центр.

Вернувшись после обеда, она застала меня еще спящим. Не снимая валенки и верхнюю одежду, склонилась надо мной и разбудила. На лице ее играла улыбка. Я вопросительно посмотрел на маму, и она сказала:

— Я ездила к охотникам, видела трупы собак. Среди них нет Тришки. Он убежал!

— Убежал?! — вскочил я с кровати и обнял маму. — Значит, он жив! Мама, он жив! Но где же он тогда?

Накинув на себя пальто и шапку, сунув ноги в валенки, я выбежал в ограду и заглянул в конуру — пусто. Вышел на улицу — там тоже никого. Пришлось вернуться в дом. Мама настояла, чтобы я поел, и мы пообедали. После этого я оделся потеплее и снова вышел во двор. Чтобы занять себя делом, начал разгребать дорожки, закидывать снегом завалину дома и бани, носить в баню воду. Потом принес дров в дом. Я не знал, что еще сделать, чтобы время шло быстрее, и постоянно всматривался в поле. Нет никого! Меня одолевало отчаяние, и хотелось снова рыдать. Но надежда, которую дала мне мама, была сильнее. «Среди них нет Тришки. Он убежал от них». Эти мамины слова давали мне силы. «Мой Тришка жив, мой друг жив!» — эти мысли целый день крутились в моей голове.

Начало смеркаться. Мама вышла на крыльцо, позвала меня в дом. Я пошел запирать на ночь ворота и в сотый раз взглянул на поле. И вдруг... «Нет, померещилось!» — подумал я и снова стал всматриваться в темноту поля. Далеко в поле маленькая тень то появлялась, то снова исчезала, потом снова появилась...

— Это он, мама, это Тришка! — крикнул я и побежал к дороге. Мой пес медленно шел навстречу. Пройдя несколько шагов, падал в снег, поднимался и снова падал. Я подбежал к нему, и Тришка, проскулив, упал на мои руки. Он был весь в крови, ухо разорвано, в боку большая рана...

— Пойдем, понесем его в дом, — подбежала к нам мама.

Я подхватил пса, а он начал скулить от боли. Еле сдерживая слезы, мы занесли Тришку в дом. Мама бросила одеяло на пол, мы уложили на него нашего пса и осмотрели его раны. Она взяла мазь и бинт, обработала и перевязала их. Потом согрела молоко, размочила в нем хлеб и дала Тришке. Он отказался от еды, опустил голову на пол, прикрыл глаза, стал тяжело дышать и постанывать.

Так Тришка пролежал четыре дня. Не ел, не пил, лежал, часто дыша, и все время скулил. Наконец на пятый день начал есть. Раны его затянулись, глаза повеселели. Одним словом, наш пес пошел на поправку. Мы с мамой были счастливы.

— Ох, и заставил ты нас понервничать, Трифон, — говорила мама, в очередной раз меняя ему перевязки. — Зачем убежал из дома? Мы места себе не находили. Хорошо, что живой вернулся!

Больше двух месяцев Тришка прожил у нас в доме. Лишь после того, как он полностью восстановился, мы определили его в конуру.

Однако с тех пор Тришка перестал быть таким, как прежде. Перестал резвиться, играл со мной, но уже без бывшего задора. Кроме того, он изменился и внешне. От правого уха осталась лишь половина, он стал прихрамывать на левую переднюю лапу, а когда спал, громко скулил и дергал своими лапами. Это были отголоски ужасной облавы, в которую попал мой Тришка. Отголоски той жестокости, с которой столкнулся не только мой пес, но и я сам.

Тем не менее Тришка остался жив, а ко мне пришло осознание того, что жизнь — очень хрупкая вещь, она может оборваться в любой момент. От этого понимания я стал больше ценить дни, которые проводил с мамой и Тришкой.

Прошел год. Тришка весной уже не убежал на свои собачьи свадьбы. Он жил в своей конуре, по-прежнему гулял со мной по полям, в лесу и у речки, по-прежнему ловил своих пескарей.

В конце лета мы с мамой решили пойти в лес и, конечно же, взяли с собой Тришку. Я был счастлив оттого, что рядом со мной два дорогих мне существа. Мы не столько собирали грибы, сколько радовались друг другу. Тришка, как и раньше, «улыбался» своей собачьей улыбкой, прыгал то на меня, то на маму, бегал вокруг нас, с визгом убежал от меня или гнался за мной. Мы с мамой вспоминали, как он у нас появился в доме и каким крохотным был. А сейчас рядом бегал огромный, сильный пес.

Так незаметно прошел день, и пришла пора возвращаться домой.

У ближайшего к деревне колка, на дороге, по которой мы шли домой, нам повстречалась лисица, сидевшая прямо на дороге. Увидев нас, она не стала скрываться, а пошла нам навстречу.

— Смотри-ка, мама, лиса не убегает, ручная, наверное! — сказал я, но в лице мамы явно сквозило беспокойство. Лиса приближалась к нам, рыча и лая своим охрипшим голосом. Мне стало страшно. Я понял, что с ней что-то не так. Еще несколько шагов, и она могла вцепиться своими клыками в меня или маму. В этот момент с оглушительным лаем из кустов вылетел Тришка, снес лису с дороги и начал душить ее своим мощным хватом. Возня в поле у обочины дороги длилась несколько минут. Потом все затихло. Тришка вынес в зубах бездыханное тело лисы и положил на землю перед нами, виляя хвостом. Пес был доволен и горд собой, что смог защитить нас. При этом вся его морда была в крови. Мама сняла с головы платок и вытерла Тришке морду и лапы. На его голове было несколько рваных, но не глубоких ран, в остальном пес был в полном порядке.

Но через день мы заметили, что Тришка не выходит из своей будки, перестал есть.

— Мама, что с Тришкой? — спросил я. — Он невеселый стал, заболел?

— Похоже, да, — огорченно сказала мама. — Ну ничего, поправится.

На следующее утро мы обнаружили, что Тришка снова сорвался с цепи и убежал. Его не было три дня. На исходе третьего дня, когда мы с мамой укладывали поленницу, перед домом он появился. Его шкура была вся в засохшей грязи. Он шел медленным шагом и все время скулил. Подойдя к нам, Тришка лег у наших ног на землю и тяжело, часто задышал, глядя своими карими глазами то на меня, то на маму. Потом он привстал, подошел к маме, лизнул ее ладонь, лизнул и мою руку, обошел нас вокруг и направился от дома в сторону леса. Пройдя несколько шагов, обернулся, с минуту смотрел на нас, а потом резко отвернулся и побежал к лесу через поле. Я посмотрел на маму — у нее по щекам текли слезы.

— Мама, что с Тришкой? Он какой-то странный! — с беспокойством спросил я.

— Он приходил попрощаться с нами, сынок, — тихо сказала мама.

— Как попрощаться? — мои глаза наполнились слезами. — Он же молодой пес! — Тришка! Стой, Тришка! — закричал я и побежал в сторону леса вслед за своим другом. Но его уже нигде не было. Я выбежал на опушку, было тихо. Начал звать пса: «Триша, Триша, ко мне, Триша!» Но слышал лишь свое эхо. Обойдя весь лес, я спустился к реке, к тому месту, где мы часто с Тришкой плескались в воде, и где он ловил своих пескарей. Там тоже его не было.

Домой я вернулся поздно, когда уже стемнело...

Прошло несколько месяцев с того дня, когда мы видели Тришку в последний раз. В конце весны, когда земля просохла и начала буйно расти трава, мы с мамой пошли на нашу любимую с Тришкой полянку. Я взял с собой лопату, и на краю поляны мы сделали небольшой холмик. Это была могила нашего Тришки. Пустая могила. Его тело мы так и не нашли. Собаки, почуяв приближение своей смерти, часто уходят из дома. Так поступил и Тришка. Он спас нас от бешеной лисицы ценой своей собственной жизни. Его организм, подорванный обстрелами при облаве, не смог справиться с заразой, которая проникла в его организм при укусах дикого зверя. Чувствуя свой конец, он пришел проститься с нами. Я до сих пор не могу без слез вспоминать его последний, как всегда умный, но уже тоскливый, прощальный взгляд...

Прошло много лет с тех пор. Но в сердце моем боль от утраты не прошла. Каждый раз, проходя по нашим местам, я вспоминаю те дни, когда играли мы с моим Тришкой, а вся округа заполнялась моим веселым смехом и его звонким лаем... □

Иван Переверзин

***

Ты ошибаешься, друг милый,
нет смысла потакать тому,
что раньше времени постыло,
причем, совсем не по уму.
Знай, я продолжу всей душою
на том лишь преданно стоять,
что надо смело жить борьбою
и в ней упрямо побеждать.
И пусть в ответ на страсть живую
ты вновь надменна, холодна,
зато я верю в песнь такую,
где только крепких чувств весна.
И, день встречая на восходе,
я в укрепление добрых сил,
что мне достались от природы,
живу затем, чтоб мир весь жил!
Мне знать дано не понаслышке,
а через муку, через кровь
и смерть, пугающую крышкой,
и жизнь, творящую любовь.

***

Май обещает жаркий август,
настолько он в сиянье дня
лазури солнечной распахнут,
как будто вышел из огня.
Но так сложилось в жизни этой,
что мне бы, мучась и любя,

.....

Дорогие наши читательницы, в преддверии 8-го марта у нас появилась идея открыть новую рубрику «Поваренок», чтобы вы смогли порадовать своих близких вкусными и несложными в приготовлении блюдами. Естественно, у каждой хозяйки есть свои, уже опробованные рецепты, а мы поделимся своими, может, вам понравится. Ведь еще великий ученый академик И.П. Павлов говорил: «Нормальная и полезная еда есть еда с аппетитом, еда с испытываемым наслаждением...»

Попробуйте насладиться и вы.

.....

Закуски

Легкая, но очень вкусная закуска

С батона черного хлеба (кирпич) срезать корку, нарезать на ломтики и обжарить на растительном масле. Натереть твердый сыр, добавить чеснок и смешать с майонезом. Выложить ломтики на тарелку, смазать этой массой и на каждый кусочек положить шпротину, для украшения можно посыпать мелко нарезанной зеленью и положить ломтик помидора.

На закуску можно приготовить «ложную» икру. Для этого надо купить две селедки, разделать их, сняв кожицу и освободив от костей, очистить и промыть две морковки, разрезать их на несколько частей, а потом вместе с селедкой и сливочным маслом пропустить через мясорубку. Когда этот импровизированный фарш будет готов, перемешайте его, сделайте из него шарики (любого размера) и выложите на блюдо. У вас получится вкуснейший форшмак с красными вкраплениями, напоминающий икру.

Вашим близким наверняка понравится *холодное лоблио по-гру-зински*. Полкило красной фасоли хорошенько промойте, поместите в кастрюлю с водой и кипятите до готовности (примерно полтора-два часа). Потом слейте воду и толкушкой помните фасоль до кашеобразного состояния. Так же

помдавите 3 головки чеснока и смешайте с фасолью. Теперь очередь за орехами: пропустите через мясорубку полкило грецких орехов и смешайте с фасолью. Готовое блюдо можно украсить мелко нарезанной кинзой, что добавит аромат вкуснейшему блюду.

Второе блюдо

Мясо по-французски

Разрезать свинину на куски, как следует отбить, посолить, поперчить, сверху положить дольку помидора и дольку болгарского перца. Натереть твердый сыр, добавить чеснок или лук (кто как любит), выложить эту массу на каждый кусок мяса, смазать майонезом, посыпать сверху зеленью, выложить на противень и запекать в заранее нагретой духовке до готовности.

Десерт

Ну как праздничный стол может обойтись без десерта. Предлагаю мой любимый рецепт торта **«Наполеон»**:

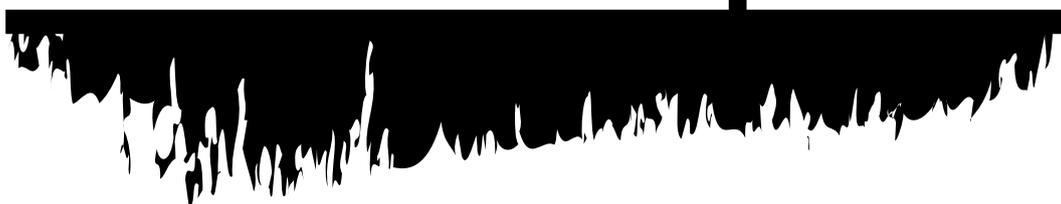
Одну пачку маргарина натереть на терке, добавить 3 стакана муки, полстакана воды, 1 яйцо, 2 столовые ложки уксуса и тщательно замесить. Готовую массу разделить на 6 шариков и положить в морозилку, пока будет готовиться заварной крем. (кстати, крем можно заменить сгущенкой — кто как любит). Заварной крем готовится так: пол-литра молока, 2 яйца, 3 столовые ложки муки, сахар по вкусу, полкуска сливочного масла и ванильный сахар. К этому времени шарики уже замерзнут, вытащить их из морозилки и тонко раскатать на 6 коржей — в каждом вилок делать дырочки, каждый корж выпекать при температуре 200 градусов. Каждому готовому коржу придать прямоугольную форму, срезав кривые боковины, смазать кремом и выкладывать друг на друга. Когда «Наполеон» будет окончательно готов, сверху можно посыпать срезанными боковинами, мелко измельчив их. Ваш домашний «Наполеон» будет ничем не хуже покупного!

Приятного всем аппетита!

Если рубрика «Поваренок» вам понравилась, присылайте свои домашние рецепты, мы с удовольствием будем их публиковать.
Еще раз с праздником, любимые женщины!

Вселенский стриптиз

Глава первая ПРИВИДЕНИЕ

— Здравствуй, милая!

— Привет, дорогая!

— Дуська где?

— К тебе побежала.

— Как твоё здоровье?

— Просто отлично! Давление в норме, радикулит отпустил, беспокоят только морщинки.

— Да уж, морщинки таблетками не уберешь. Но я по-прежнему против пластики.

— Я слышала рецепт новой маски. Эффект потрясающий! Берешь черную икру, панцири двадцати креветок, мякоть авокадо, молотишь все это в блендере...

— И?!

— Прикладываешь к проблемным зонам.

— Прямо в блендере?

— Ты, как всегда, шутишь.

— Конечно, шучу. Скажи, что делать, если проблемных зон окажется больше, чем черной икры?

— Не знаю...

— Ну, вот видишь! Брось ты свои дурацкие маски, приходи к нам в клуб «Тем, кому за...»

— Мне не «за...», мне «...до»!

— Оптимистка!

— Зануда. Сейчас поругаемся, а ведь я хотела сообщить тебе отличную новость.

— Какую?

— У нас все получилось! Они купили эту квартиру!

— Ур-ра!!! Я так рада...

— Теперь нужно действовать осторожно.

— И без нажима!

— Без лишнего пафоса.

— С юмором!

— Главное, не торопиться...

— Думаю, у нас все получится.

— А вдруг — нет?!

— Тогда мы возьмем черной икры, немного мякоти авокадо, панцири двадцати креветок, размолотим все это в блендере...

— И приложим к проблемной зоне!

— Ха-ха-ха!

— Завтра я тебе позвоню. Бай, дорогая!

— Бай-бай, милая!!

Квартирка была на Арбате.

Мечта всей ее жизни.

Пятьдесят восемь квадратных метров, второй этаж, потолок — три с половиной метра, пять минут до метро и вид из окна на Храм Спаса Преображения на Песках...

Дина открыла ключом дверь, зашла в темный холл и, прижавшись спиной к стене, съехала на пол.

Вот оно — счастье! Свои стены, свой потолок, свой пол, свой туалет, своя ванная, свои тараканы, свой вид из окна, свои придурки-соседи.

Она рассмеялась в голос — громко и счастливо. Наконец-то у нее появилась своя территория. Ее нора, ее логово. Ее маленькое государство.

— А выключатель-то не работает! — вспомнила Дина, встала и на ощупь, скользя пальцами по стене, в полной темноте прошла на кухню.

— Красота! — крикнула она, когда яркий свет залил кухню. — Десять метров!

В сумке была бутылка шампанского, курица-гриль, шоколадка и апельсин — странный наборчик, учитывая ее пристрастие к вегетарианству.

Шампанское взорвалось победным фонтаном, облив руки, лицо и кофточку.

— Ну, чтобы жилось! — Дина из горла отхлебнула то, что осталось от «Вдовы Клико».

Посуды не было, мебели не было, — ни хрена не было, кроме квартиры, свободы и эйфории.

Пить шампанское в одиночку и заедать его курицей-гриль на собственных пятидесяти восьми квадратных метрах в центре Москвы — вот итог ее понимания счастья в тридцать пять лет.

Вещи привезут завтра. Тряпки, мебель, посуду — все, что досталось ей после длительного кровопролитного развода. А пока она устроится на старом пожелтевшем матрасе, оставшемся от прежних хозяев.

Дина переделалась и пошла в ванную, чтобы умыться. Почистила зубы, заплела на ночь косичку из длинных волос. Красота! Бывший муж называл ее «ведьмой в хорошем смысле этого слова». Что это значило, Дина так и не смогла разобраться за семь лет брака, но подозревала, что все дело в магии ее раскосых зеленых глаз, в белой матовой коже, хрупкой фигуре и непростительно твердом характере.

Выйдя из ванной, Дина вдруг услышала, как в замке поворачивается ключ. Ключа от квартиры ни у кого, кроме нее, не было, а значит, в квартиру мог ломиться только... вор.

Ужас сменился оцепенением. Она смотрела, как медленно открывается дверь, как в темный холл вваливается огромный светловолосый мужик, и не могла издать ни звука. Вернее, она орала, но молча, внутри себя — вот уж не знала, что такое возможно.

Мужик ввалился, схватился за стену, сполз на пол и вдруг громко пропел на английском:

— Back in the U.S.S.R.!

Даже вор тебе попался с оксфордским произношением, подумала Дина, и было в этой мысли что-то изысканное и многообещающее.

— В этой квартире нечего брать, — тихо сказала она и, подумав, громко добавила: — Кроме меня.

Левин открывал дверь медленно, с наслаждением оттягивая момент попадания в собственное жилье.

Он один, он свободен, у него наконец-то есть отдельная территория, на которой он бог и хозяин.

Ключ немного заело в замке, и Левин этому удивился. Когда он в последний раз был здесь с риелтором, замок работал исправно. С ним нужно будет разобраться. И с выключателем в холле тоже.

Но все это мелочи — приятные, бытовые, а самое главное, касающиеся его одного.

Сейчас он пойдет на кухню и обмоет этот новый этап своей жизни. Карман кашемирового пальто оттягивала бутылка коньяка и лимон — странный наборчик, учитывая, что ни то ни другое он терпеть не мог.

Вдруг Левин заметил, что в дальней комнате горит свет, медленно повернул голову и увидел... зрелище на миллион: в дверном проеме ванной комнаты стояла женщина в алой сорочке. То, что она сказала, стоило еще миллион.

— В этой квартире нечего брать, — произнесла она и добавила: — кроме меня.

Левин захохотал.

Он все понял, достал кошелек и протянул женщине две бумажки по пятьдесят евро со словами:

— Мой друг пошутил. Мне не нужна... женщина на ночь. Вот, возьмите деньги и покиньте мою квартиру.

Она вдруг зажмурилась и завизжала. Левин и предположить не мог, что деньги произведут на жрицу любви такое ужасающее воздействие, поэтому достал из кошелька еще пятьдесят евро и смущенно сказал:

— Извините, но я думаю, этого будет достаточно. Ведь я же не воспользовался вашими услугами!

«Жрица» выхватила у него деньги, скомкала их в плотный комок и швырнула ему в лицо.

— Но позвольте, — возмутился Левин и поправил очки в тонкой оправе, которые сползли на кончик носа. — Позвольте...

— Вы — дерьмо, господин вор! — заорала черноволосая «жрица». — Первый раз вижу грабителя, который сует деньги жертве в лицо и оскорбляет ее!! Первый раз!!

— Позвольте, — совсем растерялся Левин. — Почему «грабителя»? Почему «жертве»? Почему «оскорбляет»? Ведь вы же сами сказали: «Тут нечего брать, кроме меня!»

— Я так с перепуга сказала! Меня не каждый день грабят!

— Тише! — взмолился Левин. — Я не... этот... не вор, не убийца, не... Слушайте, да где вы видели воров в кашемировом пальто?! Где вы видели убийц с таким интеллигентным лицом?! Вас разве не Титов нанял развлечь меня в первую ночь новоселья?!

— Нет, — прошептала женщина в алой сорочке. — Меня не Титов нанял.

— А кто?!

— Никто.

— Тогда что вы делаете ночью в моей квартире?

— Вы ошибаетесь, это моя квартира.

— Вы что-то путаете, квартира моя.

— Моя.

— Нет, моя. У меня и ключи от нее есть.

— Вы не поверите, но и у меня есть ключи! Иначе как бы я сюда попала раньше вас?

— Это какое-то недоразумение...

— Я надеюсь, — криво улыбнулась она.

— Оденьтесь, — поморщился Левин. — Я подожду вас на кухне.

— Моей кухне, — ледяным тоном уточнила женщина и ушла, хлопнув дверью комнаты перед его носом.

На кухне он обнаружил остатки чужого пиршества: початую бутылку дорогого шампанского, обглоданную куриную ножку, растерзанный апельсин и нетронутую плитку шоколада. Стола не было, и все это лежало на подоконнике.

Возле окна валялась шуба из голубой норки. Левин поднял ее и повесил на дверь — он не любил беспорядок. На него пахло незнакомыми, горькими духами. При мысли, что кто-то нагло кутил на его кухне, Левина передернуло. Плохо закончился день. Нелепо, бездарно...

Титов не заказывал ему проститутку, эта женщина оказалась в его квартире, открыв дверь собственным ключом, и отчего-то пребывала в полной уверенности, что это ее жилплощадь! Может, она просто чокнутая? Тогда откуда у нее ключ? Почему она приняла его за грабителя? Что за нравы, в конце концов, в этой стране?!

В старой доброй Англии, где он провел последние десять лет, и представить себе невозможно, что, придя домой, ты обнаружишь в квартире женщину, открыто предлагающую себя, но которая, тем не менее, является не особой легкого поведения, а хозяйкой твоей квартиры и, к тому же, утверждает, что ты грабитель.

Бред! Который начался три месяца назад, когда его бросила Клэр, и продолжается до сих пор.

Может, к бабке сходить?

В России все неудачи, болезни и личные катастрофы принято объяснять порчей и сглазом. А с порчей и сглазом умеют бороться исключительно бабки, это Левин помнил еще с детства.

Нужно заново учиться жить в этой стране. Нужно обзаводиться этим... как говорит Клим Титов — «пофигизмом». Ну, ничего, он научится жить в России. Научится верить в сглаз, ходить к бабкам, закусывать лимоном коньяк и спокойно реагировать на чужих баб в квартире. Он научится быть пофигистом, потому что Клэр ушла, и жизнь в Англии стала невыносимой.

Жизнь вообще потеряла смысл, и следовало начать ее заново. Первым шагом была беспробудная недельная пьянка с Титовым. Вторым — покупка

этой квартиры. Первый шаг удался, второй, похоже, не очень. Левин так задумался о своей горькой судьбине, что не заметил, как претендентка на его квадратные метры зашла на кухню.

Теперь на ней были черные джинсы и блузка цвета розового коралла. Смоляные волосы она распустила, и они длинной гривой болтались у нее за спиной. Без алой ночнушки и без косы претендентка выглядела лет на пять старше — двадцатипятилетие мадам проехала лет пять-семь назад. Но больше всего Левина поразило, что дамочка успела не только накраситься, но и нацепить украшения в тон блузке — сережки, кольцо и бусы из розового коралла, обрамленного в красное золото.

Может, это все же прикол Титова? Его попытка вернуть Левина к жизни после личной трагедии?! Тогда почему он выбрал такую странную кандидатку для его душевного и телесного возрождения?

Полоснув по Левину раздраженным взглядом, мадам сбросила свою шубу с двери на пол, уселась на нее, подперев коленками подбородок, и сквозь зубы процедила:

— Так что вы там лопотали насчет «вашей» квартиры?

— Я не лопотал, я говорил, и совершенно обоснованно, что являюсь собственником этой квартиры.

— Тогда что это, по-вашему?! — Она сунула руку в объемную сумку, стоявшую у стены, выхватила какую-то бумагу и победно потрясла ею в воздухе.

Левин вырвал у нее лист. Это оказалось свидетельство о собственности на квартиру. Эту самую квартиру — пятьдесят восемь квадратных метров, пять минут до метро, вид из окна на Храм Спаса Преображения на Песках... Согласно свидетельству, эта роскошь принадлежала Алексеевой Дине Алексеевне, семьдесят третьего года рождения, пол женский.

— Это вы, что ли, Дина Алексеевна Алексеева, пол женский? — усмехнулся Левин, стараясь сохранить высокомерие человека другой формации и менталитета.

Она промолчала, дав Левину почувствовать себя идиотом.

— Вы — авантюристка! — не выдержал он. — Захватчица!! Ре... рейдерша!

— А почему вы говорите с акцентом? — подозрительно прищурила мадам изумрудные глаза.

— Я... десять лет преподавал в Оксфорде и... наверное... — Левин поймал себя на том, что пытается оправдаться перед этой рыбой в кораллах. — Это черт знает что!! — заорал он и неожиданно для себя затопал ногами, забыв про манеры и выдержанность. — Эту квартиру купил я! Я!

— Докажите, — попросила «рыба».

— Слушайте, это розыгрыш, да?! Вас все-таки Титов нанял?! Он мастак на такие шутки!

— Я не знаю никакого Титова!

— Ладно, — вздохнул Левин, — похоже, мы с вами стали жертвами мошенников.

— Это вы стали жертвой. У меня все документы в порядке.

— У меня тоже в порядке! — опять сорвался он на крик. — Точно такое же свидетельство о собственности на эту квартиру лежит в сейфе моего друга!!

— Титова?! — прищурилась мадам.

— Да какая разница! Нет, вы определенно смахиваете на авантюристку!

— А вы на авантюриста.

— Вон из моего дома! Если вы не от Титова, конечно. Если от Титова, то можете переночевать в туалете. Меня это не стеснит.

— И после этого вы утверждаете, что десять лет преподавали в Оксфорде? Что, позвольте узнать? Хамство?!

— Я вызываю полицию!

— А я «скорую» психиатрическую!

Они оба схватили мобильники, начали тыкать кнопки, но, схлестнувшись взглядами, одновременно поняли весь идиотизм ситуации и отбросили трубки.

— В жизни не попадал в более глупую ситуацию, — пробормотал Левин. — В каком агентстве недвижимости вы заключали сделку?

— А вы в каком?

— В агентстве «Юпитер». Я купил эту квартиру вчера!

— А я позавчера! — оживилась мадам. — Позавчера!! Я купила ее первой, правда, увы, все в том же неблагонадежном агентстве «Юпитер». Скажите, с каким риелтором вы работали?

— Маленькая такая... пигалица, черненькая, букву «р» не выговаривает. Зовут Лариса Борисовна. Она представилась «Лагиса Богисовна»...

— Странно. Мою тоже звали Лариса Борисовна, но она блондинка и букву «р» выговаривала отлично. Ростом тоже небольшая, худенькая, лет тридцати, ходила все время в ужасном мохеровом черном берете, надвинутом на глаза.

Они уставились друг на друга, как дуэлянты, которые примериваются, как точнее попасть в уязвимое место противника.

— Боюсь, нам придется долго судиться, — вздохнул Левин. — Но в конечном итоге эта квартира все равно достанется мне.

— Почему?!

— У меня денег больше, — улыбнулся он.

— Уж не потому ли вас бросила ваша Клэр?

Левин дернулся, словно его огрели хлыстом по щеке. И зачем он сболтнул ей про Клэр?! Самым обидным было то, что эта стерва попала в точку. Клэр ушла, потому что у него было недостаточно денег.

Левин открыл коньяк и большими глотками начал пить его из горла.

Как больно. Как странно. И как все нелепо... Почему он решил, что в России для него начнется новая, счастливая жизнь?

— Не смейте тут напиваться! — Она выхватила у него бутылку из рук и процедила: — Завтра сюда привезут мои вещи.

— Ошибаетесь, — улыбнулся Левин, — завтра я начинаю в этой квартире ремонт. И ваши вещи мне будут очень мешать.

— То есть вы не вымететесь отсюда немедленно, прямо сейчас?!

— Нет, не выметусь, — твердо сказал он.

— То есть вы будете торчать здесь, пока все не выяснится?!

— Буду.

— Боюсь, я вас убью.

— Боюсь, я вас тоже.

— Какая бы афера не крылась за всем этим, эту квартиру я вам не отдам.

— Могу сказать то же самое, мадам.

Она вышла, шибанув дверь так, что зазвенели оконные стекла.

Дина прорыдала всю ночь.

Этот мужлан, с габаритами Депардье и породистым лицом дипломата, храпел, как бульдог с деформированной носоглоткой.

Только с ней могла приключиться такая история. Только она, со своей «везучестью», могла купить квартиру у мошенников, притом, что на рынке недвижимости полно надежных, проверенных посредников.

Агентство «Юпитер» ей порекомендовала мама. Маму она перестала слушаться, едва достигнув сознательного возраста, но почему-то послушалась и... получила.

Дина взяла мобильник и набрала номер матери.

Матушка ответила быстро и таким резвым голосом, будто посреди ночи занималась гимнастикой.

— Ну, спасибо тебе, — прорыдала Дина в трубку.

— За что, дочуня?!

Дина приложила мобильник к стене, которая вибрировала от раскати-стого храпа.

— Ну, как тебе?

— Музыкально, — одобрила мать. — Большой кобелина?

— Немаленький.

— Красивый?
— Депардье в очочках.
— Это что за порода такая?
— Английская. Русского розлива.
— Дорого отдала?
— Все, мама! Все, что у меня осталось после развода со Стасом!
— Ну, ничего, донька. На алиментных щенках отобьешь свои деньги обратно!

— Каких щенках, мама?! Мою квартиру в агентстве, которое ты посоветовала, продали дважды! Мне и какому-то... мужику, который только что вернулся из Англии! Мы вынуждены ночевать вместе! Это он храпит за стеной!! Мне предстоят суды, допросы, разбирательства, а может даже — потеря квартиры и денег, и все по твоей вине!

— Досечка! Ну причем тут я?! Подумаешь, агентство посоветовала! У него реклама красивая в газете была. Ты же меня все равно никогда не слушалась!

Дина нажала отбой и уткнулась носом в подушку. Искать сочувствия у мамы было бессмысленно. Она жила в каком-то своем непонятном мире, своими немислимыми понятиями. Проживание под одной крышей грозило нервным срывом обоим.

Дина вздохнула, закрыла глаза и стала считать верблюдов.

На тридцатом воображаемом белом верблюде она всегда засыпала. На этот раз она досчитала всего да пятнадцатого верблюда и заснула, несмотря на храп за стеной и душившие ее слезы...

Левин не сомкнул глаз до утра. Мало того, что мадам заняла единственный в доме матрас, и спать пришлось на полу, подсунув под голову скрученное пальто, так она еще вздумала храпеть как пьяный сапожник. Вот уж не думал он, что такое тщедушное тельце — «ни рыба ни мясо», — может издавать такой противный, вибрирующий храп, от которого к вискам подбиралась пульсирующая боль, грозящая перерасти в жестокий приступ мигрени.

Левин встал и ударил кулаком в стенку.

Храп на мгновение прекратился, но потом возобновился с новой силой.

Он лег и натянул пальто на голову, надеясь заглушить звуки.

Конечно, можно уехать к Титову, но это означало бы стопроцентную капитуляцию перед Диной Алексеевной Алексеевой, а капитуляции не хотелось.

Только он мог вляпаться в такую историю! Титов предлагал ему услуги знакомой риелторши, но Левин отчего-то воспользовался рекомендацией матери, хотя никогда в жизни не прислушивался к ее советам и старался все делать в точности наоборот.

Он выхватил из кармана мобильный.

— Мама, проснись, мне нужно срочно поговорить с тобой!

— О чем? — сонно отозвалась она.

— О «Юпитере»!

— Я мало что знаю о звездах, сынок.

— Об агентстве недвижимости, мама! Ты посоветовала мне обратиться туда, когда я собрался покупать квартиру в Москве!

— Я такое советовала?

— Да! Ты говорила, что агентство «Юпитер» — крупная и надежная фирма!!

— Я это говорила?!

— Ты издеваешься надо мной?! Мою квартиру продали дважды! Я ночью с какой-то... русалкой, которая считает себя тут хозяйкой!

— Она симпатичная?

— Что?!

— Она симпатичная, эта твоя русалка? Может, оставить ее, чтобы варила супы, убирала квартиру, стирала носки и виляла хвостом, когда ты будешь вечером возвращаться с работы?

— Мама, я могу лишиться квартиры и денег, а ты... ты...

Левин нажал на отбой. Разговоры с мамой доводили его до бешенства, наверное, поэтому о проживании с ней под одной крышей никогда не могло быть и речи.

Умыться Дина не смогла, потому что ванная была занята уже сорок минут. Она со злостью пнула ногой дверь, потом поколотила в нее кулаками. Никакого ответа, только плеск воды и тихое пение на безупречном английском.

— Козел! — не сдержалась она и пошла на кухню. Там выяснилось, что Депардье позавтракал ее курицей. В ярости Дина собрала с подоконника кости и сунула их в карман черного кашемирового пальто, висевшего на двери. Туда же засунула ополовиненную бутылку коньяка, а лимон выбросила в распахнутую форточку.

Он появился на кухне свежий, бодрый и хмуро проговорил:

— Вы испортили мне пальто, теперь карман жирный и воняет. Зачем вы это сделали? Господи... какое свинство!

— Свинство — это жрать чужие продукты, — отрезала Дина, снимая с гвоздя на стене свою шубу.

— Вы хотите сказать, мадам, что я съел вашу поганую курицу?

— А вы хотите сказать, что с утра ничего не ели?

— Нет!! Я ничего не ел и не пил! Мне противно даже прикасаться к вашим вещам!!

— Может, и храпели ночью не вы?

— Это вы храпели, мадам! Вы!! Я не спал ни секунды!

— Я?! Храпела?! — Дина захлебнулась, подавившись своим возмущением, и вдруг поняла: если немедленно не остынет, не придет в себя, это плохо кончится — разрывом сердца, истерическим припадком или, хуже того, помешательством.

— Так, — надевая шубу, сказала она, — так... господин Как Вас Там, не знаю, как вы, а я прямо сейчас иду... Куда нужно идти в таких случаях?! В отдел по борьбе с бандитизмом? Или с экономическими преступлениями? Или нужно топтать в уголовный розыск?!

— Я не знаю, куда нужно топтать в этой стране в таких случаях, — ответил Левин и вытер пот с холеного лба. — Не знаю...

— В этой стране! — раздраженно передразнила Дина. — Скажите, зачем вы врете, что не ели мои продукты? Зачем говорите, что я храпела? Хотите обидеть меня? Запугать?! Не выйдет!

— Господи, хоть бы эту квартиру второй раз продали не вам... — проворчал Левин.

Дина поняла, что истерический припадок близок, разрыв сердца не за горами, а помешательство уже практически наступило. Она сглотнула, поборов подступившие слезы, попыталась застегнуть шубу, но, не справившись с этой простой задачей, выскочила за дверь, хлопнув изо всех сил.

— Я вернусь! — из подъезда закричала она. — Еще как вернусь! Это моя квартира!! — и помчалась к метро.

Левин схватился за голову и подошел к окну.

Внизу, на подтаявшем снегу, ярким пятном желтел его многострадальный лимон.

Пожалуй, первое, чем стоит сейчас заняться, это заказать мебель, посуду, шторы, ковры, чтобы застолбить территорию. .. Он не отдаст эту квартиру, какая бы чудовищная авантюра за всем этим не стояла. Заплатит двойную цену мошенникам, полиции, суду, — кому угодно, лишь бы именно эта квартира досталась ему. Пусть дамочка бегаёт по инстанциям. За это время он обживет территорию так, что его можно будет вынести отсюда только с квадратными метрами.

Неожиданно Левину стало весело. Может, судьба специально подкинула ему эту нестандартную ситуацию, чтобы отвлечь от личной трагедии?

Надо же, и курицу кто-то съел, и храпел неизвестно кто!

— Йес!! — сказал Левин и сделал тинейджерский жест рукой, означавший, что все получилось. — Йес! Йес!

Не застегиваясь и стараясь ненароком не сунуть руку в жирный карман, он вышел из квартиры и, насвистывая, побежал по лестнице вниз. Сейчас он объедет все магазины, купит все, что нужно для дома и даже немного больше. По инстанциям пусть носится мадам, а он расслабится и будет получать удовольствие.

Ведь квартирка-то была на Арбате.

С привидениями...

Глава вторая

ЗАГОВОР

— Здравствуй, милая!

— Привет, дорогая!

— Дуська-то у тебя?!

— Сейчас ковер выбьет и к тебе побежит!

— Отлично, а то у меня гора грязной посуды. Как прошла ночь?

— Нескучно. Гадала на картах.

— Почему не на кофейной гуще?

— На кофейной гуще гадают только старые перечницы.

— А ты у нас, конечно же, юная фея!

— Во всяком случае, до кофейной гущи пока еще не дожила.

— Ладно, не злись. Что говорят твои карты?

— Дело может закончиться тюрьмой.

— Тюрьмо-о-ой?! Что, так и говорят?!

— Не дословно, конечно, но наше благое дело завершится казенным домом. Так утверждают карты.

— Ну, милая моя, казенный дом — понятие растяжимое. Это может быть супермаркет, кинотеатр, фитнес-клуб, поликлиника, клуб ветеранов, сауна, загс, наконец!!

— Ох, Верочка, страшно мне! А ну как все откроется раньше времени?! На нары в моем возрасте... стыдно и несолидно.

— Ты же у нас юная фея! Тебе всегда «...до» и ни на секунду «после...»!

— Верунь, вот что ты всегда умела, так это утешить!

— Ладно, Кларка, не дрейфы! Кто нас посадит? Мы — две милые, добропорядочные старушки. Подумаешь, пошутили.

— Сейчас поругаемся! Я не старушка. Мне место в метро не уступают, и я не хожу в дурацкие ветеранские клубы!

— Ну хорошо, мы две добропорядочные, милые дамы.

— Вот так-то. Верунь, мне кажется, они друг другу совсем не понравились.

— Это хорошо.

— Почему?

— Настоящие чувства замешиваются на противоречиях. Все, что случается нахрапом и по мгновенной обоюдной симпатии — очень недолговечно и оправданно только в животном мире.

— Ой, не знаю... Мне очень страшно. Они начинают ненавидеть друг друга!

— Мы это исправим.

— Как?

— Пускаем в ход запасной вариант «Б»!

— Ой! Это нужно хорошенько обдумать. Приезжай ко мне в восемь вечера, все обмозгуем. Угощу тебя «Щечками королевы», заодно и поговорим.

— Чем ты меня угостишь?

— Дуська сделала обалденное блюдо по моему рецепту! Берешь черную икру, фаршируешь ей помидоры, а сверху украшаешь зеленью и тертым сыром.

— Давай-ка лучше ты ко мне приезжай на диетические хлебцы с зеленым чаем. В твоем рационе слишком много черной икры, ты съешь ее везде по поводу и без повода. А в нашем возрасте, пардон... в моем возрасте, пора считать сахар и холестерин. Так что давай ко мне!

— А как же «Щечки»?

— Скорми их Дуське. Приедешь?

— Да! Но «Щечки» Дуське — это как-то несправедливо...

— Ладно, привози их моему коту. Бай, милая!

— Бай-бай, дорогая!

Весна зарождалась в недрах хмурой московской зимы исподволь, незаметно, но очень настойчиво. Еще было очень холодно, еще были короткие дни и длинные ночи, но вдруг иногда, в полдень, выглядывало шальное солнце и начинало жарить совсем по-летнему. И тогда снег плавился под ногами, капель барабанила по металлическим подоконникам, с крыш валились сосульки величиной с французский батон, народ стаскивал шапки, расстегивал верхние пуговицы шуб и пальто, и глаза у народа становились весенними — блестящими и немного блудливыми.

Все ждали обновления и любви. Даже старушки на лавочках, даже бездомные собаки.

Цветочницы хищно высматривали среди мужского населения своих жертв, норовя всучить им втридорога увядающие букеты. До Восьмого марта оставалось чуть меньше двух недель, и город истерично готовился к празднику.

Евдокия остановилась у цветочного ларька и, прикрывшись от солнца рукой в вязаной варежке, придирчиво осмотрела витрину. Цветочница, не узрев в ней серьезного покупателя, продолжала лузгать семечки и листать какой-то журнал.

— Добрая женщина, у меня десять детей, муж алкоголик и мать инвалид, мне никогда не купить цветов! А так хочется праздника, ведь весна, солнце светит, птички поют... Может быть, у вас заваялся никудышный, вялый букетик, который нельзя продать? Может, отдадите мне его просто так, задаром?! — протараторила этот текст Евдокия, стараясь заглянуть продавщице в глаза.

Цветочница от такой наглости выронила журнал, подавилась семечками и закашлялась.

— Я не поняла, что вы хотите? — переспросила она.

— Букетик подарите, Христа ради, — улыбнулась ей Евдокия. — Дохленький какой-нибудь, который вам стоить ничего не будет, а доброе дело на небесах зачтется!

Тетка была такая убогенькая, такая улыбчивая, что продавщица подумала: а почему бы и нет, почему бы не сделать хорошее дело? Тем более что под прилавком пропадали букеты облетевших ромашек.

— Держи! — сунула она убогой зеленый веник. — Только там жуки какие-то ползают и плесень на стеблях.

— Спасибоочки, — улыбнулась Евдокия и уткнулась лицом в букет. — Жуки и плесень — ерунда! Главное — он весной пахнет!

Покинув магазин, Евдокия, прыгая через лужи, перешла дорогу, игнорируя пешеходный переход и светофор. Добравшись до противоположной обочины, сунула зеленый веник в объемную сумку, сняла берет, пригладила непослушные рыжие волосы и вскинула руку, чтобы поймать машину. Не прошло и минуты, как возле нее остановился частник на старом «Жигуле».

— Мне до поликлиники по «скорой» — сурово сказала она и, не дождаввшись согласия водителя, деловито уселась на переднее сиденье.

Шофер обреченно вздохнул и завел мотор. Где-то он слышал, что по «скорой» водители обязаны довозить пассажиров бесплатно.

Евдокия расслабилась и улыбнулась. Больше всего в жизни она любила халяву. В запасе у нее была тысяча способов заполучить бесплатно то, за что другие платили. Конечно, у нее не было ни десяти детей, ни мужа алкоголика, ни матери-инвалида. Она была одинока как перст и свободна как ветер. Сегодня день у Дуськи особенно удался. Как многодетной матери, сердобольная продавщица на рынке отсыпала ей из «не кондиции» килограмм подгнивших яблок, а в «секонд-хенде» удалось под свою широкую

юбку незаметно натянуть еще три юбки и одни брюки. Она ушла из «секонда» потолстевшая и довольная тем, что ее не поймали.

Евдокия была счастлива тем, что умела получать от жизни пусть не все, пусть поношенное, подгнившее, облетевшее, с жучками и плесенью, но зато — бесплатно. Зарплата, полученная утром от хозяек, лежала в сумке целехонькая.

И только одно Евдокия не могла заполучить на халяву: неземную любовь, о которой ей так мечталось. Мечталось не часто, как правило, раз в году, вот именно в это самое время, когда весна настойчиво зарождалась в недрах хмурой московской зимы, когда до Восьмого марта оставалось недели две и все, все вокруг ждали обновления и любви.

— О, Господи, — вздохнула Евдокия и, повернувшись к водителю, строго спросила: — И отчего вы ездите на такой развалюхе? Неужели не можете позволить себе нормальную иномарку?

— Пристегнитесь, гражданочка, — сухо попросил водитель. — И приготовьте денежки за проезд. Вот перестану халявщиков возить, глядишь, и на новый автомобиль наскребу.

«Накрылась зарплата, — тоскливо подумала Евдокия. — Минус, как минимум, сто рублей».

А ведь Дуська не была ни древней старухой, ни бездомной больной собакой, ей было всего тридцать два года, и в ее жилах, подгоняемая весной и гормонами, текла молодая горячая кровь.

— В полиции обещали завести уголовное дело! Они говорят, что во всем разберутся! Может быть... разберутся. Но когда это будет?! Сколько времени пройдет? Фирма «Юпитер» как в воду канула! Офис закрыт, где дирекция и риелторы, никто понятия не имеет! Ужас! Нора, как я могла так вляпаться?! Как?! Почему я?! Эта оксфордская скотина завезла в мою квартиру свою мебель, свои ковры, свою посуду и свою бытовую технику!! Он за свой счет поставил вторую дверь и застеклил балкон! Мои вещи растворились в его хламе, как... чайная ложка сахара в тонне песка! Он чувствует себя полным хозяином! Я мечтала, что в моей квартире будет много пустого пространства, много света и воздуха, а теперь там все заставлено, утыкано и... уделано!!! Он кухню со встроенной техникой заказал! Мой стеклянный столик стоит у окна, я завтракаю, как сиротинушка, пристроившись на кончике стула, готовлю украдкой, мой холодильник вытеснен в коридор, плетеная мебель-«прихожая», которую мне делали на заказ, стоит в комнате, где я обитаю вперемешку со спальным гарнитуром, стенкой и мягкой мебелью!! У-у-у, Норка, кажется, я убью его! Он храпит по ночам, жрет мои продукты, моется моим мылом, ворует туалетную бумагу и де-

сять раз на дню драит пол, потому что любит ходить босиком! Он нигде не работает и целыми днями торчит дома, потому что, видите ли, решил отдохнуть после десяти лет беспробудной пахоты! Мне пришлось вызвать слесаря и врезать замок в дверь своей комнаты, чтобы он не вздумал рыться в моих вещах, пока я на работе! Я ненавижу его, Норка! Мы живем в квартире всего несколько дней, а я чувствую, что готова подсыпать яду в продукты, которые он ворует!

Дина рыдала на рабочем столе, заливая слезами рукопись молодого даровитого автора, которую должна была отредактировать и отдать на верстку еще позавчера.

Нора сидела напротив нее, отрешенно кивала и, постукивая длинными ногтями по столу, о чем-то сосредоточенно думала.

— Норка, ты слышишь меня?! — обиженно окликнула ее Дина. — Я душу тебе изливаю, а ты...

— Динка, меня Тарасов бросил, — бесцветным голосом произнесла Нора, глядя в далекую точку за окном и продолжая тарабанить по столу ногтями.

— Как... бросил? — не поняла Дина.

Любовь Норы Кравцовой и Лехи Тарасова была незыблема как мироздание, как смена времен года. Она зародилась в детстве, длилась все школьные годы и не требовала никакого официального подтверждения в загсе, когда детские и юношеские годы прошли. Было решено сначала получить образование, сделать карьеру, встать на ноги, укрепиться материально, а потом уже идти в загс, обзаводиться детьми, строить дом и семейные отношения. Кравцова и Тарасов жили со своими родителями, работали в одном издательстве, встречались часто, но без удручающей страсти и неправильной надоедливости. Они не торопили события, потому что были друг в друге уверены так же, как в том, что утром будет восход, а вечером — закат.

Их спокойные, надежные, нежные, постоянные, без передрыг и излишних страстей отношения являлись для окружающих красивым примером того, что настоящая любовь существует.

И что там была потеря какой-то квартиры на Арбате, по сравнению с крахом такой любви!

Дина судорожно всхлипнула и залилась новым потоком слез.

— Как бросил?! Норка... может, он в командировку уехал?! В длительную?!

— Ага, в командировку, — усмехнулась Нора. — В другую жизнь. Пришел вчера вечером и сказал, что наши отношения себя изжили, что они изнасились, как старое пальто. Мы не должны жениться, потому что давно стали просто добрыми друзьями и почти родственниками, потому что

он встретил, наконец, человека, с которым почти теряет сознание от страсти и ощущения чего-то неизведанного, нового и прекрасного...

— Что, так и сказал?..

— Да, примерно так.

— И... кто этот человек, с которым Тарасов собирается идти к новому и прекрасному?

— Не знаю, — отрешенно сказала Нора, — но Ленка из отдела фантастики несколько раз видела Тарасова в обществе дочки нашего генерального. Дочке девятнадцать лет, она страшна как атомная война, и смотрит на Тарасова как кошка на пятидесятипроцентную сметану.

— Этого не может быть, — прошептала Дина. — Это так низко, так пошло, что этого просто не может быть!!!

— Может, — вздохнула Нора и, наконец, перевела взгляд с невидимой точки на Дину. — Еще как может! Но самое смешное, Динка, не в том, что Тарасов променял меня на богатенькую дочку влиятельного папаши, а в том... что я беременна. И буду рожать. Вот такой сериал. Так что, ты говоришь, там у тебя с квартирой? Какой-то хмырь поселился вместе с тобой?!

— Поселился... Нор, а ты... точно беременная? То есть, точно будешь рожать? В смысле, может быть, срок такой, что еще не поздно...

— Дин, мне уже двадцать девять лет, я вменяемый человек, и в отличие от Тарасова мне не надо обрабатывать дочку генерального директора нашего издательства, чтобы сделать карьеру. Я буду рожать, потому что... по-прежнему очень люблю Леху Тарасова и хочу ребенка только от него. Так что, ты говоришь, в полиции завели уголовное дело?!

— Завели. А Тарасову ты сказала, что ты беременна?!

— Нет, не сказала. И тебе не советую ему ничего говорить. Я не хочу, чтобы Тарасов знал, что у меня будет ребенок. Я даже с работы уволюсь, чтобы никто не видел меня беременной. Родители у меня небедные, прокормят какое-то время. И не вздумай меня жалеть! Все нормально, все хорошо, я приняла обдуманное решение и не изменю его. И хватит об этом! Так что, говоришь, парень, претендующий на твою жилплощадь, не очень-то симпатичный?!

— Да черт с ним, с этим претендующим! Если честно, я всегда смотрю ему в переносицу, поэтому понятия не имею, симпатичный он или нет. Скорее всего, урод. Нора, но как же так?! Как же ты уволишься?! Как же Тарасову ничего не скажешь?!

— Все! — Нора вытерла слезы, грохнула по столу кулаком и стала помогать собирать Дине рукопись. — Не смей говорить больше об этом! Ни о моей беременности, ни о Тарасове!! Я тебе рассказала об этом как лучшей подруге, чтобы ты знала истинную причину моего увольнения. Слушай, может, по чайку вдарим, подруга?

— Вдарим! — захохотала Дина и включила электрический чайник. Из своего стола она достала чашки, сахар, коробку конфет и пачку печенья.

Через минуту они гоняли чай, подстелив рукопись под чайник и чашки.

— Динка, а как зовут твоего мучителя?

— Понятия не имею. Он показывал мне свое свидетельство о собственности на квартиру, но у меня в глазах потемнело от злости, и я ничего не увидела, кроме фамилии Левин. Если честно, мне глубоко плевать, как его зовут.

— Как же ты к нему обращаешься?

— Я стараюсь к нему не обращаться. Но если приспичит, зову: «Эй!»

— Очень интеллигентно! — захохотала Нора. — Знаешь, когда ты о нем говоришь, у тебя глаза сверкают, зубы клацают, кулаки сжимаются — любо-дорого посмотреть! А ведь когда ты жила со своим Алексеевым, ты была похожа на замороженную треску.

— Норка, Алексеев — это тоже запрещенная тема, договорились?!

— Договорились. Боюсь, нам скоро не о чем будет говорить. А если серьезно, нужно этому твоему Змею Горынычу показать, что это он у тебя в гостях, а не ты у него.

— Как?!

— Давай устроим кутеж.

— Кутеж?! Мы?! Я — замороженная треска после развода, и ты — брошенная беременная?..

— Ну, моя беременность пока незаметна, и я еще долгое время могу себе много чего позволить — петь и плясать, например!

— Петь и плясать?! Наверное, я тоже это смогу... Ты думаешь, если мы будем громко петь и разнузданно плясать, этот Горыныч почувствует себя неудобно? — спросила с сомнением Дина.

— Думаю, да, — также неуверенно ответила Нора. — А еще можно разврат учинить, стриптизеров на дом вызвать.

— Идея со стриптизерами и кутежом мне нравится! Очень нравится!!

— Вот на Восьмое марта разврат и назначим! И вот еще что... Ты отпуск возьми недельки на две. Чтобы этот Змей хорошенько прочувствовал твое настойчивое присутствие в спорной квартире. А то он слишком хорошо там устроился, ты на работе сутками пропадаешь, а он балконы стеклит! Одним словом, ты отправляешься в отпуск, я увольняюсь, и мы готовимся к празднованию международного дня.

Дина вдруг поняла, что больше всего на свете хочет в отпуск...

Левин вынырнул из воды и, отфыркиваясь, поплыл к борту бассейна.

— Да, брат, отяжелел ты на своем Туманном Альбионе! — крикнул с берега поджарый, загорелый, сложенный как бог Клим Титов. — Ты что, в спортзал все эти годы вообще не ходил?!

— Я работал, — буркнул Левин, выбираясь на борт и пытаюсь справиться с жестокой одышкой. — Я пахал! Мне не до залов было. Сорок часов в неделю, плюс дополнительные занятия.

— Плюс дополнительные занятия! — передразнил его Клим и ткнул пальцем в живот. — Плюс двадцать лишних килограммов. Вес какой?

— Нормальный, — огрызнулся Левин и попытался улизнуть в душевую.

— Вес какой, я спрашиваю?

— Ну, сто двадцать... пять, — промямлил Левин, с опаской посмотрев на весы, которые стояли неподалеку.

— Кошмар! — схватился за голову Титов. — На сто девяносто семь роста, сто двадцать пять килограммов жира! И после этого ты удивляешься, что от тебя сбежала какая-то там Хрэн?!

— Клэр!

— Я из тебя сделаю человека! Массаж, тренажеры, диета и секс!!

Хуже проблемы, чем забота Титова о его фигуре, Левин и представить себе не мог. Климу принадлежала сеть модных тренажерных залов и фитнес-клубов, он был профессионалом и фанатом в деле грамотного построения красивого тела, его клиентами были олигархи с Рублевки и звезды шоу-бизнеса, поэтому, учитывая глубокую дружескую привязанность Титова к Левину, отвязаться от его услуг будет невысказано, если только не свалить обратно в Англию.

А Клим продолжал:

— Если бы у тебя были прокачаны квадрицепсы, ни одна сволочь не рискнула бы продать тебе квартиру второй раз! Кстати, как дела с осадой жилплощади?

— Плохо. Мадам не желает съезжать в гостиницу, хотя я сделал все возможное, чтобы она почувствовала себя нежеланной гостьей. Мадам бегает по инстанциям, пишет жалобы и заявления. Нас даже пару раз таскали на допрос в прокуратуру, но дело пока с мертвой точки не сдвинулось. Агентство, продавшее квартиру, исчезло. Свидетельства о собственности — поддельные! Они отпечатаны на цветном лазерном принтере! Как я мог этого не заметить, не представляю!

— А прописка? — удивился Клим. — Прописка тоже отпечатана на цветном принтере?

— А прописка, как ни странно, настоящая. И у нее настоящая. Бред, фантастика и беспредел! Такое возможно только в России. Кому принадлежала квартира до двойной продажи, сейчас выясняется. В общем, сплошной криминал, а с кого спрашивать, непонятно. А главное, я не намерен никому уступать эту квартиру, чего бы мне это ни стоило. Это моя квартира! По ощущениям, по энергетике...

— Она страшная? — серьезно спросил Титов, резво перебирая ногами по движущей ленте.

— Кто?!

— Твоя совладелица на Арбате.

— Не знаю, — пробормотал Левин. — Волосы — во! — рубанул он вертикально воздух руками, обозначая волосы. — Глаза — во! — приставил он к глазам сложенные окулярами пальцы. — Нос...— Левин на минуту задумался, но все же обозначил шнобель размером с генетически модифицированную морковку. — Во-о! А губы...— Левин оттопырил губы, вывернув их, сколько мог, наизнанку.

— Кошмар! — ужаснулся Титов. — Но хоть молодая?

— Старше, чем ты обычно рекомендуешь.

— Зовут-то как?

— Как собаку. Дина!

— Жуткая картина вырисовывается, Левин! Старая калоша с собачьим именем Динка мешает жить моему лучшему другу! С этим надо что-то делать.

— Что?

— Выживать ее надо!

— Как?!

— Страшным мужским запоем.

— Ты же знаешь, я особо не пью.

— Ты меня позови. Два особо непьющих парня могут заставить бежать немолодую, некрасивую девушку куда глаза глядят, и больше не возвращаться!

Предлагаю организовать у тебя мальчишник.

— Согласен. И кто мальчишки?!

— Я и ты. Этого более чем достаточно. Вызовем стриптизерш, напьемся в хлам и устроим такой разврат, что эта Динка убежит со спорной территории, роняя тапки!

— Я... не умею... разврат...

— Я тебя научу. Итак, на Восьмое марта назначаем операцию по зачистке территории.

— Как-то неудобно в Международный женский день зачищать территорию от женщин.

— Неудобно с бурдюком вместо пресса ходить, Левин! И потом, ты же сам говоришь, что эта квартира должна принадлежать только тебе. Хочешь, сам переезжай в гостиницу до разрешения спора!

— Не хочу! Это моя квартира! Вид из окна на Храм Спаса Преображения на Песках, пять минут до метро Александровский сад! Где я еще такую найду? И потом... Там привидения! Кто-то храпит по ночам, ворует продукты

из холодильника, отматывает туалетную бумагу и тибрит мыло из ванной!!
Такую прелесть я никому не отдам! Это мое привидение!

— Тогда зачистка, Левин! Долой нежелательных дам, да здравствуют симпатичные привидения!

— Жениться вам надо, — сказал вдруг пожилой массажист, трудившийся над Левиным. — А то совсем озверели.

— Уволю, Михалыч, — незло пригрозил Титов. — Мало того, что уши развесил, так еще и комментарии выдаешь!

— Не уволите, Клим Кузьмич, уж больно специалист я хороший! А жениться вам, мужики, все равно надо, это я вам как массажист говорю.

— Хорошая квартирка. Неужели твоя?

— Моя. — Евдокия оглянулась, прикидывая, как бы удрать в ванную и снять с себя уродующие ее лишние шмотки.

— Живут же люди! — мечтательно произнес кавказского замеса красавец-таксист, которого Евдокия пригласила к себе, и пошел по квартире, внимательно оглядывая каждый угол. — Комнаты отдельные, кухня большая, вид из окна на Храм, а потолки высоченные-то какие! — Он задрал голову и восхищенно уставился в потолок.

Воспользовавшись моментом, Евдокия улизнула в ванную и начала быстро стаскивать с себя украденные в «секонде» шмотки. Она любовно сложила шмотки аккуратной стопкой, достала из сумки розовую помаду, прихваченную во время уборки у одной из хозяек, и густо наредила губы. Туши для ресниц не было, тонального крема, чтобы замазать веснушки, — тоже не было. Дуська вздохнула и подумала, что мужчины — очень разорительное удовольствие.

— Ты одна живешь? — крикнул из-за двери парень кавказского замеса.

Евдокия вышла из ванной, обошла комнаты и нашла его на кухне. Он задумчиво смотрел в окно.

— Одна, — с замиранием сердца тихо сказала она. — Одна одинешенька. Работа у меня хорошая. Платят много.

Зачем она это сказала?! Уж не собирается ли захомутать его с помощью своего материального благополучия?! Делиться деньгами с кем бы то ни было не входило в Дуськины привычки, и она очень себе удивилась. А вдруг он маньяк? Убийца! Вон как глаза блестят, да и кавказская кровь к ухаживаниям не располагает, только к напористым боевым действиям.

Повизжать, что ли, чтобы соседи услышали?! А она, дура, ему сто рублей за проезд отдала!

— Ты меня чаем обещала напоить, рыжая, — засмеялся таксист и, взглянув на ее лицо, добавил: — Ты чего побледнела так? Чего глаза выпучила? Хвост у меня, что ли, вырос? Или рога?!

Евдокия забежала по кухне, открывая подряд все шкафы, отыскивая заварку, сахар, чайник, чашки и ложки. Чай нашелся, причем, хороший, дорогой, импортный, красных сортов. Сахар тоже оказался необычный — коричневый. В холодильнике Дуська обнаружила мармелад и банку малинового джема в диковинной, фигурной баночке.

— Богато живешь, — одобрил продукты парень, и Дуська окончательно успокоилась насчет его «преступных» намерений. — Только что-то совсем не знаешь, что где лежит! — усмехнулся он.

Евдокия залилась краской, засуетилась, стала заваривать чай и разливать его по чашкам.

— А ты, мать, вроде как постройнела, — удивился гость. — Мне показалось, ты толще была!

— Тебе показалось, — буркнула Дуська, теребя подол длинной юбки.

— Ничего, я тебя откормлю. — Парень отодвинул чашку, встал и подошел к ней. — Пустишь меня на постой?

Дуська молчала.

Неужели не будет насиловать? И убивать не будет?! Неужели жить к ней просится?!

Такого кошмарного счастья с ней в жизни не приключалось.

— Пу-пу-пуцу, — пробормотала она, думая, что теперь непременно придется тратиться на тональный крем, тушь для ресниц, ажурные чулки и новую обувь.

— Здорово! — улыбнулся кандидат в сожители. — Я тебе коридор подремантирую, в ванной плитку подклею, на кухне с сантехникой разберусь.

Евдокия, не совладав с собой, вскочила и бросилась ему на шею.

— Живи, сколько хочешь, миленький, — прошептала она, уткнувшись носом в его вязаный свитер, пропахший потом и табаком, — я только рада буду! А коридор не ремонтируй, фиг с ним, с коридором, и с ванной — фиг, мне же только ты нужен, а не рабочая сила!

— Тебя как зовут-то, рыжая?

— Евдокия.

— Чудно! Старомодно как-то. Давай, я тебя Евой звать буду!

— Давай. А тебя как зовут?

— Алексей.

— Тоже чудно. Ты весь такой... грузино-армянский, а имя русское. Давай, я тебя Алексом звать буду!

— Валяй! А может, распишемся, рыжая? Чего kota за хвост тянуть?

Евдокия почувствовала, что теряет сознание. Никто никогда не звал ее «расписываться». Никто не предлагал называть ее Евой.

За все разнесчастные тридцать два года на нее ни разу не обрушивалось лавиной так много счастья сразу...

— Ой, не знаю...— прошептала она, вцепившись в его плечи, чтобы не упасть. — Я никогда не расписывалась...

— Эй! Ты чего падаешь? Припадочная, что ли, попалась... Эх, первый раз в жизни предложение сделал! Такие хоромы...

Евдокия счастливо упала в обморок. Шалопайка-весна начисто выбила из ее бедной головы остатки мозгов. Последняя, уплывающая мысль была: а как же теперь выкручиваться?

Как замуж идти?!!

Ведь квартирка-то... черт знает, чья.

Глава третья

ПОТОП

— Здравствуй, милая!

— Привет... дорогая.

— Как обстоят дела с черной икрой?

— Плохо. Вчера по телевизору сообщили, что ее делают из нефти.

— Не всю, милая. Только дешевую!

— А ты думаешь, я покупаю ту, что дороже двухсот долларов за сто грамм?! Хорошего же ты обо мне мнения!

— Пессимизм косит наши ряды. Отчего такая депрессия?

— Не знаю, Верунь... Что-то сердце вчера прихватило, голова заболела, суставы скрутило, и я вдруг поняла, что мне даже не пятьдесят лет!

— Уверяю тебя, сердце, голова и суставы выкаблучиваются даже у двадцатилетних. Твое преимущество, знаешь, в чем?

— В чем, дорогая?

— В том, милая, что ты уже дожила до шестидесяти с хвостиком, а двадцатилетние, еще неизвестно, доживут или нет.

— Спасибо, утешила.

— Но с икрой ты все же поосторожней. Мой кот отравился твоими «Щечками королевы» и чуть не помер, бедняга. Пришлось тратиться на ветеринара.

— Слабые коты нынче пошли.

— Да уж!

— Скажи, ты позвонила мне, чтобы...

— Чтобы успокоить тебя! Дуська на все согласна! Я с ней поговорила. Запускаем в действие «вариант «Б»! Правда, цену за свои услуги «модели» она заломила приличную.

— Какую?

— Тысячу евро!

— Ой! Легче было нанять Наоми Кэмпбелл!

— Мулатки нам ни к чему, да еще знаменитые и скандальные. Если ты, Кларунь, добавишь хотя бы триста...

— Да я все пятьсот добавлю, Верунь! Это же наше общее дело, значит, тратимся пополам. А Дуська — дрянь, если честно. Вчера духи у меня французские сперла, старые, на донышке чуть-чуть оставалось! Как будто я не замечу!

— Ой, да не обращай внимания! Она девка добрая, таскает по мелочам старье всякое, пусть таскает! Где ты сейчас домработницу найдешь, которая бы не таскала?! Эта хоть деньги и драгоценности не берет. Черт с ней! Я делаю вид, что не замечаю.

— Вот и я делаю вид. А ворует она действительно только то, что давно пора выбросить. Зато убирается хорошо.

— И готовит волшебю!

— А главное — умеет держать язык за зубами.

— Я тут подумала... — А ведь мы у нее на крючке! Мы, две тонкие, интеллигентные, умные женщины на крючке у малообразованной, глупой девки! Как ты думаешь, она не станет нас шантажировать?

— Дуська?! Да ума у нее не хватит!

— Ой, не знаю, не знаю... Книжек она не читает, а вот телевизор запоем смотрит. А там, сама знаешь — что ни передача, то пособие по шантажу.

— Милая моя, а что делают с шантажистами?

— Убивают, дорогая.

— О-о!... Кажется, на сегодня разговоров достаточно. Бай, милая!

— Бай-бай, дорогая!

Жизнь стала невыносимой. Если раньше Дина могла убегать на работу и за чтением рукописей отдыхать от непримиримой войны за квартиру, то теперь приходилось с утра до вечера торчать дома, закрепляя свое присутствие на спорной территории.

Выйдя в отпуск, она первым делом вызвала из ЖЭКа электрика.

Тот пришел в десять утра. Левин жарил на кухне яичницу, нацепив цветастый передник на голый торс, а Дина со злостью красила ресницы, потому что завела за правило — не появляться без макияжа перед вынужденным сожителем. В пику его голому брюху и босым ногам она ходила по дому в джинсах, блузках, на каблуках и в лучших украшениях, которые у нее были. Сегодня она надела фиолетовые топазы в белом золоте. Подарок Стаса на какую-то там годовщину их свадьбы...

Звонок прозвенел резко и неожиданно. Дина побежала открывать дверь, но Левин опередил ее.

— Электрику вызывали? — распространяя запах перегара, спросил мужик в нечистой спецовке.

— Да! — крикнула Дина, пытаясь отпихнуть Левина.

— Нет, — мрачно произнес Левин, горячей сковородкой преграждая ей путь.

— Не понял, — удивился электрик и, сильно качнувшись, повторил вопрос громче: — Электрику вызывали?!!

— Да! — поднырнув под локтем Левина, Дина выскочила на площадку и впихнула нетрезвого мастера в холл.

— Нет! — Левин перехватил податливое тело работника ЖЭКа и попытался выставить его за дверь

— Электрику вызывали?!! — заорал мастер, упираясь пятками в пол.

Дина оттолкнула Левина, обняла работника ЖЭКа за плечи и, бережно приставив его к нужной стене, обозначила проблему:

— Выключатель не работает.

— Работает! — возразил Левин.

— Мамаша с папашей, — возмутился электрик, — вы договоритесь сначала, что у вас не работает! — Он открыл чемодан и достал длинную отвертку.

— Я не мамаша, — чуть не плача, пробормотала Дина.

— А я, соответственно, не папаша, — заявил Левин и с тоской посмотрел на остывающую яичницу.

— Электрику вызывали?! — истошно выкрикнул работник ЖЭКа.

— Нет! — Да! — хором проорали Дина и Левин.

— У меня тоже жена вредная, — вдруг тихо и доверительно сообщил электрик Левину. — Как выпью, так она вот точно такая же стерва!!

— Я не жена! Не его жена!! — заорала Дина.

— На вашем месте я бы отрицал, что вы стерва, — ехидно усмехнулся Левин и, подцепив со сковородки кусок яичницы, сунул его в рот.

— Вот молодцы, на «вы» общаетесь, — одобрил электрик и сунул отвертку в дебри неисправного выключателя.

Раздался треск, полетели искры.

— Е! — только и успел сказать мастер, отлетая к противоположной стене. Он странно дернулся пару раз и сполз на пол, свесив голову на бок.

— А-а-а-а! — заорала Дина.

— Тьфу! — плюнул Левин. — Я же предупреждал, что выключатель под напряжением! Я починил его! Сам! Вот этими вот руками!!

Дина с ужасом посмотрела на его руки и бросилась к электрику.

— Эй! — похлопала она мастера по щекам. — Эй, вы живы?

— Плюс на минус дает... охренительный результат, — пробормотал электрик, открывая глаза. — У вас электролит есть?

— Что?! — не поняла Дина.

— Сто грамм. Для удовлетворения от работы, — пояснил работник ЖЭКа, щелкнув себя по горлу.

— Нет, — нахмурилась Дина.

— Да! — Левин с готовностью бросился на кухню и принес стопку с водкой и соленый огурчик.

— Плюс на минус... — Электрик влил в себя водку, похрустел огурчиком, встал, отряхнулся и, хлопнув Левина по плечу, воскликнул: — Молодец! Таковую стерву терпишь! Я бы выгнал.

— Не получается, — вздохнул Левин и тоже панибратски похлопал мастера по плечу: — Я тебе ничего не должен?

— Не, я ж почти не работал, — великодушно отмахнулся мастер и ушел.

Дина заплакала злыми слезами, чувствуя, как тушь течет по щекам.

— Вы — дерьмо, господин Как Вас Там, — процедила она сквозь зубы, когда дверь за электриком закрылась. — Я вас ненавижу!

— Вы мне тоже не нравитесь, — сказал Левин, с тоской глядя на остывающую яичницу.

— Как вы смели ремонтировать выключатель, не поставив в известность меня?! — заорала на него Дина.

— Это мой выключатель, что хочу, то с ним и делаю, — буркнул Левин через плечо, удаляясь на кухню.

Дина бросилась в свою комнату. В тесно заставленном мебелью пространстве она ударилась сначала коленом об угол дивана, потом плечом о плетеную вешалку.

Слезы кончились, зато злости осталось достаточно. Девать ее было абсолютно некуда, поэтому Дина выхватила из коробки с сервизом чайную пару и с удовольствием грохнула ее об пол. Чашка с блюдцем с готовностью разлетелись на десятки мелких цветных осколков...

— Эй, а чему вы учили англоязычных оболтусов?! — крикнула она, высунувшись из комнаты.

— Русскому языку, — равнодушно ответил Левин из кухни.

— Конечно! — захохотала Дина. — Гнилой гуманитарий!!! Что, на точные науки мозгов не хватает?!

— Вы, мадам, кажется, тоже не кандидат физмат наук, — вяло парировал Левин. — Что, тоже мозгов не хватило?

— Я — женщина! — крикнула Дина. — Женщинам филологическое образование очень даже к лицу, а вот такому здоровому мужику, как вы...

Если только вы не Лауреат Госпремии, конечно. Но вы же не Лауреат, господин Как Вас Там?!

Он появился перед ней неожиданно, словно крался из кухни на цыпочках. Дина отступила на шаг назад и прикрыла дверь, оставив лишь щелку, в которую хотела полюбоваться на его хмурое, раздраженное лицо.

Судя по всему, он хотел сказать что-то хлесткое, злое, но не успел, так как в дверь опять позвонили.

Дина бросилась в холл, на этот раз опередив Левина.

— Не трогайте мой замок! — крикнул Левин ей в спину, но она уже открыла дверь.

На пороге стоял рослый парень с большим чемоданом.

— Сантехника вызывали? — спросил он.

— Нет!!!

— Да!!! — Левин не дал ей захлопнуть дверь и широким жестом пригласил парня в квартиру.

В отличие от электрика, сантехник был трезв, деловит и благоухал хошим одеколоном.

— Мне не нужен сантехник! — топнула ногой Дина.

— Мне нужен, — отрезал Левин. — Проходите, пожалуйста, — пригласил он парня в квартиру. — В ванной нужно установить раковину.

— Нет!

— Да!

Сантехник растерянно посмотрел сначала на Дину, потом на Левина и пожал плечами:

— Я чего-то не понял, мне работать или оформлять ложный вызов?

— Оформляйте! — приказала Дина.

— Работайте! — распорядился Левин и притащил из своей комнаты огромную раковину мрачного зеленого цвета.

— Нет! Не позволю, чтобы эта гадость стояла в моей ванной! — Дина прижалась спиной к двери, преграждая сантехнику путь.

Левин отодвинул ее в сторону и распахнул дверь перед сантехником:

— Прошу вас!

— Вы меня путаете, — проворчал сантехник, распахивая свой вместительный чемодан.

— Подождите! — Дина побежала в свою комнату. Спотыкаясь и путаясь в лабиринтах заставленного пространства, она отыскала и принесла купленную вчера маленькую, аккуратную раковину прекрасного персикового цвета и вручила ее сантехнику:

— Вот эту, пожалуйста, ставьте!

— Я что-то не понял, — округлил глаза парень. — Вы с мужем сначала договоритесь, а потом...

— Он мне не муж!! Он тут... случайно!

— Со своей раковиной? — ухмыльнулся сантехник.

— Послушайте, — доверительно взял под локоть сантехника Левин. — Я вас вызвал, я вам плачу, мою раковину и ставьте!

— Уважаемый! — подхватила парня под другой локоток Дина. — Я вам заплачу на пятьсот рублей больше, только не ставьте этот зеленый кошмар, поставьте вот эту прелесть!

Сантехник дернулся у них в руках, как карась на крючке, но они держали его очень крепко.

— Раковину нужно ставить зеленую, потому что со временем здесь будет малахитовая плитка, малахитовая ванна и малахитовый унитаз, — назидательно произнес Левин, еще крепче сжимая локоть сантехника.

— Со временем здесь будет персиковая плитка, персиковая ванна и персиковый унитаз! — прошипела Дина. — Поэтому раковину нужно ставить персиковую!

— Помогите! — прошептал парень и рванулся так, что ни Дина, ни Левин, не смогли его удержать. Схватив чемодан, сантехник исчез за дверью, успев выкрикнуть:

— Идиоты! Лечиться надо!!

— Вы... вы... маленькая вредительница! — задохнулся от бешенства Левин.

— А вы... вы... мелкий пакостник, обожающий депрессивные цвета!

— Дрянь!

— Оксфордский урод!

— Гадина!

— Дебильный филолог!

— Ведьма!

— Но в хорошем смысле этого слова!!!

Но этой победной ноте Дина ушла в свою комнату, хлопнув дверью так, что посыпалась штукатурка.

«Надо же, в хорошем смысле этого слова! — думал Левин, упаковывая раковину обратно в коробку. — Как ответила, стерва! Словно сто лет репетировала!»

Раковина выскользнула из рук, упала на пол, и на ее малахитовой благородной поверхности появилась длинная трещина.

— Черт! — выругался Левин — Что делается, не понимаю. Полиция бездействует, прокуратура молчит. Мошенников, продавших эту квартиру, ищут, но как-то вяло и между делом. Мадам сидит дома, как курица на насесте, — отпуск, что ли, взяла? Она шастает по квартире в золоте и дра-

гоценных камнях, цокает каблуками как кобыла копытами, ни хрена не делает по хозяйству, стучается в своей комнате обо все углы, взвизгивая при этом, а главное — она везде роняет свои длинные волосы, которые цепляются за тряпку, когда он моет полы, и потом их приходится вытягивать из тряпки, воевать с ними, скручивать, спускать в унитаз и все равно находить их в самых разных местах — в постели, например, или на подкладке кашемирового пальто... Что делается!!!

Беспорядочные мысли роились в Левинской голове, и он с удивлением вдруг обнаружил, что среди них нет ни одной мысли о Клэр. Это так удивило его, что он снова ругнулся — на этот раз весело и со вкусом.

Предстояло тащиться на тренировку к Титову, и Левин нехотя стал собираться. Он пробовал пропускать тренировки, но Титов устраивал по телефону такой разнос, что легче было попотеть под штангой и на беговой дорожке, чем выслушивать потом вопли Клима об уродстве своей фигуры.

Он переоделся, собрал сумку и вдруг услышал за дверью быстрый топот, грохот ведер и, переполненный любопытством, вышел из комнаты. Мимо него промчалась Дина с тазом.

— Баба с пустым тазом — плохая примета, — крикнул ей в спину Левин. — Куда бежим, медемуазель?!

— Меня затопило, — сообщила из кухни Дина.

Левин зашел на кухню и увидел, как она подставляет таз под капаящую с потолка воду. Рядом с тазом стояли ведра, какие-то миски, даже пустые цветочные горшки, и все эти емкости быстро заполнялись водой, льющей-ся с потолка.

— Э-э, — присвистнул Левин, — да это меня затопило! Стойте здесь с тазом, спасайте мои полы, а я побегу к соседям!

— Ага, сейчас! Это мои соседи, и к ним побегу я!

Отпихивая друг друга, они выбежали из квартиры и помчались наверх.

Плохо Левин тренировался на беговых дорожках, плохо! Дина без труда обогнала его и первой подбежала к двери соседской квартиры. Звонок, правда, оказался непомерно высоко закреплен, и она, два раза нелепо подпрыгнув, так и не достала до него. Усмехнувшись, Левин с остервенением вдавил кнопку.

Дверь никто не открыл. Дина начала пинать ее ногами, и Левин, подумав, присоединился к ней, справедливо решив, что в таком деле можно быть и союзниками. Они молча и вразной били в соседскую дверь, одинаково раскрасневшиеся, с одинаково свирепыми лицами...

— Ну, етитская сила!!! — раздался вдруг сиплый голос, и на площадку из противоположной квартиры вышел мужичок в белой майке, широких черных трусах и валенках. — Ну чего вы, как дятлы, долбитесь?! Нету там никого!

— Что значит, нет никого?!!

— Да чего вы орете?! — возмутился мужик. — В этой квартире уже пять лет никто не живет! Хозяева уехали на ПМЖ в США!

— Как на ПМЖ?! — возмутилась Дина. — Какое, к черту, США, если в данный момент они заливают мою квартиру?!

— Мою квартиру, — с нажимом поправил Левин, оттесняя ее плечом от двери и опять начиная трезвонить.

Неожиданно дверь бесшумно открылась. На пороге стоял высокий, бритый наголо парень, черты лица которого выдавали кавказских предков. Вот только голубые глаза диссонировали с орлиным носом, черными бровями вразлет и тонкими усиками. Затуманенный взгляд парня выдавал, что он долго и крепко спал.

— А это что еще за моджахед? — потрясенно пробормотал мужик в валенках. — Ты как в квартиру попал, мурло гастарбайтерское?!

— Я тут живу, чучело, — без малейшего акцента ответил парень, протирая заспанные глаза.

Оттолкнув его, Левин ринулся в квартиру. На кухне из крана хлестала вода. Раковина была забита посудой, поэтому вода перелилась через край и образовала на полу огромную лужу. Он закрыл кран, выкинул из раковины посуду, чтобы дать накопившейся воде стечь, и только тут заметил, что мадам уже надраивает полы кухонным полотенцем, которое она содрала с крючка. Дина собирала воду широкими размашистыми движениями и выжимала полотенце в раковину.

— Эй, люди, вы чего тут хозяйничаете? — возмутился парень с кавказским носом. — Чего полы мои моете, посуду бьете?!

— Ты, урод, мою кухню залил, — запыхавшись, сообщила ему Дина и швырнула мокрое полотенце в парня.

— Будешь делать ремонт на моей кухне! — жестко сказал ему Левин.

— С чего ради? — нагло ухмыльнулся тот, посмотрев сначала на Дину, потом на Левина. — Я что, две кухни залил?

— Одну, — буркнул Левин, — но очень и очень спорную.

— Это как?

— Так! С вас, гражданин, сто долларов за побелку.

— Пятьсот, на замену потолочной плитки, — надменно добавила Дина.

— Я не понял, так у вас плитка или побелка?!

— Плитка!

— Побелка!!

— Ну, так я вам ничего не должен, раз у вас настолько спорная кухня, — захохотал парень.

— Ну, етитская сила, вы кто такие?! — всерьез обеспокоился мужик в валенках.

— А ты кто такой?! — с наездом спросил его парень.

— Я... Филипп Филиппович Портнягин! Старший по подъезду! Я сорок два года в этом доме живу, а вас первый раз вижу! Вы кто?!

— Никто, — буркнул Левин и хотел выйти из квартиры, но Портнягин преградил ему путь.

— Он — никто, а я ваша новая соседка из пятой квартиры, — любезно пропела Дина. — Очень приятно познакомиться, меня зовут Дина Алексеевна. Это хорошо, что вы старший по подъезду, вот, будете свидетелем, что этот товарищ меня залил!

— Он меня залил! — не выдержал Левин. — Меня!

— Вы кто?! — тупо повторил старший по подъезду, обращаясь в Левину.

— Ваш! Сосед! С нижнего! Этажа! — крикнул Левин ему в лицо. — И это меня он залил! — ткнул он пальцем в кавказского парня. — И вы, как старший по подъезду, если что, подтвердите этот печальный случай!

— Супруги! — осенило мужика в валенках. — Которые рассорились...

— Не-е-ет! — в один голос закричали Дина и Левин и наперегонки бросились вниз, на второй этаж.

— Топай отсюда, дядя, а то валенки промочишь, — посоветовал Портнягину парень.

— А ты кто?! — решил тот не сдаваться. — Птичкины сто лет назад отсюда уехали...

— Я твой новый сосед, — похлопал его по плечу кавказец. — Женюсь я на Птичкиной!

— На которой?

— На Еве! Евдокии, то есть, — пояснил парень, захлопывая дверь у него перед носом.

— Дурдом, — пробормотал Филипп Филиппович. — Нет у Птичкиных никакой Евдокии! А уж Евы тем более! Ну, етитская сила, понаехали тут... моджахеды!!

Он поплелся в свою квартиру, с сожалением рассматривая валенки, которые все-таки успели промокнуть.

Урон от потопа оказался не очень велик: намокшая плитка — все-таки на потолке была плитка, а не побелка! — подтеки на крашенных стенах и вздувшийся в одном месте мокрый линолеум.

Убрав с кухни тазы и ведра, Левин решил принять душ. Но ванная оказалась занята. За дверью слышался возбужденный голос Дины, и он понял, что она разговаривает по мобильнику. Без малейшего угрызения совести Левин припал ухом к двери.

— Нора, я не могу так больше! — почти кричала мадам в трубку. — Я го-

това его убить! Мне надоело краситься дома, одеваться, словно на подиум, и ходить на каблуках! Я хочу шастать по дому растрепанной, в тапочках и в халате. В полиции говорят, что я должна подождать. Я и жду! Только сил моих больше нет! Боюсь, им придется расследовать загадочное убийство оксфордского преподавателя. Ты сдала все анализы? Что?! Гемоглобин пониженный?! Ешь больше мяса и красных фруктов. Откуда знаю? Да он у меня всю жизнь пониженный, потому что я мяса не ем и красные фрукты терпеть не могу. А ты ешь, ты беременная! Эх, Норка, счастливая ты... Слушай, может, мне завести собаку? Огромную! Злую! Кусачую! Чтобы хватала его за пятки, когда он из своей комнаты высунется! Да, ты права, я такую собаку не прокормлю. Да и гулять с ней утром надо, по холодку, бр-р-р!!! — Наверное, она нажала отбой, потому что дверь с размаха вдруг ударила Левина в лоб.

— Ого! — захохотала Дина. — Да вы, никак, подслушивали, сэ-эр!

— Я шел мимо, а вы меня ударили дверью! — оскорблено вздернул подбородок Левин.

— Ну, идите, идите, — помахала ему Дина ручкой, на которой фиолетовым огнем полыхнул топаз, и вдруг неожиданно выкрикнула: — Стойте!

— Что? — замер на месте Левин.

— Как вас зовут?

— Левин.

— Я спрашиваю, как вас зовут!

— Зачем вам?! Вы собираетесь обращаться ко мне по имени-отчеству?!

— Нет, но я имею право знать, с кем живу под одной крышей.

— Меня зовут Левин.

— Вы трус, господин Левин? Почему не хотите назвать свое имя?

— Не придуривайтесь, вы прочитали мое имя в документах на квартиру!

— Я забыла. Вернее, не обратила внимание.

— Это ваши проблемы.

— Скажите, как вас зовут, или я расскажу следствию, что вы шифруетесь и подслушиваете мои разговоры под дверью. Как вы думаете, это не покажется подозрительным?

— Лев! — выкрикнул Левин. — Меня зовут Лев Сергеевич! Вы удовлетворены?!

— Лев! Подумать только... — рассмеялась Дина. — Лев Левин!

— У вас тоже имечко еще то! Вы в курсе, что восемьдесят процентов сучек зовут Динками?!

Она замолчала, побледнела, а ее топазы засияли еще ярче и злее.

Левин развернулся и хлопнул дверью своей комнаты у нее перед носом.

От глухого бешенства началась аритмия, а перед глазами заплясали черные мушки. Как эта дрянь сказала? Заведет собаку? Злую, огромную и лохматую! Да она сама как...

Собак Левин боялся.

Особенно злых, больших и лохматых.

Дуська впервые в жизни делала прическу.

Да не где-нибудь в захолустной парикмахерской, а в салоне красоты. И не по легенде: «я мать десятерых детей, подстригите меня подешевле», а по полному прейскуранту для небедных людей.

Она сидела в высоком кресле, болтала ногами и, глядя на себя в зеркало, счастливо улыбалась.

— А я замуж выхожу, — не выдержав, сообщила она девушке, которая трудилась над ее головой.

— Поздравляю, — равнодушно отозвалась парикмахерша.

— Не сегодня, конечно, а через две недели. В загсе очередь, представляете? А жених у меня такой красавец, что того и гляди, уведут, — вздохнула Дуська.

— Филировочку делать будете? — спросила парикмахерша.

Это прибавляло к цене прически еще рублей пятьсот, но Евдокии так фантастически везло в последнее время, что филировочка была бы заслуженной наградой за это везение.

Все началось с удивительной встречи с Алексом, а закончилось странным заданием хозяек, за которое они согласились заплатить Дуське тысячу евро. Услуга была ерундовая — полежать в перемазанной кровью ванной, изображая труп... Но все это пахло криминалом и Дуська, соответственно, заломила вполне справедливую цену. Теперь-то она понимает, что могла заломить и больше, хозяйки — бабки небедные, но это она сообразила позже, а все потому, что голова ее была забита любовью.

Ну, ничего, тысяча евро тоже деньги хорошие, тем более что работы на пять минут. Впереди маячила счастливая жизнь с мужем-красавцем, с тысячей евро на сберкнижке, с тайной, которую она знает о своих хозяйках, но пока толком не сообразит, как эту тайну использовать...

Конечно, Евдокия не была настолько наивна, чтобы думать, что счастье — величина постоянная, но не схватить его за ускользающий хвост, не попытаться удержать в своих цепких руках было не в ее правилах. Вот только квартирный вопрос подкачал. Дуське принадлежала всего лишь маленькая комната в коммуналке, и устроить свою личную жизнь с таким «приданным» не представлялось возможным. Как только у нее появился доступ к двухкомнатным хоромам на Арбате, так сразу и жених нарисовался.

— Блин, опять преступник сбежал, — указала ножницами на экран парикмахерша. — Куда смотрят, уроды? Я домой за полночь со смены возвращаюсь, деньги, документы, сотовый всегда при мне, а куда их девать?!

Дуська глянула на экран и... вскочила, срывая через голову палантин.

«Разыскивается опасный преступник Томас Александрович Ревазов, совершивший дерзкий побег из изолятора временного содержания, — бесстрастно вещал закадровый голос, озвучивая крупный план фотографии на экране. — Угрожая ножом, преступник напал на граждан в темное время суток и требовал отдать сотовые телефоны, деньги и драгоценности. На счету Ревазова более двадцати таких эпизодов. Побег был совершен при перевозке преступника из изолятора в СИЗО. Ревазов напал на конвойного, нанес ему черепно-мозговую травму и скрылся. Конвойный в тяжелом состоянии находится в больнице, врачи говорят, что шансов выжить у него почти нет. Приметы Ревазова: рост — сто восемьдесят пять сантиметров, телосложение худощавое, волосы черные, нос с горбинкой, глаза голубые, на подбородке ямочка. Может иметь при себе чужие документы, возможно, ездит на «Жигулях» шестой модели синего цвета. Знающих о его местонахождении просьба позвонить по телефону...»

Евдокия схватила сумку, сорвала с вешалки пуховик и бросилась вон из зала.

— Стой! — кинулась за ней парикмахерша. — Стой, я тебе говорю! Держите эту курицу, она не заплатила!!

Дуська выхватила из сумки пачку денег и швырнула ее на стойку ресепшен.

Вопли сзади утихли, погоня прекратилась. Она выскочила на улицу и пошла, не разбирая дороги, ничего не видя перед собой. Пуховик так и болтался у нее на руке.

Оказывается, Алекс — вовсе не Алекс, его зовут Томас, он промышлял грабежами, удрал из ИВС, изувечив конвойного, и теперь отсиживается у нее, поманив предварительно замуж, чтобы та не выставила его...

И что делать?! В полицию бежать?

От мысли, что свадьбы не будет, у Дуськи перехватило дыхание и подкосились колени. Она натянула на себя пуховик и поплелась по дороге, шлепая по глубоким лужам.

Ну и что, что грабитель, ведь — не убийца! — мелькнула мысль. А ей он будет всю жизнь благодарен, потому что она спасет его.

Евдокия вытащила из сумки простенький старый мобильник, набрала ноль-два и громко сказала дежурному:

— Хрен вам собачий, а не мой Алекс!!

Это было чистой воды детство и хулиганство, но Евдокия почувствовала себя героиней оscarоносного фильма.

До дома она дошла пешком, промочив ноги и застудив на холодном ветру уши.

Алекс лежал на диване перед выключенным телевизором и курил, стряхивая пепел в Дуськин тапок. Окинув взглядом его смуглый торс, его слегка подернутое щетиной лицо, Евдокия отчетливо поняла — она никому, никогда, ни за что его не отдаст. Даже если тот конвойный все-таки скончается, даже если ей придется отвечать за укрывательство, соучастие и за что там еще принято отвечать в таких случаях?..

— А я все знаю, — сказала она, осторожно присаживаясь на край дивана.

— Что, соседи уже пожаловались?

— Какие соседи?.

— Нижние. Я их залил, — вздохнул Алекс. — Придется, наверное, заплатить им какие-то деньги, чтобы они не скандалили, но... у меня сейчас нет ни гроша!

— Ерунда! — отмахнулась Дуська и выпалила: — Я знаю, что тебя зовут Томас!

Он побледнел, но лицом не дрогнул.

— Откуда?

— По ящику твоё фото показывают, говорят, что разыскивается преступник.

— Отлично, — кивнул он. — Теперь мне не надо врать.

— Ты не думай, я тебя не предаю. Я тоже... того... из «секонда» шмотки иногда тибрю. Ножом, конечно, не угрожаю, но если б меня кто поймал... по голове точно бы стукнула и сбежала!

Он захохотал и чмокнул её в конопатую щеку.

— Так ты на мне женишься? — шепотом спросила она. — Не передумаешь?

— А ты не боишься меня?

— Нет!

— И согласна, несмотря ни на что, выйти за меня замуж?

— Да!

— Почему?!

— Потому что мне нужен муж! — крикнула в лицо ему Дуська. — Живой, настоящий муж, который хотя бы чуть-чуть будет принадлежать мне! Скажи, а ты с грабежами завяжешь?

— А ты, с воровством с «секонд-хендах»?!

— Не знаю, — призналась она. — Если честно, то у меня это неосознанно происходит, на уровне рефлекса...

— Вот и у меня неосознанно, — усмехнулся Алекс. — Вот и у меня на уровне рефлекса. А знаешь, мне кажется, мы будем классной парочкой. Вот только... — Он взял Евдокию за подбородок, бегло и насмешливо

осмотрел лицо и вздохнул: — Морду бы тебе подрихтовать, чтобы мы тянули на Бони и Клайда. Страшненькая ты больно!

— Денег накоплю на пластическую операцию и подрихтую! — сглотнув подступившие слезы, сказала Дуська.

— Кстати, о деньгах! — оживился Алекс. — Я на мели, рыжая. Конвойный, которому я дал по башке, сначала потребовал огромную взятку за то, что поможет мне сбежать. Я деньги отдал, а как до дела дошло, он свои обязанности забыл. Пришлось его по голове хорошенько треснуть. Но мне сейчас очень нужны деньги!

— На свадьбу? — глупо пискнула Евдокия, хотя понимала, что ни о какой свадьбе речи идти не может.

— Что?! Какая свадьба, рыжая, я же в розыске! По-быстрому распишемся, и дело с концом. Скажи, ты можешь продать эту квартиру?

— Квартиру?! — ахнула Дуська. И тут же приняла решение, позволяющее ей выкрутиться из щекотливой ситуации с этими хоромами на Арбате, которые ей не принадлежат, не потерять жениха и на всю катушку использовать тайну хозяек... Никуда не денутся они из цепких Дунькиных рук!

— А зачем тебе столько денег?

— Как зачем? Из страны свалить, раз на меня тут силки расставлены.

— А я?

— С тобой, конечно! Куда ж без тебя, рыжая?

— А где мы жить будем, если я эту квартиру продам? — осторожно спросила она, прикидывая все нюансы своего авантюрного плана.

— У меня домишко маленький за городом есть, — вкрадчиво, словно боясь спугнуть удачу, ответил Алекс, — там и перекантуемся. А потом, когда все затихнет и ориентировки на меня малость поизотрутся, мы за границу укатим, в Штаты или в Испанию... Нет, лучше домик в Праге купим, хочешь?

— В Праге, так в Праге... — Его треп про счастливую совместную жизнь за границей никуда не годился, но Дуська сделала вид, что поверила.

Она вдруг остро, до колик в желудке, до зарождающейся внутри истерики ощутила, что хочет заполучить этого человека в полную собственность — со всем его гнилыми потрохами, с грехами, с колючей, незрелой душонкой, с роскошным, молодым и горячим телом. Евдокия вдруг поняла, что ниточки управления ситуацией у нее в руках, нужно только покрепче зажать их и уверенно дергать. Алекс-Томас зависим от нее как новорожденный младенец от мамки.

Алекс поймал Дуськино лицо ладонями и, сильно сжав щеки, спросил:

— А ты, рыжая, что-то задумала?

— Эта квартира больших денег стоит. Если я отдам тебе эти деньги, то мне нужно что-то взамен.

— Я же женюсь на тебе, дура!
— Этого мало.
— Странная ты, Евка. Вроде простая, как пять рублей, а иногда — словно аппаратура на микросхемах.
— Я продам эту квартиру, — перебила его Евдокия, — но взамен моих денег ты напишешь расписку.
— Какую?! — выпучил он глаза.
— Ты напишешь, что продаешь мне свою душу, сердце и тело.
— Что?! Ты шутишь!
— Мне не до шуток. Я отдаю тебе деньги, а ты на мне женишься и пишешь расписку.
— Говорю же — аппаратура на микросхемах! — хмыкнул Алекс, не принимая ее слова всерьез.
— Так ты согласен?! — Дуська буравила его своими круглыми карими глазками.
— Маловато будет за душу, сердце и тело! — захохотал он. — Да в Голливуде в эпизодах сняться дороже стоит!
— Вот и вали в Голливуд!
— Ладно, согласен, рыжая. Бумажки писать — дело нехитрое, будет тебе расписка. Подумаешь — душу с сердцем продать! Что это за добро?! А тело оно всегда при мне, продавай, не продавай... Чайку нальешь?
— Ты б машину свою отогнал подальше от дома, ищут ее!
— Да я отогнал уже! В кустах спрятал.
Дуська деловито кивнула и стала разливать чай.

Глава четвертая

ПОЖАР

— Милая!
— Дорогая!
— Караул?!
— Кажется, да...
— Сколько она с тебя требует?!
— А то ты не знаешь?! Столько же, сколько с тебя! Попролам! Мы должны заплатить ей цену «двушки» в центре Москвы!
— Нет, ну какова поломойка!
— Я тебе говорила, что нельзя доверять прислуге!
— Но кому-то же мы должны были доверять!!
— Да лучше бы... лучше бы мы доверились первой встречной бомжихе с вокзала!

— Теперь уже поздно доверять бомжихе. Теперь мы вынуждены платить Дуське.

— Ты собираешься ей платить?!

— А ты предлагаешь ее убить?!

— Я этого не говорила, но платить очень не хочется, так что я готова рассмотреть варианты.

— Мне кажется, у нас один вариант — заплатить этой шалаве, пока она не растрепала всему миру о нашей тайне!

— Шантажистам нельзя платить! Один раз заплатишь, будешь всю жизнь на крючке!

— Господи, сколько ее осталось, жизни-то...

— Я в ближайшее время помирать не собираюсь! Наверное, придется раскрыть нашу тайну...

— Нет! Лучше я задушу эту Дуську своими руками, а труп закопаю на даче!

— Ты говоришь ужасные вещи, но очень заманчивые...

— А если серьезно, милая, то придется отдавать Евдокии наши деньги. Тем более что «вариант Б» остается в силе, и она все сделает, как договаривались. Ради Левы и Диночки я согласна на все.

— Я тоже, я тоже согласна!! Может, приедешь ко мне, запьем наливочкой стресс?

— Лучше ты ко мне, у меня есть чай и...

— Икра?

— Нет, печеночный торт.

— Ужас! Это же гора холестерина!

— Вкуснящая гора вкуснящего холестерина! Приезжай.

— Еду. Бай, милая!

— Баю-бай, дорогая!

В холле лежала собака. Огромная, грязная и лохматая.

Левин отшатнулся к двери, решив, что попал в чужую квартиру, но тут же вспомнил: мадам грозилась завести именно такую собаку — большую, злую, лохматую.

Судя по отсутствию шубы на вешалке, Дины дома не было.

— Черт! — крадясь вдоль стенки, Левин пошел на кухню.

Собака, подняв печальные глаза, зевнула и тихо рыкнула.

— Черт, черт!!! — Левин заметался между шкафами, отыскивая вазу, в которую бы можно было поставить букет синих ирисов. Он купил ирисы матери, купил неизвестно зачем, потому что собирался поздравить ее с наступающим Восьмым марта только по телефону, но бабка-цветочница возле

метро схватила его за рукав и не отпустила до тех пор, пока он не забрал у нее охапку вызывающе синих цветов. Мать любила ирисы. Они напоминали ей послевоенную юность, непритязательные ухаживания и еще что-то, отчего у нее наворачивались слезы, но о чем она никогда не рассказывала, получая в подарок синие благоухающие букеты.

Левин заехал к матери, чтобы вручить цветы и поздравить с наступающим праздником, но не застал ее дома. Пришлось тащиться с цветами через весь город домой.

Ваза нашлась — незнакомая и чужая, — очевидно, из вредности мадам стала ставить свою посуду в его шкафы. А он из вредности поставил в вазу свои цветы.

На кухню медленно приплелась собака. Левин замер с вазой в руке, не смея пошевелиться, и шепотом попросил:

— Уйди. Пошел, пожалуйста, вон...

Собака грустно посмотрела на него и, пятясь задом, вышла из кухни.

Левин повеселел. Кажется, мадам прокололась начет злобности этого пса. И где она взяла его?! Судя по всему, на помойке. Пес понурый, затюканный, с ввалившимися боками. Он привык пятиться задом, и вряд ли будет кусать кого-то за пятки.

Левин прошел в холл, распахнул дверь и жестом указал собаке на лестничную площадку:

— Вон!

Пес попятился и остановился, упершись тощим задом в дверь ванной.

— Пошел отсюда! — Левин бросился к собаке, схватил ее за ошейник и потянул к выходу.

Собака вывернулась и тяпнула его за руку.

— Сволочь! — схватившись за кисть, сказал Левин, и сел прямо на пол, где отчетливо были видны следы грязных собачьих лап. — Сволочь! — повторил он, непонятно кого имея в виду, — Дину или собаку.

Рука не болела, крови не было. Эта бродячая тварь не столько укусила его, сколько пугнула: не лезь, мол, голову откушу, если попытаешься выгнать меня на улицу.

— Ты такая же сволочь, как и твоя хозяйка, — пробормотал Левин, рассматривая руку. — Вселилась на мою территорию, пачкаешь пол, воняешь псиной и еще клацаешь на меня зубами. Все равно я вас отсюда выселю к чертовой матери!! — Он начал вставать, но вдруг увидел на полу газету, а на ней две тарелки с водой и с кашей. К мискам прикасаться было противно, Левин выдернул из-под них газету и тут же зацепился взглядом за объявление, набранное жирным шрифтом: «Решу любые ваши проблемы. Маг и чародей в шестнадцатом поколении Андреас».

— Любые проблемы, — пробормотал он, вспомнив вдруг о своей бредовой идее сходить к бабке для снятия сглаза и порчи. Пожалуй, маг и чародей в шестнадцатом поколении гораздо солиднее бабки и обратиться к нему со своими проблемами не так стыдно.

Левин вытащил из кармана мобильник и набрал указанный номер.

Густой бас приказал приехать ему через полчаса и продиктовал адрес.

— Что у вас? — сурово спросил чародей, наряженный в нечто, напоминавшее саван.

— Собака, — ляпнул Левин. — Грязная...

Чародей хмыкнул и басом произнес:

— Да не собака у вас, а баба.

— Точно, баба! — обрадовался Левин. — В газете написано, что вы решаете любые проблемы, так вот я хочу, чтобы вы убрали эту бабу! Устранили! Я хорошо заплачу.

— Я не наемный убийца, — хохотнул маг.

Левин еще больше смутился и понял, какого сваял дурака, заявившись сюда.

— Она вселилась в мою квартиру, так как жилплощадь продали дважды! И никто, никто мне не может помочь! Прокуратура, полиция не шевелятся, а если и шевелятся, это не очень заметно. Извините... я перестал верить в закон и решил обратиться к потусторонним силам, извините... — Левин встал и, прощаясь, слегка поклонился.

— Стойте! — бухнул кулаком по столу чародей. — Если я говорю, что решаю любую проблему, значит — решаю. — Он вскочил, скинул саван и раздвинул тяжелые шторы, впуская в комнату поток света. Маг оказался здоровенным мужиком лет сорока, в рубашке, джинсах, с могучей мускулатурой и лицом до такой степени похожим на покойного Фредди Меркьюри, что Левин даже потряс головой, чтобы прогнать наваждение.

— Хотите детективные услуги? Хотите, найду, кто провернул аферу с вашей квартирой?!

— Х-х-хочу, — попятился от мага Левин, не вполне уверенный в правдивости своего ответа.

— Андрейкин Василий Федотович. Специалист широкого профиля.

— В шестнадцатом поколении? — усмехнулся Левин, присаживаясь на край стула.

— Да хоть бы и в шестнадцатом. Валяйте, рассказывайте, как все произошло! — Андрейкин широким жестом руки сдвинул в сторону магические принадлежности и положил перед собой ручку, бумагу и диктофон.

Не прошло и двадцати минут, как Левин выложил ему свою историю, включая расставание с Клэр, неудачный вызов сантехника и обнаружение грязного кобеля в своем коридоре...

— Отлично, — подвел итог Андрейкин, под диктовку записывая телефоны для связи. — Отлично, буду работать!

— Сколько я должен? — спросил его Левин.

— Пока нисколько. Впрочем, нет, дайте-ка, пару тысконок на текущие расходы. Мне же придется ездить, бензин тратить!

Левин с облегчением выложил деньги и попытался удрать из комнаты в надежде больше никогда не увидеть мага, но тот схватил его за плечо:

— Стойте, я вам все-таки, того... погадаю. В качестве бонуса.

Пока Левин формулировал вежливый отказ, детектив опять превратился в мага — надел саван, задернул шторы и поставил перед собой магический шар.

— Не надо! — замахал Левин руками, но маг-детектив не обратил на него никакого внимания.

— Собака-то, того... с вами жить будет, — забубнил басом Андрейкин. — Ох, ты, черт, мать твою, в бога душу! Да она щенков наплодит... аж двенадцать штук!

— У меня кобель, — сухо констатировал Левин, которому этот цирк начал надоедать.

— Не скажи, не скажи, — пробормотал Андрейкин, плясь в шар, — вижу собачонок маленьких полный дом. Шторы рвут, диваны грызут, по квартире стаяй носятся... А баба-то, баба-то твоя, брюнетка с длинными волосами, никак на сносях уже! С пузом вижу ее, по квартире туда-сюда шатается и к тебе, зараза такая, вяжется: «Мусор не вынес! Поздно пришел! Какая-то девка из Англии тебе названивает!» А ты ей: «Опять курила?! Почему на полу пепел?! Почему сок не пьешь, который я утром выжал?! Тебе же рожать вот-вот!» А баба-то ничего, понимающая, обнимает тебя, прижимается, что-то ласковое на ухо шепчет, вот только не слышно, что именно...

— Замолчите!! — не выдержал Левин. — Что за бред вы несете?! Магические шары такое не показывают!

Андрейкин перевел затуманенный взгляд на Левина и серьезно сказал:

— Это у других не показывают. А я — маг и чародей в шестнадцатом поколении! У меня шары все показывают и даже рассказывают...

— Тьфу! — в сердцах сплюнул Левин и вышел из странной квартиры, злясь на себя так, как никогда в жизни не злился.

— Я вам позвоню, когда что-нибудь прояснится! — вдогонку крикнул ему Андрейкин.

Совершенно ошалевший, Левин выбежал из облупленного подъезда и огляделся, стараясь понять, в какой части города он находится.

В чувство его привел телефонный звонок.

— Полчаса не могу до тебя дозвониться, нет связи! — заорал Клим в трубку. — Где ты был?!

— У мага.

— Что?! Где?! — не понял Титов.

— У чародея Андреаса, он же — частный детектив Андрейкин. Этот многофункциональный тип обещал разобраться, кто провернул аферу с моей квартирой.

— С ума можно сойти, — удивился Титов, но вдаваться в подробности не стал. — Ты помнишь, что завтра Восьмое марта, и у нас назначена зачистка твоей территории?

— Конечно, помню, — тяжело вздохнул Левин, вспомнив ирисы, которые он так и не подарил маме.

— Тогда выпивка за тобой, остальное я организую. Начало разврата назначаю на три часа дня!

— Почему так рано? — удивился Левин, но вместо ответа услышал короткие гудки. Он вскинул руку и пошел к дороге, чтобы поймать такси.

— Ну чего ты реवेशь, как последняя дура?! Это мне реветь надо, а я ничего, видишь — веселая! — Нора жестом подозвала официанта и заказала еще два латте и фруктовый торт. — Мне Тарасов вчера позвонил, представляешь?! Говорит, что чувствует себя сволочью. А я ему — ты ж не беременную меня бросил, так что не надо париться! А он — беременную я бы тебя не бросил. Гад... Ну, не реви! Что у тебя такого стряслось, чтобы так рыдать?

— У меня... собаки... — давась слезами, еле выговорила Дина.

— Много?

— Одна.

— Одна! — всплеснула руками Нора. — Не потоп, не землетрясение, не смертельная болезнь, а всего лишь одна собака! Ты же всю жизнь мечтала о собаке, а Стас не давал тебе ее завести! Чего ты реवेशь?!

— У нее блохи, понос и какая-то шишка между ушами. — Дина залилась новым потоком слез.

— Где ты ее взяла?

— В приюте... Ее никто не хотел брать, потому что она очень большая и очень больная.

— Порода какая?

— Гигантская порода. Мне кажется, у нее в родне были коровы.

— Все ясно. Подобрала больную, никому не нужную дворнягу. А он-то как?

— Кто?

— Левин! Как он перенес появление в доме большой, блохастой, больной собаки?

— Не знаю... Не видела... Я дома еще не была!

— А где ты была?

— На рынке, в зоомагазине, в ветаптеке. Купила собаке мясо, лекарство от блох и глистов, большие миски, коврик... А плачу я, Нор, от безысходности и бессилия. Лучше бы я не уходила в отпуск! На работе я хоть отвлекалась, а теперь... Устала! Очень устала! Я тут даже подумала, что зря развелась со Стасом! Ну и что, что он шастал по бабам, как блудливый козел по чужим огородам! Зато он любил меня, по-своему, но любил. Он был свой, понимаешь? Негодяй, врун, блядун, но свой! А теперь я живу с чужим мужиком, который изощренно издевается надо мной каждый день! Да лучше бы он мне морду бил, чем вызывал сантехника в мой туалет!

— Где твоё мясо?

— Что?

— Где мясо для собаки?!

— В сумке, вон, протекает.

— А я думаю, чем воняет? Меня от всего тошнит. Слушай, а мясо хорошее?

— Телячья вырезка.

— Ужас! И перестань руками жрать торт, на тебя все кафе пялится.

Дина затравленно огляделась и вытянула из подставки пучок салфеток, чтобы вытереть руки и рот.

— Это нервное, — пояснила она.

— Я поняла. У тебя телефон звонит!

Телефон оказался глубоко закопан в хозяйственной сумке — под двумя килограммами мяса, под гремящими мисками, под свернутым в рулон ковриком, под лекарствами от блох и глистов. Пока Дина откопала его, слезы высохли, а истерика сменилась безразличием.

— Алло, — отрешенно произнесла она, не взглянув на дисплей.

Голос Левина на том конце сказал ей такое, что не лезло ни в какие ворота.

— Эй, что случилось?! — спросила Нора, видя, как Дина бледнеет, хватая сумки, шубу и срывается с места. — Что случилось?!

— Пожар! — крикнула на бегу Дина, вскидывая руку, чтобы поймать такси. — Моя квартира горит!

— Как горит? Почему горит? Кто тебе это сказал?!

— Левин!

— Ты давала ему свой телефон?

— Нет! Господи, там же моя собака!

— Так давай я тебя довезу!

— Боже упаси, ты так водишь машину, что мы и к вечеру не доедем!

Такси с визгом затормозило, прижавшись к обочине, Дина прыгнула на сиденье, но дверь закрыть не успела, Нора перехватила ее.

— Все будет хорошо, слышишь? — задохнувшись от бега, сказала она подруге. — Ты не забыла, что завтра мы должны устроить грандиозный кутеж?!

— Какой кутеж?! Я горю!

— Значит, устроим кутеж на пепелище!

— Это он устроил пожар! Левин! Чтобы моя собака задохнулась в дыму! Быстрее! На Арбат! — крикнула Дина таксисту.

— Из мяса завтра приготовь отбивные! А собаку, если она еще жива, переводи на сухие корма! — крикнула Нора вслед отъезжающему такси. — Нам — отбивные, собаке — корма, — повторила она и пошла вдоль дороги, улыбаясь чему-то и держа руку на животе.

— Подумаешь, квартира горит! — пробормотала Нора, зябко кутаясь в меховой воротник. — Проблем-то... Вот у меня беда так беда! — Она снова погладила плоский пока живот, отыскала в сумке ключи от машины и направилась к своему «фольксвагену».

Пожарной машины возле дома не было, но в подъезде сильно воняло гарью.

Дина взлетела на второй этаж и остановилась, как вкопанная.

Огонь не полыхал, пожирая квадратные метры, черный дым не валил из квартиры... Она перевела дух. Возле двери, переминаясь с ноги на ногу, стоял Левин. Он хмуро рассматривал обгорелый косяк и почерневшую дверь. По площадке суетливо бегал старший по подъезду Портнягин. Высоко задирая ноги, Филипп Филиппович пинал клочья обгорелой бумаги. Кроме валенок на Портнягине был длинный халат изумрудного цвета и шапка с опущенными ушами.

— Сучье отродье! — приговаривал он. — Поджог, натуральный поджог! Явилася! — увидел он Дину. — Ну что вы за люди такие?! Суток не прошло, а у вас то потоп, то пожар! Надо о вас участковому сообщить!

— Сообщите, пожалуйста, — попросил его Левин. — Я буду очень рад, если участковый обратит, наконец, на нашу квартиру внимание.

— Ну и где пожар? — все еще задыхаясь, спросила Дина.

— Потушили! — с невероятной язвительностью сказал Портнягин. — Вернее, я потушил, пока ваш мужик верещал: «Помогите!»

— Я не верещал, я электричество в щитке вырубал, — огрызнулся Левин.

— Это не мой мужик! Мы совершенно посторонние люди, — сочла нужным уточнить Дина, рассматривая черный косяк, обгорелую стену и дверь.

— Ага, это мой мужик, етитская сила! — подбавил язвительности Портнягин. — В одной квартире живете — и совершенно посторонние люди! Нет, я обязательно сообщу о вас участковому. У нас зверь, а не участковый — Серега Каюкин. От слова «каюк»!

— Какие-то уроды достали из почтовых ящиков рекламные газеты, свалили их возле моей двери и подожгли, — не обращая внимания на Портнягина, сообщил Дине Левин.

— Возле вашей? Это моя дверь. И потом, что за чушь вы несете? Как из ящиков можно достать газеты, не имея ключей? — Дина достала ключ от квартиры, вставила его в замок, но дверь открыть не смогла — что-то заклинило и не поддавалось ни на какие ее усилия.

— Ты же знаешь, что разносчики пихают рекламную лабуду в ящики кое-как и большинство газет торчат больше чем наполовину, — устало объяснил Левин.

— С каких пор мы на «ты»? — рявкнула Дина, налегая на дверь.

— Извините, — пробормотал Левин.

— Ну, етитская сила, Каюкину надо сказать, что они на «вы»...

— У меня в квартире собака! Она могла надышаться дымом и потерять сознание!! — Замок Дине не поддавался, руки тряслись, а слезы опять готовы были политься из глаз.

— Ничего не случилось с вашей собакой, тут дыма-то было — кот наплакал. — Левин достал свой ключ и легко открыл дверь.

— Ну, етитская сила, у них еще и коты с собаками...

Собака валялась в коридоре вверх лапами. Дина бросилась к ней и припала ухом к грязной лохматой груди. Собачье сердце колотилось с уверенностью отбойного молотка.

— Дрыхнет ваша гадость, — зло буркнул Левин, заходя в холл и закрывая перед носом Портнягина дверь. — Какое вы имели право заводить животное, не посоветовавшись со мной?

— Это не животное, это собака. И потом, кто вы мне такой, чтобы я с вами советовалась?

— Слава богу, никто. Но в любом случае я имел право знать, что вы питаете слабость к большим кобелям.

— А знаете что? Это вы, вы подожгли газеты под дверью! Вы решили угробить мою собаку!

— Да? И зачем же тогда я позвонил вам?! Зачем потребовал, чтобы вы приехали?!

— Да, зачем? И откуда вы знаете номер моего телефона?

— Вот тайна-то! Да вы диктовали его кому-то недавно! Извините, за-помнил. У меня отличная память на цифры.

— Почему вы перевернули собачьи миски?

— Это тарелки из моего сервиза!

— Что вы говорите? Никогда не подумала бы, что это сервиз. Зачем вы убрали газету? Почему разлили воду и выгнали собаку в коридор?!

— Я не...

— Имейте в виду, из приюта придут проверять, в каких условиях содержится эта собака!

— Кто придет? — дурашливо ужаснулся Левин. — Другие собаки?!

— И они тоже, — огрызнулась Дина.

— Кстати, как зовут вашего пса?

Застигнутая врасплох, Дина судорожно начала придумывать имя, но ни одна собачья кличка не шла ей на ум.

— Так вот, имейте в виду, я пожалуюсь комиссии из приюта, что вы даже имя не удосужились дать собаке! Что вы завели ее исключительно для того, чтобы досадить мне! Что собака сидит дома одна, и с ней никто не гуляет! Что из еды у нее только жидкая каша! — Левин, чувствуя за собой победу, развернулся, прошел на кухню и включил свет. — И знаете, вашего крокодила зовут Пантагрюэль!

— Сам ты... — чувствуя слезы у горла, прошептала Дина.

На кухне было что-то не так. Что-то абсолютно не так, но разгоряченный дурацкой перепалкой Левин никак не мог понять — что. А когда понял, сердце скатилось вниз и заколотилось где-то в районе больших пальцев ног.

Синих ирисов в вазе не было.

Охапка цветов пропала, и без нее на кухне стало серо, уныло и пусто.

Но главное было не это.

Ваза стояла не на подоконнике, где оставлял ее Левин, а на столе, и вода в вазе была... кроваво-красного цвета.

— Эй, что за дурацкие шутки? — крикнул Левин, не двигаясь с места.

В кухню зашла Дина. Судя по выражению ее лица, она собиралась сказать какую-то дерзость, но, увидев на столе вазу с красной водой, побледнела и схватилась за косяк.

— Что это?

— Я вас хотел спросить. Здесь стоял букет цветов.

— В красной воде?

— В белой! То есть в нормальной, прозрачной воде из-под крана! Это ваши шуточки? Где цветы? Что вы подмешали в воду?!

— Это... моя ваза, — прошептала Дина. — Как вы смели поставить свои цветы в мою вазу?

— То есть, вы не трогали ирисы?

— Нет.

Они устали друг на друга, не моргая, не шевелясь, не дыша.

— И не подмешивали ничего в воду?

— Нет.

— Поздравляю.

— С чем?

— С тем, что кто-то шарится в наше отсутствие по нашей... моей квартире, и даже ваша собака не в состоянии этому помешать. Как вы думаете, это кровь?

— Замолчите! — взвизгнула Дина.

Левин поднес вазу к свету, понюхал и вздохнул:

— Похоже, все-таки кровь.

— Замолчите...

— Скажите, вот этот скол на краю и трещина вдоль рисунка были?

— Нет! Это была абсолютно новая ваза!

— Та-ак... Дело пахнет криминалом.

— Может, вызвать полицию? — всхлипнув, спросила Дина.

На кухню приплелся Пантагрюэль. Он поднял морду, понюхал воздух и вяло махнул хвостом.

— И что мы скажем полиции? — усмехнулся Левин. — Что пропал букет ирисов, а вода в вазе стала красной?

— Мы скажем, что нас пытались поджечь! Что кто-то храпит по ночам! Что из холодильника пропадают продукты, что кто-то ворует туалетную бумагу, шампуни и мыло, что...

— Слава богу, мадам, вы наконец-то поверили в то, что все это делаю не я! Не я ворую, не я храплю, не я поджигаю двери.

— Я звоню в полицию! — Дина бросилась к сумке, чтобы достать телефон.

— Стойте! Я не хочу выглядеть идиотом, рассказывая про привидения!

— А я не хочу находить в своем доме вазы с кровью!

Собака, вскочила и зарычала на Левина.

— Фу! — крикнула Дина.

— Сволочь, я тебе имя дал! — Левин боялся пошевелиться. Что делать с вазой, он не знал. Сохранить ее вместе с водой как улику?

— Может, к старшему по подъезду обратиться? — пробормотал он.

— К этому идиоту в валенках? Чем он может помочь? — Дина взяла собаку за ошейник, уложила к своим ногам и начала набирать ноль-два.

Неожиданно Левин вспомнил про Андрейкина.

— Стойте, не надо полиции. Я, между прочим, нанял частного детектива по нашему делу и могу позвонить ему.

— Вы?! Наняли?! Детектива?! — захохотала Дина, отбирая у него вазу. — Шарлатана, небось, какого-нибудь через газету нашли?!

— Нашел! — заорал Левин, вырывая вазу у Дины из рук. — Да, нашел! И не шарлатана, а ... детектива в шестнадцатом поколении!

— В шестнадцатом поколении, да будет вам известно, только шарлатаны и бывают! — дергая на себя вазу, прошипела Дина. Красная вода, не выдерживая яростной борьбы, выплескивалась наружу, попадая на пол, на одежду, на стены. — И потом, по какому такому «нашему» делу вы его наняли?! У нас с вами нет никаких общих дел, запомните! — Они выпустили вазу одновременно, она с грохотом упала на пол и развалилась на два стеклянных куска. Красная вода медленно растекалась по полу.

— Черт! — задохнулся от возмущения Левин. Он выбросил осколки в мусорное ведро и схватил его, чтобы вынести. — Вы правы, нет у нас с вами никаких общих дел! — заорал он — Нет!!! И ты не будешь шататься по этой квартире беременной и вязаться ко мне: «Поздно пришел! Мусор не вынес! Какая-то девка звонит из Англии!» А я не буду цепляться к тебе, что ты не пьешь сок, который я для тебя выжал! И никогда, никогда, слышишь, мы не обнимемся и не будем шептать друг другу что-то ласковое и нежное... А Гаргантюа, в смысле, Пантагрюэль никогда не родит двенадцать щенков!

— Что ты несешь? Какие щенки? Какая девка из Англии? Кто обнимется?.. — Дина выхватила из ведра кусок вазы и замахнулась на Левина.

— Так все-таки, мы на «ты»? — ехидно осведомился он, выкрутил у нее из рук осколок и вышел за дверь.

— Верни мои тапки! — высунулась в подъезд Дина.

— Да пошла ты...

Левин направился к мусоропроводу. Тот оказался забит под завязку, и пришлось тащиться на улицу, к бакам. Тапки Левин потерял в вязком, мокром снегу...

Была ли Дуська когда-нибудь счастлива так, как сейчас?

Пожалуй, была.

Ей исполнилось в тот день пять лет.

Праздновать Дуськин день рождения было непринято, поэтому мать, как всегда, ограничилась тем, что потрепала ее по затылку и сказала:

— Растешь, оглобля! Скоро замуж отдам.

Для пятилетней девочки Дуська была очень высокой, и мать называла ее оглоблей. Дуська не обижалась — пусть называет, как хочет, лишь бы не била.

А была мамаша ее частенько. За то, что ревела, за то, что молчала, за то, что просила есть, за то, что воровала сахар и сухари, за то, что таскала соседского кота к себе в постель, а, главное за то, что очень уж походила Дуська на своего неведомого папашу.

В тот день Дуська своим детским умишком вдруг поняла: скорей бы уж замуж, скорей бы куда угодно, лишь бы подальше от злой мамыши с ее вечным женским несчастьем, и от грязной коммуналки, где самым приятным и человеческим существом был старый кот Васька.

Ей казалось, что «замуж» — это другая страна и другая жизнь, сытая, чистая и красивая.

В тот день Дуська вышла гулять в тихий московский дворик, где кроме нее бродили коты, голуби, да пожилой дворник Вадим Вадимович неустанно махал метлой, гоняя по двору пыль и сухие листья. Дворник знал Дуську и иногда совал ей слипшиеся конфеты без оберток.

Дуська села на лавку и стала ждать своей порции сладкого, но Вадим Вадимыч все махал и махал метлой, не замечая ее присутствия.

Тогда Дуська решила заговорить первой.

— Замуж — это далеко? — как можно равнодушнее спросила она дворника.

— У-у! Дальше, чем до Пекина, — рассмеялся Вадим Вадимыч и присел рядом, пристроив метлу между ног.

— А там хорошо?

— Кому как. Некоторым не очень.

— Мне хорошо будет, — заверила его Дуська. — Лучше, чем с мамкой! Конфет, судя по всему, у Вадим Вадимыча не было, поэтому Дуська встала и направилась к подъезду, бросив как бы между прочим:

— А мне сегодня пять лет стукнуло!

— Подожди! — окликнул ее дворник.

Дуська радостно подбежала к нему, ожидая сладкого, но Вадим Вадимыч вдруг расстегнул телогрейку и снял с шеи цепочку, на которой болталась распиленная пополам монетка.

— Вот, держи! — дворник надел цепочку на Дуську. — Это тебе подарок. Вместо конфет.

— На день рождения?! — обрадовалась Дуська. Ей никто никогда не дарил подарков, даже самых пустяковых.

— Это тебе, чтобы замуж от мамки уехать, — усмехнулся Вадим Вадимович. — Проездной! Как найдешь человека со второй половинкой этой монетки, с ним и живи! Будет тебе хорошо.

Вот тогда Дуська первый раз в жизни была по-настоящему счастлива. Ей сделали подарок! Ей пожелали чего-то удивительного, непонятного

и очень взрослого! Такое везение могло случиться только с ней, Дуськой — оглоблей и безотцовщиной...

Вадима Вадимовича она больше не видела. Соседи по коммуналке говорили, что дворник заболел воспалением легких и умер. Мать погибла, когда Дуське было шестнадцать лет. Она выпала из окна, и никогда не узнала Дуська, был ли это несчастный случай, или мать сама решила поставить точку в своей никчемной, несчастной жизни, так и не добравшись до страны под названием «замуж».

Два года Евдокия провела в интернате. Все эти годы она не снимала монетку, берегла ее, хранила как талисман, как «проездной», как первое ощущение счастья. Позже она узнала, что и цепочка и полмонетки — серебряные. Дуська подолгу рассматривала свой талисман, знала каждую его черточку, каждую зазубринку и неровность. Монета была старинной, с острым краем по срезу, который царапал кожу. Со временем, там, где талисман соприкасался с телом, образовался рубец. На одной стороне этой загадочной половинки по полукругу было написано «самодержец всероссийский» и изображен чей-то затылок с фрагментом лаврового венка. На другой стороне — в пересечении линий, между которыми стояла цифра двадцать два, по полуокружности было написано «монета новая».

Чудной это был талисман, бессмысленный, неудобный, но Дуська носила его, не снимая, хотя давно перестала верить в сказки и знала, что «замуж» — это не дальше Пекина...

— Тебе хорошо? — спросила она Алекса.

— М-м-м-м, — промычал он.

— Ты должен сказать, что счастлив, как никогда, — с усмешкой сказала Евдокия, нависая над Алексом и щекоча его своим талисманом.

— Я, рыжая, пока тебе ничего не должен.

Евдокия, откинувшись на подушку, улыбнулась. Потому что счастье — это когда нужные люди у тебя на крючке. А у нее на крючке сейчас куча народа! Две дуры-хозяйки и он, Алекс, — красавчик, грабитель, неординарная личность.

— Когда деньги будут? — жестко спросил он. — Мне тут торчать уже мочи нет, нужно за город выбираться.

— Квартиру продать, дело небыстрое, — ответила Евдокия.

— В таком районе как этот — раз плюнуть, — возразил Алекс. — Ты бы поторопилась, рыжая. Я вон на какой риск иду — в загс с тобой согласен тащиться, хотя вся полиция меня ищет.

— Подожди еще чуток, — попросила Дуська. — Я тебе деньги, а ты мне штамп в паспорте и расписку!

Он вздохнул и вдруг спросил:

— Ты, наверное, думаешь, что я от тебя завишу?

— Нет, не думаю, — соврала Евдокия.

— Думаешь, думаешь! Так вот знай, Томас Ревазов никогда ни от кого не зависел. И с тобой я по доброй воле, а не из-за денег или квартиры. Мне конопушки твои понравились, рыжая. Если удумаешь веревки из меня вить, брошу! Думаешь, в Москве мало красивых девушек, готовых помочь такому парню, как я?

Евдокия точно знала, что мало, но промолчала.

Алекс встал, потянулся и прошелся по комнате.

— Слушай, сгоняй до моей машины, сигареты возьми в бардачке!

— Так эти ж еще не кончились! — удивилась Дуська.

— Там другие сигареты, особые!

— Марихуана?! — ахнула Дуська.

— Да не пугайся ты, не наркоман я! Так, употребляю иногда для поднятия настроения. И тебя угощу! Шуруй, давай, за весельем! — Алекс кинул ей связку ключей от машины.

Дуська встала, оделась и вышла на улицу. Машину она отыскала быстро, заросли кустов недалеко от дома были единственные. В кустах пахло землей, мокрым деревом, немного бензином и... какой-то падалью; словом — весной.

Она достала ключи и открыла багажник. Там, скрючившись, лежала девушка. Лет двадцати пяти — тридцати. Девушка была холеная, в дорогой шубе, в шикарном сапогах на тонкой шпильке, с драгоценностями в ушах и на пальцах. Длинные белые волосы разметались по багажнику, занимая все немислимо маленькое пространство, оставшееся от того, что занимало тело.

Дуська выскочила из кустов как ошпаренная, но вовремя опомнилась и вернулась к машине. Она была не из тех, кто визжит, увидев труп, а в том, что это был труп, не было никаких сомнений. Склонившись над девушкой, Дуська увидела, что горло у красавицы перерезано, как принято говорить, от уха до уха. Уродливый шрам пересекал нежную шею и наводил на мысли о чисто кавказском убийстве...

Она прикрыла нос варежкой и быстро захлопнула крышку.

Достать из бардачка «косяки» в целлофановой упаковке было минутным делом. Дуська закрыла машину и вылезла из кустов, стараясь унять бешено колотящееся сердце.

Неужели Алекс убийца?! Тогда какого черта не пытается избавиться от трупа?! Почему не снял с нее украшения?..

Она не заметила, как оказалась в квартире.

— Принесла? — весело крикнул из кухни Алекс.

— А то!

— Чего долго так?!

Евдокия зашла на кухню, протянула ему пакет с сигаретами.

— Да так... Прогулялась немного, — улыbnулась она и, бросив на стол ключи от машины, добавила: — У тебя в багажнике девка лежит. Красотка! Вся в брюликах, но зарезанная! А я, рыжая, конопатая, зато живая!

Дуська увидела, как побледнел Алекс, как схватил со стола кухонный нож и вплотную подошел к ней.

— Ты у меня теперь вот где! — показала она ему кулак. — И убери тесак, иначе денег за квартиру тебе не видать. Ты не зарежешь меня. И знаешь почему?

— Почему? — одними губами спросил Алекс.

— Да потому что места в багажнике больше нет!

Глава пятая

ДЕНЬ 8 марта

— Милая, п-пздравляю...

— С чем, дорогая?

— Так это... вроде как женский день.

— Разве мы не его вчера отмечали?

— Нет, мы ппили с горя. Неужели не помнишь?

— Как пили — помню, а горе — нет... Какое горе-то?

— Ну как же! Мы Д-дуське деньги перевели на банковский счет. До хрена тысяч долларов — тю-тю-ю-ю...

— Ты не шутишь?!

— А с чего б мы так нажр-рались, милая?!

— Верунь, а что мы пили?

— Сначала твою настойку. П-потом мою настойку... Потом нам не хватило, мы пошли в магазин и купили водку. — И пива. — И какой-то дешевый портвейн.

— Мы все это вы-ыпили?!

— Говорят, да.

— Кто говорит?

— Петрун г-говорит. И Васюн.

— Господи, хто это... дорогая?

— Парни без определенного места жит-тльства.

— ...

— Эй, ты почему молчишь?

— Мы что, распивали спиртные напитки с бомжами?!

— М-можно и так сказать.
— А тебе это не показалось?
— Н-нет, Кларунь, не показалось... Васюн и Петрун до сих пор пьют на моей кухне.
— Мама...
— Где твоя мама?
— На кладбище. Уже тридцать лет как не откликается.
— Вот видишь. А Васюн с Петруном, кс-стати, интеллигентные люди. Васюн ихтиолог бывший, а Петрун... реставратор.
— Чего реставратор?
— Г-гворит, что человеческих душ...
— О как!!!
— Гони их!
— К-кого?
— Ихтиандра и реставратора!
— Хорошо. Сейчас р-рзберусь только — это они у меня, или я у них...
— Господи, как болит голова! Верунь, скажи, как могло получиться, что из-за какой-то малограмотной поломойки мы с тобой лишились целого состояния и нажрались в обществе Ихтиандра и реставратора душей?!
— Н-не знаю.
— Слушай, спроси у беспризорных парней, что выпить, чтобы голова не болела с похмелья. Они должны знать.
— С-счас... Слышишь меня?
— И даже вижу. Так что выпить?
— К-касторку и снотворное одновременно. Беспризорники обещают, что все пройдет.
— Смешно. Ха-ха, милая!
— Ха, д-дргая! Ну, с пр-рздничком тебя еще раз!
— С каким?!
— Не знаю. Включи т-тлевизор, там скажут. Бай, милая...
— Чин-чин, дорогая.

С утра Дина вырядилась по полной программе. Фиолетовый брючный костюм, ядовито-розовый топ, черные туфли на высоченной шпильке, из украшений — гранаты в полном комплекте: серьги, кольцо, ожерелье, браслет. Волосы она собрала в конский хвост — настолько тугой, что уголки глаз подтянулись к вискам. Наверное, это был перебор, но Дина решила, что ей наплевать. Душа требовала яркого, вызывающего, агрессивного, одним словом, выдергивающего из зимней спячки и расслабленно-депрессивного состояния.

Накинув на плечи шубу, она пошла в таком виде выгуливать собаку.

Во время прогулки выяснилась пренеприятная вещь: Пантагрюэль патологически любил помойки. Учитывая его размеры и вес, Дина никак не смогла противостоять этой любви. Она послушно полоскалась на конце поводка, пока пес дотошно обшаривал все скопления мусора возле дома. Никакие «Фу!» не могли его образумить. За десять минут прогулки Дина узнала расположение всех мусорных контейнеров в округе, всех урн, всех потаенных местечек, где подростки распивали пиво, оставляя после себя пустые банки, окурки и пакеты от нехитрой закуски.

— Урод! — кричала Дина собаке, — еле успеваю за ней. — Сдам в приют, гада...

Не обращая внимания на ее вопли, Пантагрюэль затащил Дину в высокие кусты. К ее удивлению, там оказалась не груда мусора, а машина. Старый, битый «Жигуль» чудом втиснулся между тонких стволов кустарника, придавив собой сухие тонкие ветки.

— Пойдем отсюда, — в панике прошептала Дина, понимая, что просто так машины без номеров в кустах не стоят. Но собака уперлась, с шумом повела носом и, вскочив лапами на багажник, протяжно и громко завывала. Дина дергала поводок, кричала, топала ногами — все было бесполезно. Собака выла и скребла лапами по багажнику.

— Лучше бы я завела кошку, — обессилено пробормотала Дина и вдруг увидела, что из-под крышки багажника торчит кусок дорогого изумрудного шелка. Подкормленное детективами воображение тут же состыковало детали — спрятанная машина, воющая собака и прищемленный подол платья. В машине, скорее всего, труп... Наверное, женский.

Бросив поводок, Дина как ошпаренная выскочила из кустов и побежала к дому.

Навстречу ей из подъезда вышел Филипп Филиппович. Старший по подъезду был хмур, озадачен, и, как всегда, в валенках, несмотря на снежную кашу под ногами. У Дины мелькнула шальная мысль рассказать Портнягину о странной машине в кустах, но она вовремя одумалась. А вдруг эта машина сто лет там стоит?! Вдруг о ней знают все, кроме Дины?! Вдруг это машина самого Филиппа Филипповича, а кусок изысканной тряпки, торчащий из багажника, — всего лишь старая ветошь?

— С праздничком, соседка! — Портнягин раскинул руки, преграждая Дине путь. — Ух, как вырядилась, аж в глазах фиолетово!

— Здравствуйте, — пробормотала Дина и поспешила к дверям.

Собака флегматично поплелась за ней, волоча за собой длинный поводок.

Левин на кухне жарил яичницу. Бросив на хмурую Дину насмешливый взгляд, он присыпал жареное зеленым луком, с наслаждением вдохнул аромат и, прихватив сковородку, направился в свою комнату.

— Должна тебя предупредить, сегодня у меня будут гости! — сухо сказала ему в спину Дина.

— Вот незадача! — обернулся он. — Я тоже собирался сегодня повеселиться, причем не один!

— Я купила эту квартиру на день раньше тебя!

— Посмею напомнить, что моя прописка такая же настоящая, как и твоя!

— А свидетельство о регистрации такое же поддельное!

— Ничего, скоро все прояснится! И пойдешь ты уточкой, в... Бирюлево.

— Что?! Это ты покатишься в Митино! Селезнем полетишь!!

— И зачем тебе такая большая квартира в центре Москвы? У тебя ж ни детей, ни мужа!

— А тебе зачем?! У тебя тоже — ни детей, ни мужа!

— У меня будет! Все будет! А вот у тебя, с твоим гнусным характером, кроме кобеля из приюта...

— Вон! Пошел к дьяволу со своей яичницей!

— Немедленно покорми Пантагрюэля, иначе он нас обоих съест. И подотри его слюни с пола! — Левин развернулся и мягко закрыл за собой дверь. То, что он не хлопнул ею в сердцах, окончательно вывело из себя Дину.

— Пошли, — легонько пнула она собаку. — Кажется, у него в холодильнике есть докторская колбаса.

День начался плохо.

Яичница подгорела, зеленый лук оказался безвкусным, к тому же всю эту красоту он безнадежно пересолил. А еще мама не отвечала ни по одному из телефонов. При мысли, что придется тащиться к ней через весь город — выяснять, что случилось, начинала болеть голова и ощущалась слабость в коленках. Тем более что Левин был абсолютно уверен — мама отключила все телефоны именно для того, чтобы он примчался к ней выяснять, что случилось.

Левин без аппетита съел яичницу и посмотрел на часы. До судьбоносного визита Титова оставалось четыре часа. Он бухнулся на диван и за чтением рассказов О'Генри на английском языке благополучно заснул.

Проснулся он от звонка в дверь и ленивого собачьего лая.

Дверь они с Диной открывали вместе, отпихивая от замка руки друг друга.

На пороге — покрасневшиеся, возмущенные, толкаясь плечами, — стояли Нора и Клим. Они были явно чем-то выведены из себя.

— Привет! Ты и стриптизершу уже притащил? — удивился Левин.

— Нора! — бросившись к подруге, Дина затащила ее в квартиру.

Левин пожал плечами, глядя, как она помогает снять шубу красивой высокой блондинке.

— К сожалению, это не стриптизерша. Эта «шумахерша» только что буцкнула мой «Навигатор», — язвительно сообщил Клим.

— Это я буцкнула?! — возмутилась блондинка. — Да это вы въехали мне в зад!!

— Ага, только вы при этом двигались задним ходом! — усмехнулся Титов.

— Есть контакт! — захохотал Левин, поняв, наконец, что к чему. — Стоянку, что ли, не поделили?

— Я не двигалась задним ходом! Я осторожно и медленно парковалась!

— Ага, парковалась она! Контактным методом! Американским! Останавливаемся только тогда, когда бампер во что-то тюкнулся!! — Титов сбросил ботинки, верхней одежды на нем не было, только джинсы и тонкий пуловер. — Да одна царапина на моем «Линкольне» стоит дороже, чем вся ваша желтая тарантайка!

— Это не тарантайка! — покраснела от возмущения Нора. — Это абсолютно новый «фольксваген»! И плевать мне на вашу царапину, ее практически незаметно!

— Это вам незаметно, блондинкам.

— Что?! Кто здесь блондинка?!

— Ну, уж точно не я! — заржал Клим.

— Вы... — задохнулась Нора.

— Придурок пафосный! — с неожиданным энтузиазмом подсказала ей Дина.

— А ты... ты... — дурашливо выпучил глаза Клим.

— Гламурная дура! — с готовностью помог другу Левин.

— Вот и познакомились, — раскланялся Титов на все стороны. — С праздничком вас, девчонки! Ну что, перегуляем их, Лев Сергеич?!

— Перегуляем, — с сомнением произнес Левин.

— А все-таки ты должна мне тыщонку евро! — весело крикнул Клим Норе, которую Дина повела на кухню.

— Нет у меня тыщонки! Возитесь со страховкой, если охота, — огрызнулась Нора.

— А девчонка-то ничего, — улыбнулся Клим, когда они закрылись у Левина в комнате.

— Которая? — без интереса спросил его Лев.

— Обе! Обе они ничего.

— Бабник ты, Клим Кузьмич. Бабник и шалопай. Сильно она твоего красавца покалечила?

— Да ерунда, фару противотуманную кокнула, да бампер поцарапала, разберусь, — отмахнулся Титов и тут увидел Пантагрюэля, который неизвестно как пробрался к Левину в комнату. — Вау! — бросился Клим к собаке. — Откуда ты взял такую масюсю?! Вау!! Доходяга! Красавица! Лапатуля!

Титов был заядлым собачником. В его загородном доме жили два добермана, три шпица, два йоркшира и один громадный кавказец.

— Вот гадость, как он сюда пробрался? — пробормотал Левин, глядя, как Клим обнимает Пантагрюэля, тискает его худые бока, целует в затылок. — Это не мой пес, его мадам завела, чтобы выселить меня из квартиры.

— Прелесть! — не унимался Титов. — А главное, родит скоро.

— Кто родит?

— Ну не ты же. Собака! Как ее зовут?

— Пантагрюэль. Это кобель.

— Сам ты кобель! — искренне возмутился Титов. Тычком в бок он перевернул собаку на спину, раскинул ей лапы и быстро прощупал живот. Собака виляла хвостом, позволяя Титову делать с собой все что угодно. — Ну да, где-то через месяц родит. Истощенная очень, но стопроцентно беременная девчонка!

Левин с ужасом вспомнил предсказание мага.

«Шторы рвут, диваны грызут, по квартире стаей носятся, писают, какают, лают, визжат...»

Праздновать с Титовым женский день расхотелось. Захотелось удрать из этой квартиры подальше, может быть, даже к маме, у которой отродясь не было никаких собак...

— Что молчишь? Удивлен? Ну, Левин, ты и даешь!! — развеселился Титов. — Кобеля от сучки отличить не можешь!

— Это какая порода? — чувствуя сильную сухость во рту, спросил Левин.

— Шикарная! Шикарная это порода! Дворянжеского роду девчонка, но сенбернары в родне у нее точно были!! Фильм «Бетховен» смотрел?

— Про композитора?

— Про собаку, балда! Вот и у тебя будет куча маленьких бетховенят!

— Куча... — эхом повторил Левин, чувствуя, как жажда дерет глотку и как хочется сделать ноги от надвигающейся лавиной судьбы. — Куча бетховенят...

— Не забудь мне кобелька одного оставить, — распорядился, вставая, Клим. — Заберу в свою псарню до кучи!

— Не забуду... — пробормотал Левин.

Получалось, что магический шар не врал?.. Получалось, что дикие пророчества господина Андрейкина начинали сбываться?..

У него не хватило духу выгнать Пантагрюэля за дверь, настолько мистическим казалось его превращение из кобеля в беременную суку.

В полубессознательном состоянии Лев накрыл на стол. Выпивки, которую он купил, оказалось раза в два больше, чем закуски, которую привез Клим.

— Слушай, а он ничего, — жуя салат из кальмаров, сказала Нора.

— Кто? — Дина залпом выпила третий фужер мартини.

— Левин твой. На актера похож... на этого, как его...

— Депардье!

— Точно! И очки ему очень идут. Вполне такой благородный лорд, не чета твоему хлюпику Стасику. Даже странно, что вы с этим лордом до сих пор не...

— Замолчи! Ненавижу Левина! И Депардье тоже.

Последние слова Дины заглушили раскаты тяжелого рока, грянувшие из соседней комнаты.

— Вот гады! — Нора от возмущения чуть не подавилась салатом. — Ну, ничего, мы им сейчас зададим! У тебя музыка есть?

— Есть. Симфоническая. Шнитке, Прокофьев, Рахманинов, Щедрин, Сибелиус...

— Сибелиус! — передразнила Нора. — А впрочем, давай-ка, зарядим Шнитке, он любую тяжесть перебодает своими синкопами.

Диск плавно уехал в плеер, из колонок тут же грянула какофония звуков симфонического оркестра. Знаменитый Шнитке, схлестнувшись с ба-сами рока, сотрясал стены, рвал перекрытия, сбивал сердечные ритмы и нарушал дыхание...

— Уф-ф-ф! — потрясла головой Нора. — Кажется, получилось.

Дина чувствовала, что напивается. Мартини был сладким, пился легко, пьянил благородно — без водочного угара и пивного дешевого хмеля.

Норе для веселья алкоголя не надо было, хватало незапланированной беременности. Она вскочила на диван и начала прыгать, высоко задирая ноги.

В соседней комнате тоже творилось полное безобразие. К тяжелому року примешивались дикие вопли, удары в стену и разудалый свист.

— Нам их не перебузить! — крикнула Дина, стараясь перекричать музыку.

— Ничего, сейчас пацаны на подмогу приедут! — в ответ провопила Нора.

— Какие еще пацаны?!

— Я же стриптиз заказала! А то ты не знаешь!

— Забыла, — схватилась за голову Дина. — Мне тут еще пацанов не хватало!

— А этот дружок Левинский, он кто — олигарх?!

— Почему олигарх?

— На «Навигаторах» простые люди не ездят!

— Мне нет дела до дружков Левина. А тебя почему он волнует?

— А то ты не понимаешь! — захохотала Нора.

— Нет, не понимаю.

— Гад он! Олигархическая сволочь. Но машина у него... Я влюбилась с первого взгляда!

— Тебе нельзя! — заорала Дина. — Ты же бе-е... — Она испуганно закрыла рот рукой, вспомнив о запрете упоминать проблему беременности.

— Я же в машину, балда! Какая тачка! Мне никогда такой не купить, даже если с утра до вечера вычитывать рукописи самых топовых авторов!

— Дался тебе этот «Навигатор»! Гроб на колесах на тысяча и одно место. Легче в автобус влюбиться.

— Но у него такие глаза! Фары то есть... Правда, правую я разбила.

— Тише, кажется, в дверь звонят!

— О, мальчишки пришли!

— Стой! Им же платить надо!

— Я заплатила.

— А ...

— А если нечего будет сунуть в стринги парням, обратимся к олигархической сволочи! — Нора захохотала и кинулась в коридор.

Но дверь уже открывал Клиим.

— Девчонки! — кричал он, раскинув руки. — Милые, родные! За первые «па» плачу наличными прямо в подъезде! Ап! Снимаем парики и накладные ресницы! За остальное — двойной тариф!!

— Спер идею, — пробормотала Нора. — Олигархический гад...

Филипп Филиппович сидел на лавочке у подъезда. Ох, не нравилось все Филиппу Филипповичу! Ветер не нравился, облака не нравились, лавочка эта не нравилась, автостоянка не нравилась и суетливые воробьи не нравились. А в особенности раздражали его мужики с цветами, тортами и свертками, спешащие в разных направлениях города. И женщины раздражали — празднично-холеные, без головных уборов, с навороченными при-

ческами, улыбающиеся, довольные... Они выныривали из такси, забежали в подъезды, щебетали, как едва народившиеся птенцы, неумело парковали свои машины и сияли, сияли, словно медные самовары.

Что это за праздник такой — Восьмое марта?! Глупость, а не праздник. Если ты настоящая женщина, то для тебя каждый день — Восьмое марта. Ты всегда ухожена, накрашена, одета с иголочки, и взгляд у тебя играет, и голова высоко поднята, и мужики от тебя шалеют. А красить ногти раз в год... Тьфу!

Ох, не нравилось все Филиппу Филипповичу.

Из соседнего подъезда вышла бабка с крохотной собачонкой на поводке.

— С праздничком! — крикнул Филипп Филиппович бабке. — С международным...

Она его не услышала, зато ее собачонка разродилась визгливым лаем.

Филипп Филиппович втянул голову в плечи, нахохлился как воробей, потом встал, отряхнулся и направился к подъезду, но...

Отродясь такого нахальства Филипп Филиппович возле своего дома не видел. Японский микроавтобус на бешеной скорости ворвался во двор, со скрипом шин развернулся и задним ходом припечатался к подъездной двери. Из машины выпорхнула стайка вопиюще развязных девиц в перьевых боа и слаженно нырнула в подъезд, за порядок в котором отвечал Филипп Филиппович.

— Ге-эй!! — крикнул он. — Вы куда, вашу-у мать?! Стоять, не двигаться! Я тут директор!! Я главный! Где документы?! Где регистрация?! Где... — припустил он за девицами, но его вдруг окликнул водитель микроавтобуса.

— Слышь, директор! Ты тут валенками не сучи. Девушки официально прибыли, по закону. Их заказали в агентстве развлечений и праздников!

— Кто заказал? Куда заказал?!

— В квартиру номер пять, — заглянул в какие-то бумаги водитель. — А кто, не имею права говорить.

Филипп Филиппович опять потерял дар речи, застыв с открытым ртом. Никогда еще в его подъезд не заходила толпа разнузданных девок в перьях! Пока Портнягин приходил в себя, ситуация изменилась. Микроавтобус уехал, а вместо него к подъезду припарковалась «Газель». Задние двери распахнулись, и весь ужас повторился сначала: из душного нутра машины вывалились — нет, не девицы, а пятеро неприлично высоких, мускулистых, загорелых парней. Небрежно наброшенные на плечи дубленки не скрывали порочно-красивых тел. Парни дружно ввалились в подъезд. Преследовать их не было смысла, наверняка они тоже явились в образцовый дом «официально» и «по закону».

— Разврат в пятую квартиру заказывали? — обратился Филипп Филиппович к водителю «Газели».

— В нее, — кивнул парень. — Только не разврат, а стриптиз.

— И в чем разница? — нахмурился Портнягин.

— Разврат — это действие, а стриптиз — искусство!

— Тьфу! — в сердцах сплюнул Филипп Филиппович и набрал с мобильного участкового Каюкина.

— Серега! — закричал он, задыхаясь от возмущения, — в пятой квартире творится полный ...

— Боюсь тебя огорчить, Фил, — со вздохом прервал его участковый, — но сегодня во всех квартирах творится самый «полный...» праздник!

— Туда приехал разврат!

— Что ты говоришь?! — ужаснулся Каюкин.

— Пять полуголых девок и пять похабных парней!

— Фил! Хочешь совет?!

— Ну?! — насторожился Филипп Филиппович, ожидая, что участковый даст ему ответственное задание.

— Заведи себе девушку, Фил! И тогда тебе не будет дела до чужого разврата, — пробасил Каюкин и отключился.

Портнягин аж подпрыгнул на месте от возмущения. Вот, значит, как ценят его старания! Заведи себе девушку! Да где ее взять-то?! Тихую, скромную, без боа...

В расстроенных чувствах Филипп Филиппович устроился так, чтобы его не было видно с дороги: сел на корточки с обратной стороны скамейки, привалившись спиной к ее спинке, и просидел так дотемна. Даже задремал, несмотря на холодный ветер, несмотря на оглушительную музыку и безобразные визги, доносившиеся со второго этажа, из этой гадкой пятой квартиры...

А проснулся он оттого, что почувал опасность. Фил с детства умел чутко чувствовать опасность, иначе не выжил бы ни в детдоме, ни в Афгане, ни на зоне, куда попал по глупости на два года.

Проснуться-то он проснулся, но опасности не заметил. Только гулянка на втором этаже набрала обороты так, что соседние деревья тряслись, да из кустов высокий парень тащил на себе вдрызг пьяную девку. В парне Фил признал лысого «моджахеда», который залил пятую квартиру, а вот про девку Портнягин ничего сказать не мог, кроме того, что она была красавицей с длинными белыми волосами и очень дорого, не по-здешнему шикарно одета. Она не могла пошевелить ни ногой, ни рукой, всем весом висела на «моджахеде», и тот, тихонько подматерываясь, затащил ее в подъезд.

Это ж надо нажраться так в женский день! И что они делали в неухоженных кустах?! По идее, нужно было бы сообщить об этом безобразии Каюкину, но после того, как обошелся участковый с Портнягиным, звонить ему было унижительно и бесполезно.

Филипп Филиппович подождал немного, размышляя о грубостях и несправедливостях жизни, и пошел домой.

В пустую, холостяцкую квартиру, где не было места празднику.

Война Шнитке и Блэк Саббата достигла своего апогея.

Из комнаты Левина слышались женские вопли, разудалый свист и взрывы мужского хохота. Кто бы мог подумать, что оксфордский тьюфяк ударит по Дине ее же оружием — устроит грандиозную пьянку и вызовет девиц?

Стены тряслись, уши закладывало от басов. Нора визжала и извивалась перед самым атлетичным из стриптизеров.

Дина сидела на диване, тянула через соломинку мартини со льдом, а перед ней вязко и вычурно извивался слащавый брюнет.

Вдруг дверь распахнулась, в комнату, танцуя и держась друг за друга, ворвалась цепочка полуголых девчонок. Процессию замыкал Клим. Отплясывая дикий танец, Титов кривлялся и что-то орал. Вслед за ними в дверном проеме возник Левин — красный, растерянный и смущенный. Судя по артикуляции губ, он звал Клима назад, в свою комнату, но тот плевать хотел на его призывы и жестами подначивал обе стороны слиться воедино в шумном веселье. Потом сорвал с себя пуловер и, размахивая им над головой, принялся с гиканьем скакать по тесно заставленному пространству Дининой комнаты, топча диван, кресла, рискуя все разрушить и перебить. Нора начала швыряться в него апельсинами. Оранжевые снаряды попадали в стены, оставляя на них рыжие пятна.

Девицы в островитянских нарядах были уже везде — на подоконнике, на диване, на креслах, и, кажется, даже на люстре. Дина зажмурилась. Это был конец света. «Хоть бы кто-нибудь из соседей вызвал полицию, — то скливо подумала она. — Хоть бы кто-нибудь...» И вдруг, не отдавая себе отчета, вскочила и заорала:

— Вон из моей комнаты! — успев запустить в Левина тяжелой кошкой-копилкой. Левин увернулся от кошки, и она, ударившись в стену, разлетелась на керамические осколки. — Вон из моего дома!!! — снова крикнула Дина срывающимся голосом.

И тут одна из девушек отчаянно завизжала. Все замерли и уставились на нее. На руки, на голову, на голые плечи девчонки с потолка капала кровь. В наступившей тишине показалось, что слышно, как вразнобой колотятся у всех сердца.

— Спокойно! — приказал Клим. Задржав голову, он внимательно рассмотрел бурые разводы на потолке. Потом пальцем потер плечо девушки, понюхал его, пожал плечами и скучным голосом сообщил:— Кажется, марганцовка. Во всяком случае, на кровь не похоже.

— Кровь! — завизжали девицы.

— Проводка! — крикнула Нора. — Немедленно потушите свет, иначе будет короткое замыкание.

Кто-то выключил свет.

— Клим, я наверх, а ты никого не выпускай из квартиры, — приказал Левин Титову и бросился к двери.

— Как это не выпускай?! Почему только ты наверх?! — Дина бросилась за Левиным и даже вцепилась ему в локоть, чтобы не отстать. — Я, на минуточку, тут тоже не посторонняя!!

Стараясь обогнать друг друга на лестнице, они ринулись на третий этаж.

Дверь злополучной квартиры оказалась слегка приоткрыта. Левин первым ворвался в темный холл и сразу бросился в ванную, успев на бегу включить свет.

— Стой! — крикнул он Дине. — Не надо, не ходи сюда...

Но она уже стояла у него за спиной и, задохнувшись от бега, не могла закричать от ужаса, а только схватилась за горло и выпучила глаза, потому что то, что она увидела, могло быть только галлюцинацией, только начавшейся белой горячкой от выпитого мартини со льдом.

В ванной, заполненной до краев буро-красной водой, лежала девушка с перерезанным горлом. Вода хлестала из крана, и длинные белые пряди волос, попадая в поток, шевелились и извивались, словно живые. На девушке было зеленое платье, сапоги на шпильке, а в ушах и на пальцах с возмутительным равнодушием сверкали бриллианты.

Все это было дико, неправильно и не могло быть правдой. Особенно то, что в кроваво-красной воде, покачиваясь, плавали синие ирисы, прикрывая тело скорбным, подвижным ковром.

— Не ори, — жалобно попросил Дину Левин, хотя она не издала ни звука.

— Сам не ори, — огрызнулась Дина и закрутила кран. Вода перестала хлестать, стало тихо.

Белые пряди больше не шевелились, ирисы прекратили хаотичное движение над телом.

— Поздравляю, отпечатки твоих пальцев наверняка пригодятся следствию, — буркнул Левин.

— Твои ирисы тоже очень интересуют оперативников, — огрызнулась Дина. Она сняла с крючка полотенце и тщательно протерла краны.

— На ирисах не написано, что они мои! — возмутился он. — Это могут быть совсем другие цветы!

— Ну-ну! Это ты в прокуратуре расскажешь, — усмехнулась Дина и, склонившись над трупом, рассмотрела его.

Девушка была красавицей. С тонким, породистым, до боли знакомым лицом. И это зеленое платье... Не его ли подол торчал из багажника?!

— Мама! — Дина зажала себе рот рукой. — Mamочки...

— Говорю же тебе, не ори!

— Да ты знаешь, что это за девица?!

— Конечно! Я знаю в лицо всех девиц Москвы и Московской области!!

— Идиот! Это Инна Покровская! Звезда! Светская львица! Известный продюсер! У нее муж владелец гостиничной сети «Ренессанс», они живут на Рублевке! Без упоминания об Инне Покровской ни одна светская хроника не обходится, весь глянец в ее фотографиях, весь город в щитах с ее изображением!

— Я не в курсе всех этих поповых российских радостей, — пробормотал Левин и осторожно уточнил: — А ты точно уверена, что это она?

— Точно! Нужно звонить в полицию! Немедленно! Сейчас же! Быстрее!

— Стой! — Левин схватил ее за руку. — Я хотел тебя попросить...

— Ой, да не расскажу я про твои ирисы! — отмахнулась от него Дина. — Тем более что на них действительно не написано, что они твои!

— Спасибо, — проникновенно сказал Левин, — большое тебе человеческое спасибо. Я не хотел бы давать интервью многочисленным журналистам...

— Скорее! Полиция! — Дина бросилась к двери, но она оказалась закрыта.

Левин проделал все возможные манипуляции с замком, но дверь не поддавалась.

— Нас заперли снаружи, — растерянно сообщил он.

— Не может быть! Кто?! — Дина нагнулась к замочной скважине и прокричала: — Помогите! Эй, кто-нибудь...

— Не ори! — Левин быстро прошелся по квартире, осматривая все комнаты.

Квартирка была так себе — неухоженная и как будто бы нежилая. Везде пыль, запустение, минимум мебели. У продавленного дивана сиротливо притулились женские тапки, которые кто-то использовал вместо пепельницы. На кухонном столе стояли две грязные чашки из-под чая, валялся пакет с засохшими пряниками.

— Иди сюда! — позвал Левин Дину. — Я кое-что нашел!

— Что еще?! — Она ворвалась на кухню в крайнем раздражении и возбуждении. — Что, еще один труп знаменитости?

— Смотри, — показал он на полку.

— Бли-и-ин! — Дина никогда не употребляла этого мерзкого слова и всегда жесткой редакторской рукой вычеркивала его из авторских рукописей, но сейчас не смогла удержаться. — Откуда здесь мои вещи?!

На кухонной полке стояли пропавшие из квартиры шампуни, лежало мыло, валялись рулоны туалетной бумаги, бритвенные лезвия, скрабы, гели, лосьоны и прочая ерунда, которой обычно полно в ванной.

— Кто-то спер из нашей квартиры все эти мелочи, кто-то специально затопил нашу квартиру, закрыв сливное отверстие в ванной, кто-то закрыл нас в квартире с трупом Покровской, кто-то хочет подставить нас! — прошептала Дина. — Пошли отсюда! — схватила она Левина за руку. — Быстрее!

— Куда?! Нас заперли! Дверь железная, мне не выбить ее!

— Звони Климу! Звони в полицию, спасателям, пожарным!

— У тебя есть телефон?

— Нет, оставила дома.

— И я оставил. А тут стационарного аппарата нет, я проверял. Розетка есть, а телефона нет!

— Нужно что-то делать! Стучать по батареям! Орать! — Дина заметалась по комнате, подбежала к окну, рванула на себя раму, но заметила балконную дверь и выскочила на балкон.

— Помогите! — свесившись через перила, закричала она. — Помогите, пожалуйста!

— Да, в самом-то деле, сделайте что-нибудь! — пробормотал Левин, выходя на балкон и проклиная тот день, когда решил вернуться в Россию.

— Громче ори! — обернулась к нему Дина. — Нас никто не услышит!

— Помоги-ите! Караул!! — рявкнул Левин, чувствуя себе последним идиотом. — Шухер! Атас!! Спа-артак! Чемпион!!

— Что ты несешь?! Повторяй за мной: « По-мо-ги-те! Пожа-алуйста!»

— Идиотизм, — буркнул Левин, чувствуя, как леденеют на снегу ноги в мокрых носках. — Идиотиизм! — заорал он.

Внезапный порыв ветра вдруг захлопнул балконную дверь. Тихо лязгнув, шпингалет с той стороны закрылся.

— Только этого еще не хватало! — Левин пнул дверь, но она не поддавалась.

— Мне страшно, — тихо сказала Дина. — Страшно и холодно.

— Помогите! — теперь уже всерьез заорал Лев. — Помогите! Спасите!!

— Да говорю же тебе, не я эту девку зарезал! — Алекс раздраженно ударил кулаком по рулю. — Мокруха не мой профиль. Если мне что-то нужно, я по-тихому заберу, без крови.

— А я думала, ты и меня зарежешь! — хихикнула Евдокия.

Она сидела на переднем сиденье, смотрела в окно на несущийся навстречу темный асфальт и тайком, время от времени, бросала взгляды на тонкий, красивый профиль Алекса.

— Дура! — захохотал Алекс. — Да как же я тебя зарежу, если ты мне еще деньги за квартиру не отдала?! Придумала черт знает что!! Я понятия не имею, откуда у меня в багажнике взялась эта фифа Инна Покровская! Вот скандалище-то поднимется! Всю Москву переколбасит! Журналисты миллионы на этом заработают! Ты уверена, что мы правильно сделали, усадив ее в ванну и затопив соседей водой с марганцовкой?!

— Уверена, — кивнула Евдокия. — А что с этой звездой делать-то еще было? Закапывать трудно, с собой возить — опасно. А так... мне она добрую службу сослужит.

— Какую?! — удивился Алекс.

— Не твое дело!

— Да плевать мне на твои дела. Ты деньги от продажи квартиры с книжки сняла?

Евдокия похлопала по пухлой сумке, которую держала на коленях:

— Все как договаривались.

Алекс кивнул и сосредоточенно уставился на дорогу.

— А почему ты с девки бриллианты не снял? — задала она мучивший ее вопрос.

— А куда их? — равнодушно отозвался он. — Продать — не продашь, у таких кралей все цацки эксклюзивные, сразу вычислят, не отмажешься.

Неожиданно Евдокия поняла, что они несутся по Рублевскому шоссе. Она хотела спросить у Алекса, зачем они едут на Николину гору, но не осмелилась — такое жесткое у него было лицо. Она промучилась этим вопросом еще минут двадцать, пока они не остановились у роскошного особняка.

— Это что? — растерялась Дуська. — Это где? Это... почему?

— Я же говорил тебе, рыжая, что у меня есть маленький домик за городом, в котором мы будем скрываться, — усмехнулся Алекс и пошел открывать ворота. Через минуту он припарковал «Жигули» возле высокого крыльца с колоннами и позвал онемевшую Дуську в дом.

Евдокия мелко-мелко посеменила за ним, прижимая сумку к груди.

— Господи! — только и смогла воскликнуть она, когда свет в гостиной вспыхнул миллионом пронзительно-ярких лампочек. — Господи, красота-то какая! Это что? Почему? — твердила она пустые вопросы, рассматривая картины на стенах в позолоченных рамах и мебель в дворцовом стиле на гнутых золотых ножках.

— Располагайся, рыжая! — Алекс небрежно бросил барсетку на искрящийся шелк дивана, снял куртку и пристроил ее на гнутую спинку стула.

— Кто ты?! — попятилась от него Дуська. — Кто?!

— Дед Пихто, — буркнул Алекс. — Ты деньги-то мне отдашь?

— Ты обещал мне расписку, — вспомнила Дуська свое условие, хотя разум совсем отказывал ей служить. — Душу, сердце и тело...

— О господи! — Алекс открыл секретер, по-свойски порылся в нем, вытащил бумагу и ручку и наспех, размашисто написал что-то на белом листе. — Держи! — протянул он бумагу Дуське.

— «Я, Томас Ревазов, продал свои душу, сердце и тело Евдокии за восемьсот девяносто тысяч долларов», — прочитала она вслух. Почерк был небрежный, но красивый, в тексте не было ни одной ошибки. — Нужно было написать «своей жене Евдокии», — поправила Дуська.

— Переписывать не буду! — Алекс выдернул у нее из рук сумку с деньгами и сразу повеселел. — Кстати, с праздничком тебя, рыжая! С женским международным днем! Можешь вино в баре взять, оно тут наверняка есть!

Дуська сложила заветную бумагу вчетверо, сунула ее под кофточку и, прижимаясь к Алексу, сказала:

— Плевать на вино! Плевать на все праздники! Теперь ты мой. Совсем-совсем мой...

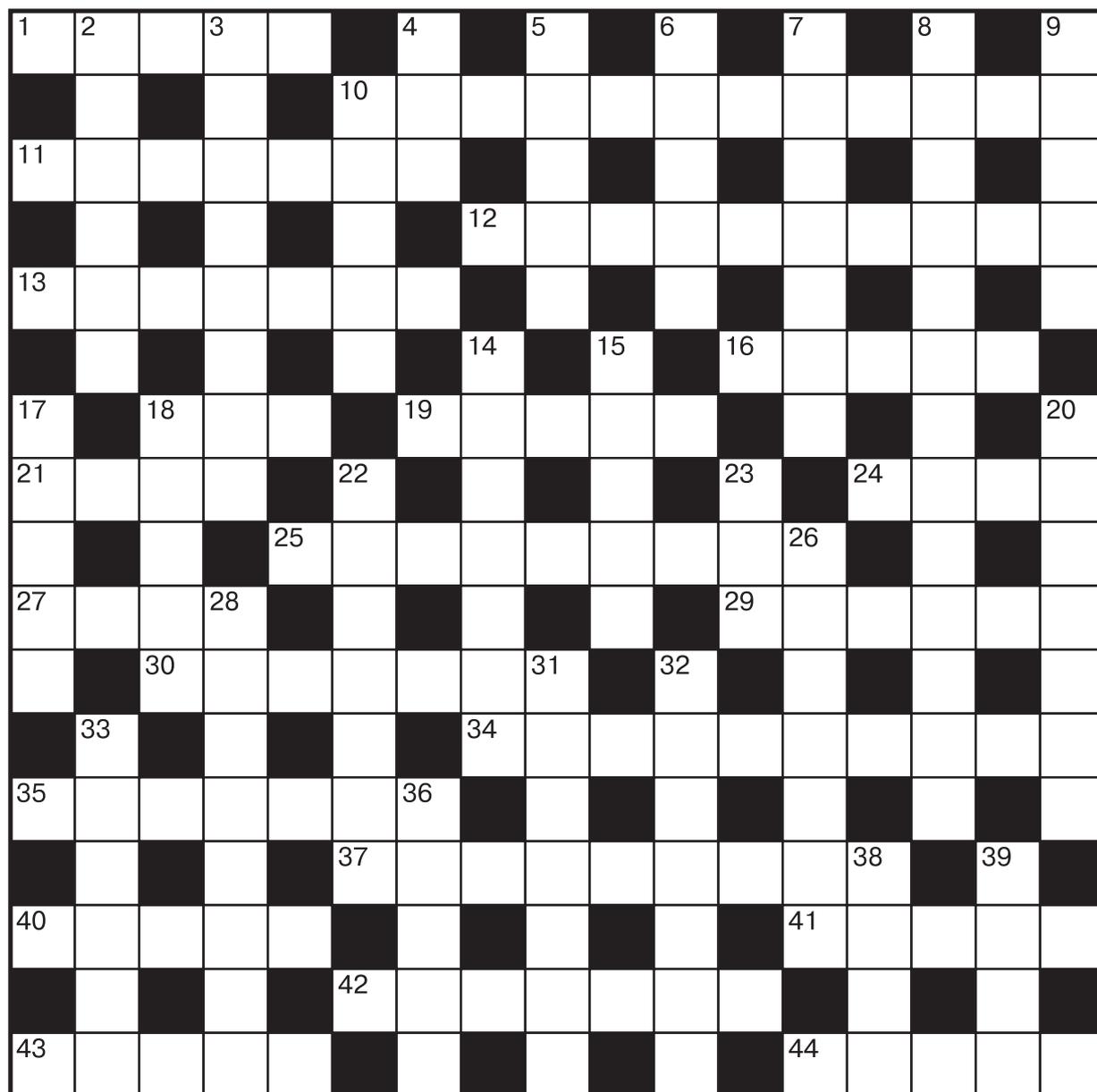
— Да, рыжая, с сегодняшнего дня мы с тобой одним миром мазаны, — усмехнулся Алекс и похлопал ее по спине. — Ты ведь теперь тоже в розыске будешь, да еще похлеще, чем я. Ведь квартиру свою ты с трупом знаменитости продала!

— Продала, — согласилась Дуська, пряча улыбку. — С трупом...

Эх, знал бы он, что скрываться ей вовсе не обязательно! □

Продолжение следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Какое оружие принесло олимпийское золото Павлу Колобкову? **10.** «Нервная система» политики. **11.** Лейбл на бланке. **12.** Гоголевский персонаж с полицейскими наклонностями. **13.** «...кожи скрадывает отсутствие красоты» (японская пословица). **16.** Какого разведчика сыграл Юозас Будрайтис

в фильме «Битва за Москву»? **18.** Что для Демокрита состояло «из атомов и пустоты»? **19.** Дуэль рэперов. **21.** «Заколдованный принц» ходжи Насреддина. **24.** «Нулевой ...» в строительстве. **25.** Каким веществом животного происхождения Григорий Распутин поддерживал свою легендарную мужскую силу? **27.** С какой

нашей рекой связана граница между Европой и Азией? **29.** У Михаила Лермонтова находим: «В путевых заметках одного француза я недавно читал, что у нас против господского дома обыкновенно торчит виселица». Что же француз видел на самом деле? **30.** «Бумеранг» из булочной. **34.** Первый Остап Бендер нашего кино. **35.** Футляр с «зажигалками». **37.** На каком совещании судьбу пациента решают? **40.** Змея с капюшоном. **41.** Бальный ... **42.** Кому именно «принцип Смита» разрешает иметь сколько душе угодно законных жен? **43.** Что на берег накатывает? **44.** Что к перрону подают?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Кто идет непроторенным путем? **3.** Научное амплуа папанинца Евгения Федорова. **4.** Где оказался много думавший индюк? **5.** Посланец небес. **6.** Минутная, но не слабость. **7.** Песчаные

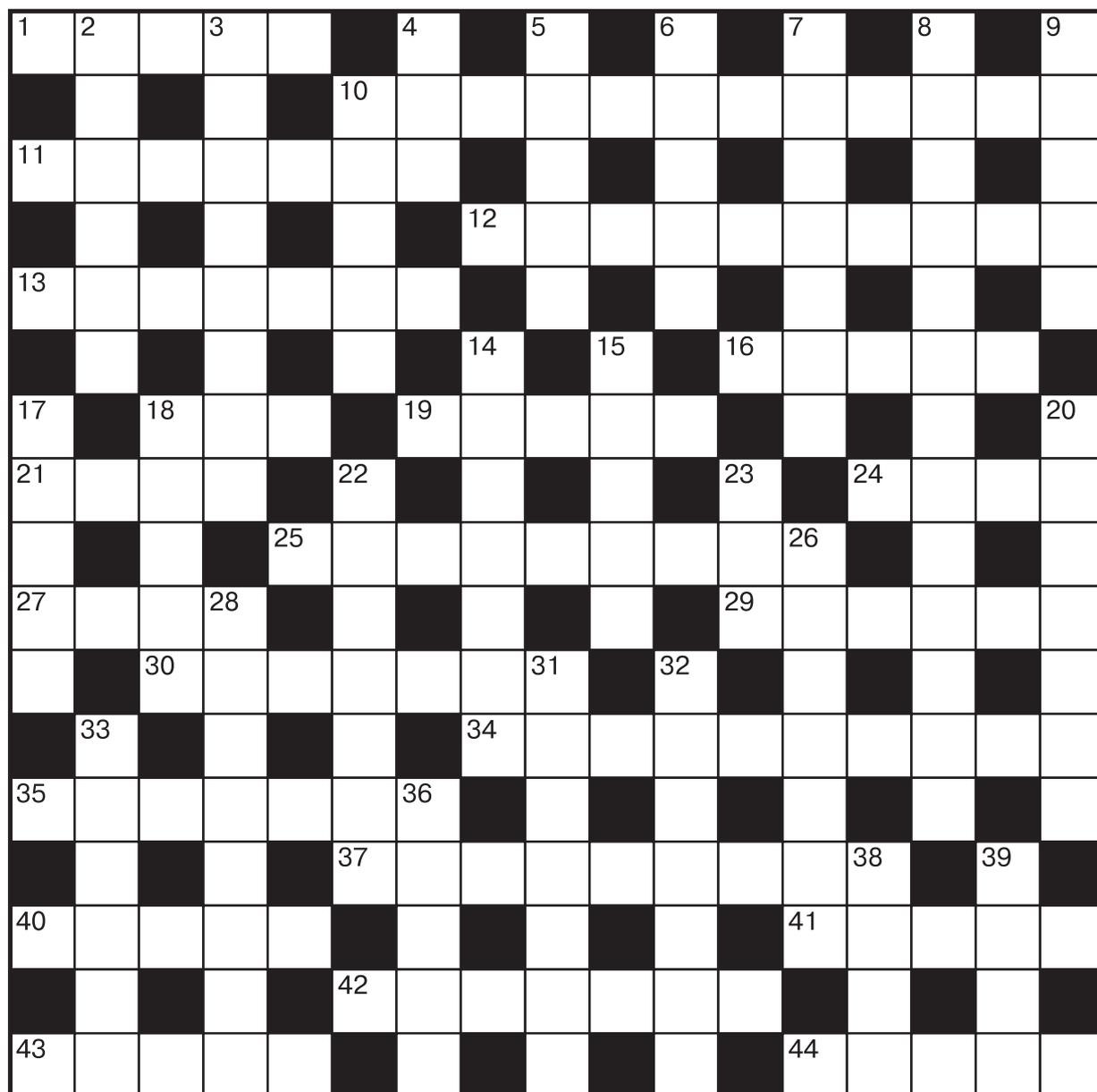
организмы. **8.** «Самое взрывоопасное» среди лекарств для сердечников. **9.** Закуска для мартышек. **10.** «То, что с тобой происходит, пока ты строишь планы» для Джона Леннона. **14.** «Урожай с овцы». **15.** Какая буря мглою море кроет? **17.** Какой цветок неосторожно держать в доме, где есть аллергики? **18.** Как зовут героя первого опубликованного рассказа Максима Горького? **20.** Какие оккультные знания особенно сильно интересовали Даниила Хармса? **22.** «13 стульев» на советском телевидении. **23.** Овощ, чьим свежим соком лечат ангину. **26.** «Путеводная нить» рейсового автобуса. **28.** В каком барабане крутится джекпот? **31.** Бульон с прононсом. **32.** Кто из классиков английской литературы дважды отказывался от рыцарства? **33.** Дом волка. **36.** Оскароносный комдив с лицом Никиты Михалкова. **38.** Жгучий красавец в сомбреро. **39.** Некие ограничения.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Холмс. **7.** Книга. **10.** Невада. **12.** Пограничник. **13.** Аэроплан. **14.** Реквием. **17.** «Домострой». **18.** Виза. **19.** Шок. **22.** Гелий. **23.** Вампилов. **24.** Коран. **26.** Пентаграмма. **28.** Булат. **30.** Звон. **31.** Бакен. **32.** Отит. **34.** Кох. **36.** Мускул. **38.** Горизонт. **39.** Дебошир. **40.** Утро. **41.** Бишкек. **42.** Волокно.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ункас. **2.** Оверлок. **3.** Адаптоген. **5.** Омон. **6.** Морфей. **8.** Нечаев. **9.** Гриф. **11.** Анива. **12.** Партбилет. **14.** Рой. **15.** Миллиметровка. **16.** Халва. **17.** Довод. **20.** Макгрегор. **21.** Сплав. **22.** Гарун. **25.** Страх. **26.** Пар. **27.** Изумруд. **28.** Боксеры. **29.** Статика. **31.** Болото. **33.** Суд. **35.** Вицин. **37.** Лето. **38.** Гимн.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Основная школа японской чайной церемонии. **10.** Католический монах. **11.** Зеленый оливин. **12.** Лечащий врач Мэрилин Монро, сообщивший в полицию о смерти звезды. **13.** Какая святая покровительствует церковной музыке? **16.** Кто из телепузи-

ков самый упрямый? **18.** Первый фильм, снятый под эгидой Московской Патриархии. **19.** К какой касте принадлежал древний род Махатмы Ганди? **21.** Кто из «джазовых королей» поп-музыки США подвергался преследованию ку-клукс-клана? **24.** «Ущерб» при кипячении. **25.** Вне-

штатный сотрудник. **27.** Один из двух издателей первого в России сборника народных песен. **29.** Академик, правая рука Сергея Королева. **30.** Деревянный шкафчик для судового компаса. **34.** Карточная игра из рассказа «Ужас» Александра Куприна. **35.** Одногорбый верблюд. **37.** Кто движется в обратную сторону времени? **40.** Бренди со свежими фруктами. **41.** Кто из народных артистов СССР лично обсуждал сыгранную в кино роль Иосифа Сталина с «вождем всех времен и народов»? **42.** Кто изобрел метод газоразрядной фотографии? **43.** Единственный уцелевший город Содомского Пятиградия. **44.** Школьное прозвище голливудской звезды Дженнифер Лоуренс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Какой тюрбан киргизка носит? **3.** Сахаристый спирт. **4.** Бог ярости у египтян. **5.** «Зимний дырокол» рыболова. **6.** «Мягкое масло». **7.** «Ископаемый предок» кипа-

риса. **8.** Скупщик красивых доменных названий. **9.** Культовое стихотворение Бориса Пастернака. **10.** Кем становился самурай, который потерял своего господина? **14.** Царский пастух, усыновивший Ромула и Рема. **15.** От какого дерева родился Адонис — любимец Афродиты? **17.** Жираф имени Гарри Джонстона. **18.** Кто невольно спалил Морпорк из романа «Цвет волшебства» Терри Пратчетта? **20.** Легендарный охотник Дикого Запада, ставший персонажем американского фольклора. **22.** Карликовый олень с клыками. **23.** Колада в руках рыцаря Сида. **26.** «Греческая слива», что бывает как колхозной, так и советской. **28.** Испанская широкополая шляпа, закрывающая лицо. **31.** Как прежде на Руси называли студень? **32.** Японская пивнушка. **33.** Кекс в коричневых тонах. **36.** «Телефонная компания», поставлявшая противогазы для финской армии. **38.** Юрта у индейцев. **39.** Крупнейший гибрид среди кошачьих.

Ответы на эрудит, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Барли. **7.** Иншуа. **10.** Лоферы. **12.** Веркорнброт. **13.** Драупнир. **14.** Головач. **17.** Селерифер. **18.** Рико. **19.** Эон. **22.** Дирак. **23.** Голокост. **24.** Кювье. **26.** Цивилизатор. **28.** Нагоя. **30.** Имир. **31.** Бигос. **32.** Дион. **34.** Дин. **36.** Ахират. **38.** Викиваки. **39.** Минспай. **40.** Эзоп. **41.** Госики. **42.** Вампука.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Слюда. **2.** Афгален. **3.** Тропление. **5.** Ашер. **6.** Ликтор. **8.** Нублар. **9.** Усой. **11.** Преон. **12.** Визитация. **14.** Гея. **15.** Чинопочитание. **16.** Йошта. **17.** Сомюр. **20.** Вомиторий. **21.** Собас. **22.** Дьюар. **25.** Хитин. **26.** Цой. **27.** Килауэа. **28.** Нитинол. **29.** Антинит. **31.** Биссап. **33.** Чам. **35.** Хирон. **37.** Тика. **38.** Ванк.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2025 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 255 рублей 20 копеек	За 1 номер — 289 рублей 30 копеек
За полугодие — 1531 рублей 20 копеек	За полугодие — 1735 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2025 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Telegram-канал Журнала «Смена»: <https://t.me/smenamagazine>

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

! ВНИМАНИЕ! Анонс на №4-2025

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

25003

Многие из нас помнят нашумевший в свое время исторический сериал «Петербургские тайны», снятый по роману Всеволода Крестовского «Петербургские трущобы». Но откуда у блестящего офицера, полковника могло быть такое глубокое знание Петербургских трущоб? Кто надумил и помог ему создать этот необычный роман? Это был Николай Герасимович Помяловский, имя которого сегодня известно лишь узкому кругу специалистов и людям, равнодушным к литературе 19 века. В апреле исполняется 190 лет со дня его рождения, и мы решили вспомнить и рассказать вам о жизни этого замечательного человека и писателя.

Евгений Никитин «Несломленный бунтарь»

Великому ученому Николаю Копернику повезло родиться в нужное время: с середины 15 столетия в мире процветал Ренессанс. Великие открытия будоражили умы европейцев, и среди них не мог не появиться такой человек, как Коперник. Он был не только талантливым ученым-астрономом, талантливым врачом, одним из создателей современного календаря, но и... прекрасным кулинаром. Именно ему приписывают изобретение бутерброда. Но, несмотря на все эти таланты, его стихией всегда оставались астрономия и звездное небо!...

Виктор Елисеев «Остановивший Солнце и сдвинувший Землю»

В 1657 году у «тишайшего» царя Алексея Михайловича родилась дочь, которую назвали Софьей. Она была шестой из 16 детей плодовитого отца. Девочка с юных лет отличалась умом и любознательностью, и ей даже выделили персонального учителя. Именно ее ум сыграл главную роль в бурных событиях 1680-х годов. Ведь после смерти царя Федора борьба за власть разгорелась с новой силой, и ей удалось не только организовать стрелецкий бунт, но стать регентшей при несовершеннолетних царях Иване и Петре. С этого времени российское государство зажило, можно сказать, под «женским каблуком»...

Светлана Марлинская «Да сохранится имя мое...»

Певец Артем Борисенко родился в творческой семье. Его бабушкой была меццо-сопрано Большого театра Вероника Борисенко, и она могла бы гордиться своим внуком. Артем с отличием окончил институт имени Гнесиных, а затем и факультет музыкального театра ГИТИСа. На сегодняшний день его хорошо знают как участника «Большой оперы» и как лауреата многих международных конкурсов.

Интервью Дарьи Парчинской

Продолжение иронического детектива **«Вселенский стриптиз»**